

уральский

следопыт

№8*** 1976

ОН ЖИЛ НА ОЗЕРЕ АРГАЗИ...

Каждое лето уходят на поиски следов первобытных людей ученые Уральской археологической экспедиции. В университет они привозят ценнейшие находки — обломки глиняных сосудов, орудия из камня, бронзы и железа, украшения...

На озере Аргазы, что в Челябинской области, археологи нашли каменную скульптурку. Эта находка особенно ценна: ученые смогли увидеть облик далеких предков глазами их современника.

Скульптурка представляет собой стилизованное изображение человека, но детально проработано только лицо. Широкие скулы, плотно сжатые губы, глубоко посаженные глаза. Можно предположить, что это лицо человека так называемого лаповидного типа — древнего жителя Урала, сочетающего в себе черты как европейца, так и монгольида.

Материалом для скульптурки избран тальковый камень, из которого изготовлены более десяти найденных там же предметов. Какова древность скульптурки? Ответить на этот вопрос было не просто. Дело в том, что она была найдена на поверхности берегового мыса, где имеются культурные остатки самых различных эпох, начиная с каменного века и кончая средневековьем. Уральские археологи предполагают, что возраст скульптуры — не менее 3—3,5 тысячи лет!

Последующие широкие и детальные исследования, которые намечено провести на озере Аргазы, возможно, принесут нам новые данные и помогут точнее оценить найденную скульптуру.

Валерий ПЕТРИН,
Александр ШОРИН

в номере:

Д. Лившиц А. Поляков ДЕСЯТЬ БИЛЕТОВ ДЛЯ ДЕВЯТОГО «Г»	2
А. Семинов ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МАГНИТКИ В МАГНИТКУ	12
В. Белоусов ЛЕНИНСКИЕ ЗНАЧКИ	15
Н. Широкова ЭТО ТОЛЬКО В ТАГИЛЕ	16
В. Янковский НЭНУНИ — ЧЕТЫРЕХГЛАЗЫЙ. Повесть	17
В. Сорокин МСТИТЕЛИ. Стихи	38
И. Алебастров ИЗОБРЕТАТЕЛЬ МИНОМЕТА	40
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	42
НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА В. В. КАМЕНСКОГО	44
А. Матвеев ДВЕ ДВИНЫ	46
Ю. Дунаев ДАР ВАЛДАЯ	49
Б. Алмазов САМЫЙ КРАСИВЫЙ КОНЬ. Повесть. Окончание	50
А. Локерман УРАЛЬСКИЕ ЧЕРВОНЦЫ	65
В. Бугров КНЯЗЬ ВАТЕРЛОО С ВЕРХ-ИСЕТСКОГО ЗАВОДА	68
Ф. Кривин ТРУЛЮЛЮПОВЫ ОСТРОВА. Продолжение	70
ВОТКИНСКИЙ ЯКОРЬ	77
МИР НА ЛАДОНИ	78

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь),
Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
Индекс 620219

Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8

Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 28/IV 1976 г.
НС 12305.
Подписано к печати 14/VI 1976 г.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,3
Тираж 275 000.
Заказ 229.
Цена 30 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
В. МЕРИНОВА.
Оформление 2-й стр. об-
ложки З. БАЖЕНОВОЙ

© «Уральский следопыт», 1976 г.

№8 * 1976

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

ЭТОТ НОМЕР ЖУРНАЛА
СОСТАВЛЕН В ОСНОВНОМ
ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ.
В НИХ РАССКАЗЫВАЕТСЯ
О ДЕЛАХ И ЛЮДЯХ
ДАВНО МИНУВШИХ ЛЕТ,
И О ГЕРОИЧЕСКИХ СВЕРШЕНИЯХ
НАШИХ ДЕДОВ И ОТЦОВ.
ПОИСК КРАЕВЕДА
ПОЧТИ ВСЕГДА ВЕДЕТ
К НОВЫМ ОТКРЫТИЯМ.
МОЖНО ВСЮ ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ ТАМ,
ГДЕ ТЫ РОДИЛСЯ,
НО ДО КОНЦА ДНЕЙ НАХОДИТЬ
УДИВИТЕЛЬНОЕ,
ДОСЕЛЕ НЕИЗВЕСТНОЕ
В СУДЬБЕ РОДНОГО КРАЯ.
УЗНАВАТЬ НОВЫЕ ПОДРОБНОСТИ
О ПОДВИГАХ ГЕРОЕВ ГРАЖДАНСКОЙ
И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН,
ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК.
ОТКРЫВАТЬ ДЛЯ СЕБЯ КАК БЫ ЗАНОВО
ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ.
ПОСТИГАТЬ КРАСОТУ НАРОДНОГО ПРОМЫСЛА,
К КОТОРОМУ, КАЗАЛОСЬ,
ДАВНО ПРИСМОТРЕЛСЯ.
КРАЕВЕДЕНИЕ ОТКРЫВАЕТ
ДВЕРИ В ИСТОРИЮ.
ОНО РОЖДАЕТ ГОРДОСТЬ
ЗА ТВОЮ РОДИНУ,
ДЕЛАЕТ ТЕБЯ ДУХОВНО БОГАЧЕ
И НРАВСТВЕННО ВОЗВЫШЕННЕЕ.
КРАЕВЕДЕНИЕ ПО ПРАВУ
МОЖНО НАЗВАТЬ ШКОЛОЙ
ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ.

Десять

**Давид
ЛИВШИЦ,
Анатолий
ПОЛЯКОВ**

На правом берегу многоводной Камы, в том месте, где в нее впадает речушка Тойма, стоит белокаменная, все еще по-купчески лабазная Елабуга (алабуга по-татарски — окуль).

Тихая Елабуга знаменита хотя бы именем И. И. Шишкина — великого русского живописца. Здесь он родился, жил и работал долгие годы, здесь он написал свою хрестоматийную, известную каждому школьнику «Корабельную рощу» — «Афонасовскую корабельную рощу близ Елабуги», как называется это полотно полностью.

До сих пор, с 1836 года, на крутом берегу Тоймы высится солнечный ладный особняк с вольной верандой — отчий дом художника. Теперь в покоех первого и второго этажей здания — интереснейший дом-музей Ивана Ивановича Шишкина.

Впрочем, Елабуга могла быть знаменита и именем отца художника — купца Ивана Васильевича Шишкина. Правда, купцом он был своеобразным, не преуспевающим. Его не столько интересовали торговые дела, сколько судьбы родного края, его культура, история. И. В. Шишкина смело можно назвать первым елабужским краеведом, он написал даже книжку об истории Елабуги. Занимался купец археологией, участвовал в раскопках знаменитого Ананьинского могильника — известного ученым всего мира.

Уважаемый в округе человек, И. В. Шишкин трижды избирался городским головой Елабуги. В его доме бывал великий Д. И. Менделеев, который работал поблизости — на химическом заводе Ушкова в Бондюге, ныне Менделеевске. Другом дома Шишкиных была жительница Елабуги кавалерист-девица, ординарец фельдмаршала М. И. Кутузова Надежда Андреевна Дурова. На одной из улиц города все еще стоит скромный домик, где она жила, а в городском сквере над могилой героини Отечественной войны 1812 года белеет в просветах между деревьями надгробный памятник...

Вот из этой самой старинной Елабуги, точнее сказать — из ее предтечи села Трехсвятского, в 1626 году из крестьянской общины выдели-

билетов для девятого „Г“

«В АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ обеспечить в 1980 году выпуск 2,1—2,2 млн. автомобилей, в том числе 800—825 тыс. грузовых... Значительно повысить технический уровень, качественные и эксплуатационные показатели автомобилей. Расширить применение дизелей в автомобилестроении». («Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы»).

«АВТОМОБИЛЬНЫЙ ТРАНСПОРТ получит сотни тысяч грузовиков новых марок с КамАЗа, ЗИЛа, БелАЗа».

(Из доклада Председателя Совета Министров СССР товарища А. Н. Косыгина на XXV съезде КПСС.)

лась ватага предприимчивых мужиков. Они переправились на пустые земли на левом берегу Камы и основали тут починок — Челны. То ли они эти свои выселки сразу назвали Челнами — на юрких челнах, поди, приплыли — и от них получила имя и речка Челнинка, то ли, наоборот, — у речки позаимствовали имя своему поселению. Дело это спорное — как оно тогда было?

Так и пошли Челны, потом — Бережные Челны, а еще позже — почему-то Набережные Челны...

Красиво звучит: Набережные Челны! Неплохо — и Бережные Челны: есть в этом имени что-то и от «берега» и от слова «беречь».

Сто лет назад по «Списку населенных мест Уфимской губернии» в Набережных Челнах числилось: жителей обоего пола 720 душ, 136 дворов, церковь, училище, водяная мельница, 18 лавок, три ярмарки в году и базары по пятницам. Тут же назывались и главные профессии челнинцев: кроме хлебопашества, они бурлачили и работали на пристани.

В 1890 году, по дороге на Сахалин, А. П. Чехов, проплывая по Каме, писал сестре:

«Камские города серы: кажется, в них жители занимаются приготовлением облаков, скуки, мокрых заборов и уличной грязи — единственное занятие».

Таковы были Набережные Челны на рубеже веков.

В путеводителе «Поволжье» за 1925 год под редакцией проф. В. П. Семенова-Тян-Шанского в Набережных Челнах сказано, что это село насчитывает свыше 1000 жителей, что это крупная хлебная пристань с огромными амбарами, элеватором, мельницами.

От старой мельницы, от амбаров сейчас и следа не осталось, а вот элеватор все еще красуется над Камой — как мастодонт, как плечистый утес над рекой. Он, кажется, вечен, этот некогда крупнейший в России элеватор. Он многое повидал на своем веку: и «как бурлаки идут бечевой», и шумные базары по пятницам, и мокрые заборы вдоль лабазов, и толчею барж у причалов... Стал элеватор-циклоп и свидетелем великого обновления Набережных Челнов, когда сюда двинулись со всех концов страны люди, чтобы построить здесь новый завод, каких свет не видывал, и новый город, какой и во сне никому из здешних жителей не снился...

«Меняю квартиру в Армавире на Набережные Челны...», «Меняю квартиру в поселке КамГЭС на равноценную в Новом городе...», «Муж и жена снимут комнату...», «Кому нужна няня, обращаться...», «Потерялся дог шоколадной масти, нашедшего прошу вернуть за вознаграждение...»

Все эти объявления глядят со стен и столбов старых и новых улиц города. Но все эти житейские призывы заглушает один звонкий, как труба, клич: «Требуется!..»

«Требуется, требуется, требуется!..» Кто только не нужен сегодня новому автозаводу и молодому городу. Каменщики, экономисты, маляры, монтажники, учителя, шоферы, врачи, бульдозеристы...

Еще недавно многие профессии ждали своего часа: токари работали трубоукладчиками, технологи — воспитателями общежитий, контролеры — вахтерами, наладчики — штукатурами... Сегодня завод и его службы, город и его службы могут освоить едва ли не все мыслимые специальности. И требуются: слесари, операторы, термисты, формовщики, закройщики, программисты, специалисты, знакомые с электронным оборудованием, наконец, акушеры, повара и официанты в рестораны экстракласса...

Требуется все!

И все-таки случаются «проколы».

Когда Люба Михеева в первый свой отпуск приехала сюда в гости к сестре и увидела, что это за город, она пошла на почту и послала домой телеграмму: «Мама, остаюсь, увольняйтесь».

«Люба, подумай. Мама». — другого ответа она и не ожидала. Но документы пришли быстро, и Люба отправилась на РИЗ — ремонтно-инструментальный завод — устраиваться на работу. Ей очень хотелось работать здесь: так кругом чисто, красиво, всюду цветы, не завод, а павильон. В стеклянной кабинке, как в хрустальном ларце, начальник сидит, улыбается приветливо.

— Что умеете делать? — спрашивает.

Люба работала до этого на заводе, и она с гордостью назвала свою редкую профессию:

— Я инструктор по производственной гимнастике.

Кадровик засмеялся и сказал:

— Очень сожалею, девушка, но гимнасты нам пока не требуются. Станочники нужны.

Вечером Люба спросила у мужа сестры:

— Ты, Витя, кем работаешь?

— Станочником. Фрезеровщиком на копировальной станке. А что?

— Да так, надо...

На автозаводе в большой комнате сидели за столами представители будущих цехов и набирали себе кадры. Люба подошла к одному из них. Худощавый, на щеках складки — потому что всегда улыбается, — он поднял на нее глаза:

— Вам фрезеровщики нужны? — бойко спросила Люба.

Веселый с ходу стал ее «продавать»:

— Кому нужна фрезеровщица? Молодая, симпатичная, бойкая...

— И спортсменка к тому же, — вставила Люба.

— Фрезеровщица? — заинтересованно спросил кто-то. — А на каком станке?

— На кооп... Ну, на этом самом, как его... кооперативном, — не очень уверенно ответила Люба.

От хохота задребезжали рубероидные стены конторы. Когда смех утих, веселый сказал:

— Ладно, спортсменку я беру в свой кооператив, в цэпэ и сзу.

Так Люба Михеева и попала в цех подвесок и седельных устройств автосборочного завода. Веселый кадровик оказался любиним начальником участка — Топилиным. Он и послал ее на четыре месяца в Москву — учиться на фрезеровщицу.

Слышала Люба, что многие на стажировку ездят даже в Париж. Но и Москва — дай бог каждому, особенно, если ты попадаешь в нее впервые...

Набережные Челны — быть может, самый бурно растущий город в стране. Шутка ли сказать: за пятилетие городок вырос в 10 раз! Четверть миллиона человек живет сейчас в Челнах!

Это — как снежный ком. Приехал человек на стройку, обжился немного и пишет на родину письмо сестре, брату, свату, зятю, шурина или еще там кому: «Устроился, мол, хорошо, работа — что надо, приезжай!» И тот — едет. Сколько мы встречали в Набережных Челнах людей, которые вот так попали сюда. Люба приехала к сестре, а ее сестра — к мужу, Виктору Сухорукову. А у Виктора здесь — два брата еще и отец с матерью...

К слову, Сухоруковы — уральцы, все мастера по металлу. Продали они дом в Верхней Салде и переехали на Каму, к «первопроходцу» Виктору. Здесь отец с сыновьями быстро сколотили вагончик — тогда еще можно было самовольно строить временное жилье — и зажили. Правда, поначалу Сухоруковым пришлось плотничать, работать землекопами, малярами. Сейчас они у своего дела — в цехах работают. И квартиры получили. А тот вагончик заселил сосед из Верхней Салды — письмо написали ему Сухоруковы.

А вот Мишке Данилову не к кому было приезжать в Набережные Челны. Он ехал, можно сказать, сам к себе, ехал начинать свою жизнь, за мечтой ехал он сюда.

Миша Данилов родом из Татарии же, из небольшого поселка Лаишево, что близ Казани. Есть у него отец, есть у него где-то и мать, а детство его прошло в детдоме. Так уж случилось — чего не бывает в жизни...

В ГПТУ, куда послал его детдом, он учился

старательно, получил специальность, какую и хотел — слесаря. И тогда решил: «Поеду теперь на КамАЗ. На КамАЗ — больше никуда!»

В самолете он оказался возле молодых парней, которые возвращались домой, в Челны, похоже, из командировки. Они сразу обратили на него внимание. В его облике было что-то такое, что отличало его от них — таких уверенных, даже самоуверенных, праздничных и веселых парней. Трудные дни оставили след на его лице. Он вел себя нелюдимо, прятал руки, торчащие из коротких рукавов, был какой-то неухоженный и необласканный. Они разговорились, хотя вытянуть из него слово было делом непростым.

— Куда ж ты теперь? — рассеянно зыкая молнией на куртке, думая о чем-то другом, спрашивал высокий парень. — Чего молчишь-то? Самолет шел на посадку.

— Ладно, договорились. Сегодня переночуешь у нас.

В общежитии его посадили за общий стол, накормили.

— Давай, давай, — подбадривали его за ужином. — Считай, что дома, не стесняйся.

Мишка ни за что не хотел ложиться на кровать.

— Да, не-е, я вот тут... — бубнил он.

Высокий даже голос повысил:

— Не спорь со старшими! — и уж ласковее, как мог, добавил: — Я вот терпеть ненавижу кровати. Если бы не образцовый быт, спал бы всегда на полу. — Он кинул на паркет ватник, лег, давая понять, что спор окончен.

Утром высокий положил перед ним колбасу, хлеб, треугольный пакет молока — на завтрак и, уходя, сказал:

— Ни пуха, ни пера! Если что — так вечером снова дуй сюда.

Мишка думал — все просто: раз требуются рабочие, значит, примут его.

В отделе кадров завода двигателей, куда он прилетел, как на крыльях, радостный, вышла, однако, заминка. Начальник даже документы не попросил, а, оглядев его, спросил тихо:

— Сколько же тебе лет?

— Шестнадцать, а что?

— То-то и оно, что шестнадцать. С восемнадцати мы берем. Придется тебе съездить в горисполком, там есть комиссия по делам несовершеннолетних. Без их разрешения не можем...

В горисполком он не поехал. Для верности сначала решил зайти в заводской комитетсомола.

Русоволосый, в костюме с иголочки, в модной, в полоску, белой рубашке, при ярком галстуке вежливый молодой человек — это был заместитель секретаря Слава Захватов — внимательно выслушал его сбивчивый рассказ и грустно так промолвил:

— Ты понимаешь, тебе ведь трудно помочь. Закон у нас такой...

— А я не уйду отсюда. А путевка на что? А комсомол на что? А учился на слесаря на что? — куда и девалась Мишкина застенчивость. Перед Захватовым сидел другой — настырный и упорный парень, который не отлипнет.

То ли вот такой крутой поворот разговора, то ли Мишка Данилов понравился Захватову, так или иначе заместитель секретаря помог ему — позвонил туда, сюда, одному, другому и сказал:

— Иди, тебя ждут.

Поспешность сыграла с Мишкой печальную шутку. Он ошибся дверьми и предстал в горисполкоме перед дамой, которая действительно занималась делами несовершеннолетних, но Захватов звонил и договаривался не с ней. Наоборот, — Слава избегал эту даму. «Как же я мог так окараться, — думал Мишка. — Ведь Слава же говорил еще мне: «Иди только к Хакимовой».

Но было уже поздно. Дама даже не дослушала его:

— Все ясно, — отрезала она. — Уезжай, откуда приехал...

Он вышел на улицу. Пронзительно резал лицо ветер, тонкий, как гитарные струны. Солнце, яркое уже и по-мартовски вольное, еще не согревало город. «Куда теперь?» — думал Мишка, озираясь по сторонам. Денег оставалось на два раза поесть. Он сунул руки в карманы пальто и зашагал вдоль проспекта Мусы Джалиля. В форточке девятиэтажки торчал динамик и вопил на весь микрорайон:

Не надо печалиться.
Вся жизнь впереди!

КамаЗ!

Что значит приезд одного одиночного человека на эту стройку? Мудрено ли в Набережных Челнах затеряться ему, остаться незамеченным, обойденным вниманием?

Сто квадратных километров занимает строительная площадка! До полутора миллионов рублей осваивает стройка за сутки — месячный бюджет иной крупной строительной организации.

КамаЗ — это шесть заводов: ремонтно-инструментальный, литейный, пресово-рамный, кузнечный, двигателей и, наконец, главный, венчающий труд всех, — автосборочный. Каждый из них, безупречный по функциональной целесообразности и конструктивному изяществу, поражает воображение и размерами. Скажем, коробка автосборочного завода шириною в 380 метров вытянулась в длину на 1150 метров! Под этой крышей — возьмем для сравнения пример из арсенала болельщиков — можно расположить 73 футбольных поля!

Неказистые Набережные Челны ожили еще до того, как здесь было решено строить крупнейший в мире автомобильный завод. Сначала в городе начали сооружать ГЭС. Но замерла эта стройка, заморозили ее лет на пять — все поглотил, все подчинил себе КамаЗ. Сейчас, когда комплекс заводов в общем построен, когда всюду идет наладка оборудования и когда уже пущен — не на всю мощность, а на малой скорости — главный конвейер, снова ожил и берег. Недалек день, когда река будет перекрыта, и даст ток новая ГЭС на Каме.

На 25 километров растянулся город. 200 километров отличных бетонных дорог опоясали его. Широценная, как взлетная полоса, пролегла к заводским корпусам главная дорога — шоссе № 1. По ней идут нескончаемым потоком, как живой непрерывный пунктир, машины. Будто кто-то запускает их в оба конца — на себя и от себя — с землей от котлованов, с оборудованием, с кирпичом и бетоном, с людьми... Смотришь, как живет шоссе № 1, и представляешь себе: до чего же сильна, громадна стройка!

Первенец КамаЗа РИЗ — ремонтно-инструментальный завод — работает на полную мощность уже не первый год. РИЗ помогает комплексу встать на ноги.

Забилось — пусть пока потихоньку — сердце КамаЗа — главный конвейер. Ныне завод даст четыре тысячи грузовиков. Первые из них были собраны 16 февраля. Своим ходом они дошли до Москвы и в день открытия XXV съезда КПСС въехали на Красную площадь...

150 000 грузовиков и 250 000 двигателей в год — вот что такое КамаЗ!

Длина конвейера 660 метров. На одном конце легла рама, а с другого конца на испытательный стенд своим ходом выкатилась готовая машина. Можно встать с секундомером на финише конвейера, а можно поверить и на слово: каждые три с половиной минуты из цеха будет выезжать готовенький грузовик. Представляете себе: двести десять секунд, и «испечен» — не бублик, не шаньга — мощный автомобиль! А двигатели — дизели в 180 или 210, или 260 лошадиных сил вместе с коробкой передач — будут делаться и того быстрее — через каждые две минуты!

Старый городок затерялся среди громад домов, поселок КамГЭСа зажал его со всех сторон. А там вдали, словно мираж, встал на пустом месте светлый, неправдоподобно новенький Новый город.

Кто-то на доске маршрутного указателя однажды начертал сокращенно: «Нов. город». Так и пошло, прижилось хорошее имя — Новгород. Новгород на Каме.

За пять лет в Набережных Челнах построено два миллиона квадратных метров жилья! Дома здесь великолепные — по качеству отделки на

На снимках:

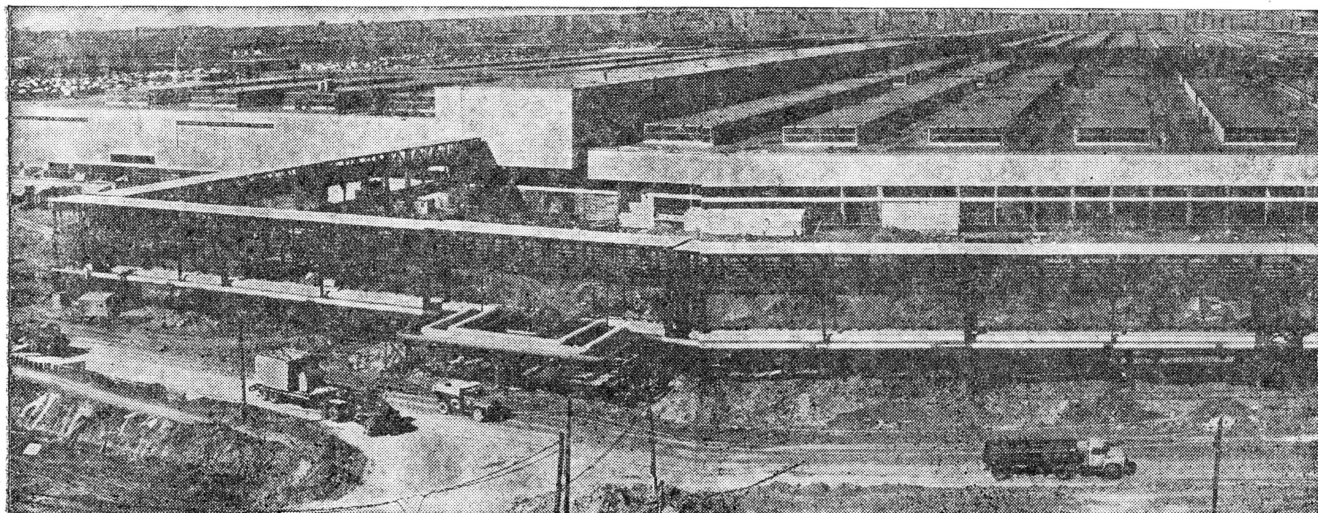
17 июля 1969 года в степи близ города Набережные Челны на Каме был врыт в землю памятный символический бетонный блок с надписью. 13 декабря того же года экскаваторщик Михаил Носков поднял здесь первый ковш земли — стройка началась...

Декабрь 1970 года. Скреперы пошли в наступление. Готовится площадка, где встанет литейный завод. На переднем плане — бригада У. Нуурбиева.

1975 год. Построен самый крупный на КамАЗе автосборочный завод. Вырос в степи и белокаменный многоэтажный Новый город на Каме.

Февраль 1976 года. Пущен главный заводской конвейер и с него сошли первые камские грузовики. В честь этого знаменательного события были выпущены памятные медали.

Фото
К. Ситдикова

уровне столичных стандартов. И город строится, строится, строится, и, кажется, конца этому не видать...

В иные дни в город приезжают, чтобы устроиться на работу, осесть тут — сотни человек. В тот день, когда в Челны прилетел самотеком Михаил Данилов, горком комсомола принимал отряд ЦК ВЛКСМ численностью в 800 человек.

Так мудрено ли в этих глобальных масштабах затеряться, остаться незамеченным одной человеческой единице?

Сказочный, занятый, напряженный до предела, полный забот КамАЗ, КамАЗ, через руки, глаза, улицы, конторы, бытовки, общежития которого ежедневно, ежечасно, ежеминутно проходят тысячи, — заслужит ли он, всесильный КамАЗ, упрека, если в этой сутолоке не заметит, не сможет заметить нечаянного человека, прибывшего к его шумному причалу в одиночку?

КамАЗ, однако, добр ко всякому, кто очень хочет связать свою судьбу с ним. И наш Михаил Данилов стал-таки камазовцем.

Вторую ночь он ночевал в горисполкоме — и застал Хакимову, получил разрешение работать на заводе. На заводе он попал к заместителю начальника цеха. Роман Петрович — был конец дня — привел его к себе домой, накормил, уложил спать, а утром отправил оформляться.

— Это ты, который из детдома и ночевал сегодня у Калабина? — Мишку остановил на другой день незнакомый человек — очкастый крепыш.

Мишка почему-то испугался, готов был дать деру. Но через минуту он уже знал, что экономист Виталий Рожковский не собирается обижать его...

— Ближе к делу. Без денег? Сегодня не обещал? Ночевать негде? — Мишке и отвечать не пришлось. Виталий Рожковский сам решил его судьбу на ближайшие дни: — Вот тебе деньги, отдашь из полочки. Ночевать будешь у меня, пока не устроишься.

На четвертый день своей жизни в Набережных Челнах Михаил Данилов получил новенький заводской пропуск. «Неужели я рабочий КамАЗа?!» — Мишке даже не верилось, он вертел в руках пропуск и не мог налюбоваться. Это тебе не какой-то картоночный складень, что быстро замусолится, а настоящий мандат — под толстым прозрачным плексиглазом и с его фотографией. Вот он — сам Мишка Данилов, рабочий автозавода!

Он думал в это утро про всех, кто ему помог: «Хорошие люди, только немножко смешные: сперва строжат, отговаривают, а потом помогают».

И был день, и была дорога, которую он всю пробежал бегом — от общежития до самой проходной. И не потому, что проспал или опаздывал, а просто так — пробежал, и все. И была первая рабочая смена, которая прошла, как в тумане...

«Чтобы работать рядом, вовсе нет надобности любить друг друга», — так когда-то сказал о конвейере автомобильный король Форд.

Когда Люба Михеева услышала от нас эти слова, она не сразу и поняла, о чем идет речь.

— Форд, а говорит глупости, — в ее глазах вызов. — Как это работать вместе и не дружить?! Ведь здесь каждый от каждого зависит.

И Люба стала рассказывать нам о своих товарищах — о Люде Гудиной и Гале Набиулиной, о братьях-близнецах Яговкиных — Сереже и Володе, о Надежде Черепановой — тете Наде, Азиме Габдрахмановой и Ангелине Волковой, о боевой комсомолке Тане Щеголевой и скромном парне Юре Бывальцеве... Кто что любит, кто с кем дружит, у кого какая печаль, у кого какая радость, что свело их — тридцать разных в одной бригаде? И почему они живут интересами друг друга, и делами участка, и новостями завода, и жизнью города? И как они всей бригадой шефствуют над девятым классом «г» средней школы № 16...

— Общественной жизни не хватает вашему Форду, вот что я вам скажу, — не без сочувствия к автомобильному королю подытожила Люба, комсорг бригады цеха подвесок и седельных устройств автосборочного завода.

Хоть и велик новый город на Каме, а люди там на виду, и знают друг о друге.

О Виталии Рожковском и Романе Петровиче мы услышали от Данилова. Миша очень хотел, чтоб мы познакомились с ними, узнали, какие они оба хорошие люди. Мишка даже просил нас — по секрету, конечно, — чтоб мы обязательно написали про то, какие они хорошие.

Про самого Мишу нам рассказал Слава Захватов.

— История у парня, я вам скажу... Познакомьтесь с ним, стоит.

От Славы же Захватова мы узнали и о Любе Михеевой и об Алике Степанове.

Бригадир одной из лучших на заводе комсомольско-молодежных бригад, победитель социалистического соревнования за право участвовать в сборке первого камского автомобиля Алик Степанов — типичный камазовец.

Генеральный директор КамАЗа Л. Б. Васильев в одной из передач по Центральному телевидению заметил, что до 35 тысяч камазовцев обучились профессиям автомобилестроителей в процессе строительства комплекса.

35 тысяч — это золотой фонд, это кадровая армия. Ни одна судьба не похожа на другую. И все-таки биография каждого, жизнь каждого — это и биография всей стройки.

А. Степанов — «тридцатипятилетний», уроженец здешних мест. 7 мая 1973 года он, демобилизованный старшина ракетных войск, прибыл домой в село Арташка. 9 мая 1973 года он уже в Набережных Челнах. Он был токарем — кончил ПТУ до армии, — но токари пока не требовались, и его послали на год на ВАЗ в Тольятти осваивать профессию наладчика.

К слову, из всех нужных и важных для завода профессий, наладчик — цвет, элита конвейерного дела, едва ли не главная фигура производства, где все станки, все конвейеры и агрегаты, их ритм, их дыхание — в его руках.

Из Тольятти он приехал высококвалифицированным наладчиком. Есть в нем этакая техническая жилка, чувствует он машину, станок душой, головой, кончиками пальцев. Если во что вникать, то до самой печенки, если за что братья — то довести до ума.

Не сразу, однако, понадобилась его квалификация наладчика. Алик Степанов работал монтажником, токарем в автохозяйстве. Подошла пора монтировать оборудование, он пришел в цех, который стал ему родным. Он знает все станки на своем участке, он наладчик, как говорится, милостью божьей.

Как бы сама собой сложилась бригада. И вот уже Альберт Александрович Степанов, комсомолец, 1952 года рождения, не женатый, стал бригадиром. И вот уже бригада одна из лучших на заводе. И вот она завоевала право участвовать в сборке первого автомобиля с номерным знаком 0000001 и сфотографироваться возле него — первого «КамАЗа»!

Как-то вечером, в общезнании, когда Алик собирался в вечерний техникум, мы спросили у него:

— Трудно быть бригадиром?

— Не знаю. Зависит от бригады. В какой — как. В моей — интересно.

— Потому что хороших людей подобрал?

— Подобрались сами. Даже если бы я специально выискивал ребят, лучше бы не подобрал, — он хитровато ухмыльнулся и добавил: — Повезло мне, одним словом...

Каждый год 1 сентября во всех классах всех школ Набережных Челнов первый урок начинается с рассказа о КамАЗе — заводе, машине, людях.

В каждом классе дают первый урок камазовцы — рабочие, инженеры, комсомольские вожаки и партийные руководители.

КамАЗ для ребят — часть жизни, и сегодняшней, и завтрашней. Все их отцы, матери,

деды и старшие братья судьбой связаны с заводом. И они сами завтра станут автомобилестроителями. Как все дети страны, они играют в Чапаева, космонавтов, а еще — и в камазовцев.

Над одним из старших классов шефствует бригада Альберта Степанова. Понятно, они ведут камазовские уроки. Но дружба школьников и рабочих вышла за рамки протокольных встреч. Молодые рабочие — свои люди в девятом «г». Они ходят со школьниками в кино, на лыжные прогулки, бывают на классных собраниях и устраивают совместные концерты и вечера. С душевным гостеприимством принимали девятиклассников у себя в цехе, на участке — «Вот здесь вы будете работать, если очень захотите». Распределили и буквально блокировали своей опекой отстающих лоботрясов.

То, что рабочие из бригады Степанова — неплохие шефы и наставники, они доказали. Но они доказали и большее — то, что они настоящие друзья.

Накануне пуска конвейера весь город жил этим долгожданным событием. Многие, в том числе и большие начальники, мечтали оказаться участниками торжества. Тысячи желающих спрашивали: «Нет ли лишнего билетика?» — пригласительного билета на пуск конвейера.

Школе № 16 привалила удача — ей было выделено три билета, три билета на всю школу! В девятом «г» понимали, что им здесь ничего не отколется.

И вдруг — бывает же счастье на свете! — в школу прибежали запыхавшиеся посланцы из бригады.

— Десять билетов для девятого «г»!

Бригада А. Степанова победила в соревновании, ей выделили целых 10 билетов! И все их бригада единодушно, не колеблясь, решила отдать своим школьникам.

Класс вручил билеты лучшим.

Вот здесь, на последних метрах конвейера, где до сих пор сохранился помост, на который своим ходом въехал Первенец, где играл оркестр, где все было так празднично и торжественно, стояли мальчики и девочки в школьной форме. Для них это был самый интересный, может быть, урок по Истории Родины.

Что же это за машина такая — «КамАЗ»? Ради нее встал в степи город, ради нее поднялись гигантские корпуса заводов, ради нее сорвались с насиженных мест и романтики, и прагматисты.

Это для нее трудятся педантичные фирмачи — представители многочисленных зарубежных фирм, — обстоятельно налаживая уникальное, специально заказанное для КамАЗа оборудование. Трогательно смотреть, как итальянцы, французы, японцы, американцы, немцы привы-

кают к ядерной русской зиме, занято наблюдать, как они разъезжают под бесконечными сводами цехов на своих портативных велосипедах — экономят время.

Что же это за машина «КамАЗ», о которой сегодня говорят все? Ведь есть же машины и внушительнее — «КРАЗы», «БелАЗы» исполины, в десятки раз большей грузоподъемности, чем камские.

Сверхмощные грузовики нужны народному хозяйству, но «КамАЗ» — еще нужнее.

Начать с того, что это наиболее оптимальный вариант машины. Казалось бы, восьмитонный грузовик — скромный конкурент сорокаили стотонным зубрам. Но если для других машин нужны хорошие дороги, то универсальный «КамАЗ» пройдет всюду. Из шести колес у него четыре ведущих, нагрузка на ось меньшая по сравнению с другими машинами, что тоже чрезвычайно важно.

Тринадцать модификаций «КамАЗа» позволяют использовать машину в самых разных ролях — тягач, самосвал, бортовая, автопоезд, рефрижератор, вездеход...

Двигатели предельно надежны, с большим моторесурсом. С полным грузом, даже если это будет автопоезд с 26 тоннами на бортах прицепов, «КамАЗ» способен развивать скорость до 90 километров в час.

Технические новинки «КамАЗа» признаны и одобрены шоферами, их трудно переоценить. В коробке передач установлен редуктор-делитель с полуавтоматическим управлением. С его помощью коробка передач из 5-ступенчатой превращается в 10-ступенчатую. Это дает возможность выбрать оптимальную скорость и расход топлива, машина идет плавно и по разбитой дороге. Есть в машине пневмогидравлический усилитель в приводе сцепления, есть приборы, которые сигнализируют о неисправностях узлов и агрегатов в пути, есть горный, аварийный и стояночный тормоза...

По комфортабельности машина совершеннее даже легкового лимузина типа «Волга». Кабина обшита светлой синтетической тканью. Кресла водителя и пассажира самолетного типа, с подлокотниками, с дополнительным поддресориванием и регулировкой. Есть вариант «КамАЗа» и со спальным местом для второго водителя — такая машина будет незаменимой в дальних рейсах. Для обдува стекол зимой применены вращающиеся сопла. Кабина хорошо вентилируется. Заборник воздуха вынесен наверх, над кабиной.

«КамАЗ» — машина 80-х годов!

Практически все бытовые учреждения в Набережных Челнах пока еще расположены в комнатах жилых домов. «Вам «Союзпечать»? Третья

квартира на втором этаже». В квартирах ютятся парикмахерские и агентство Аэрофлота, библиотеки и буфеты, магазины и редакции газет...

В первом этаже большого жилого здания — и городской музей. Здесь выставлено для показа немало экспонатов, рассказывающих об истории Набережных Челнов, о героических днях сооружения автограда. Здесь современность причудливо переплелась с историей.

Было время, когда Челнинский район в духе революционных интернациональных традиций именовался Челнинским кантоном. В голодном 1921 году Первый съезд Советов Челнинского кантона писал Ленину: «Мы Европе заявляем, что, холодные, голодные, мы завоеванное в Октябре никогда и никому не отдадим».

Директор музея З. В. Самушенков сокрушается — нет главного экспоната, не удалось еще разыскать его.

Когда начинался автоград, в открытом поле, на железобетонной глыбе написали второпях и броско — здесь будет новый город и завод! Дорого бы дали музейные работники за этот уникальный и бесценный экспонат. Попробуй, сыщи теперь его! С той поры в степи столько было наворочено, и эта глыба затерялась, как иголка в стоге сена...

Завод встал, город родился, а на макете, что экспонируется в музее, показаны Набережные Челны в недалеком будущем. Сказочный Новгород на Каме, в макете он еще сказочнее.

Уже сейчас город поражает своей нестандартностью и небанальностью. Здесь нравятся все — и улицы без светофоров, и уличные развязки, виадуки, переходы, и высокие праздничные дома, и школы с двумя спортивными залами, удобными и светлыми классами, коридорами, и детские сады, все построенные по-своему, с бассейнами и зимними оранжереями.

В будущем город еще ближе подойдет к реке. На крутом берегу встанут колонны 25-этажных жилых домов. Протянется широченный проспект, новые кварталы — с выставочным залом, картинной галереей, стадионом, парком, институтами, библиотекой на один миллион книг...

К тому времени будет пущена и Нижнекамская ГЭС. Плотины, замкнув реку, поднимет и Каму и Челнинку, вода придет в сам город, опояшет поселок энергетиков, и станут старые Набережные Челны полуостровом.

Плотина, соединив берега Камы, откроет кратчайший путь к магистральной железной дороге. На берегу, близ города, вырастет порт.

«Суда-гиганты побегут
Несчетною толлою,
И будет вечен добрый труд
Над вечною рекою...»

Когда завод заработает на полную мощность и город дорастет до самого себя — проектного, в цехи, в многочисленные конторы большого города придут те, кто сегодня пока еще сидит за партой. Среди них будут — наверняка будут! — ребята и девочки из девятого класса «г».

В школе № 16 9-й «г» слыл неблагополучным. Некоторым парням «до лампочки», как говорится, были интересы класса. Они ломали головы над тем, где достать полосатые штаны, сшитые по последней заграничной моде, девочки больше заботились о своих прическах до плеч, не расставались с «магами» — хипповали, в общем. И как ни зывали к порядку, как ни воспитывали комсомольцы-активисты доморощенных пижонов, прически и джинсы оставались в центре внимания. Дружного коллектива в классе не было — каждый жил сам по себе. Не блистал класс, естественно, и по успеваемости.

А на заводе тем временем один за другим вступали в строй действующих участки, цехи.

Вот тогда в девятый «г» пришли две девушки и парень — представители комсомольско-молодежной бригады с Автосборочного завода. Молодые рабочие предложили девятому «г»... соревноваться.

Школьники поначалу оробели: куда уж им соревноваться с прославленной на заводе бригадой?! Своих-то проблем не могут решить...

По правде сказать, и рабочие толком не представляли себе, как будет выглядеть это соревнование, на чем станет держаться и во что выльется их дружба с девятым «г»?

А вышло все по-доброму и интересно. Не враз, не с одних слов-речей, а через общие дела и заботы, постепенно своими стали друг другу ребята из школы и ребята из цеха.

Дружба с бригадой растопила лед отчужденности. Класс стал дружнее, интересы — шире, жизнь — веселее.

В мае ребята из девятого «г» прислали нам в редакцию письмо. Первым делом они с гордостью сообщили: за активное участие в заводских субботниках и воскресниках комитет ВЛКСМ Автосборочного завода наградил их класс Почетной грамотой!

«Перед нами сейчас стоит сложная проблема, — пишет коллективно девятый «г», — выбор профессии, жизненного пути. И наши шефы нам в этом очень помогают — советами, делом, примером. Уже сейчас многие наши ребята думают пойти работать на КамАЗ. И если не сразу по окончании средней школы, то потом — после училищ, техникумов, вузов».

Минул учебный год дружбы двух коллективов — рабочей бригады и девятиклассников 16-й школы. Экскурсии на завод и совместные вечера отдыха, общие субботники и «буксирование»

троечников, лыжные прогулки и задушевные беседы с парнями в полосатых брюках-клевш... Как назвать эту дружбу? Соревнованием? Шефством? Да как ни назови — в этом ли суть? Если искать не формальное имя дружбе, а заглянуть в суть явления, то это — наставничество. Наставничество зрелого передового рабочего коллектива над старшеклассниками — своей сменой.

В письме школьники сообщили нам и такую новость: в бригаде была свадьба! Поженились Алик Степанов и Люба Михеева. «Мы от всей души поздравили их с радостным событием!»

Сейчас август, а тогда был март... Полгода миновало с той поры, как бродили мы по деревянной брусчатке бесконечных цехов КамАЗа, по широченным проспектам Нового города. Для иной человеческой жизни или города — небольшой это срок, а для КамАЗа и его людей — немалый. Не по дням, а по часам растут Набережные Челны.

Изменилось многое и в жизни 9-го «г», то есть теперь уже — 10-го.

Интересно, как сложилась дальше дружба школьников с молодыми рабочими? Чем живет в эти дни бригада Алика Степанова? Что поделяют их юные друзья из 16-й школы?

Пройдет еще сколько-то времени, и многие из сегодняшних школьников пошагают от Новгорода к большим белым корпусам на горизонте — в свой следующий класс, в рабочий класс...

Этот заголовок появился несколько лет тому назад. Точнее — в 1968 году. А дело было так. Я получил от редакции газеты «Комсомольская правда» задание написать совместно с поэтом Борисом Александровичем Ручьевым материал о Магнитке. Он предложил посмотреть вначале подшивку газеты, выходявшей в 30-е годы, — «Магнитогорский комсомолец». Борис Александрович достал ее пожелтевшую от времени с полки, разложил на столе и мы стали осторожно листать. И будто шагнули в историю.

— Моя Магнитка, — глуховато сказал Борис Александрович, переключая последнюю страницу.

А потом мы вместе поехали на ударную комсомольскую стройку того года — стан холодной прокатки «2500».

Мы ехали с правого берега на левый. С моста Южного перехода видно было Правобережье города. Борис Александрович сидел, опершись на свою неразлучную палку. Помню, очень хотелось узнать, о чем думает в эти минуты мой спутник.

«...Сад завьется, заплетется через тридцать пять годов — сколько листьев встрепенется, сколько свистнет соловьев!.. И засвищут, сна не зная, вплоть до утренней поры соловьи с Таганая, соловьи — с Магнит-горы...» — вспомнились тогда его строки.

А Ручьев вдруг сказал:

— Материал твой надо назвать так: «Путешествие из Магнитки в Магнитку».

Он очень красив, наш Магнитогорск. Недаром его называют «белым городом», а его невысокие, в основном, четырехэтажные веселые и будто улыбающиеся дома, отделанные местным диким камнем, уютные улицы и арки кажутся какими-то удивительно знакомыми.

Широта и простор улиц словно отражают сам характер магнитогорцев. И это подтверждали и подтверждают гости. А их в нашем городе всегда немало: французы, болгары, монголы, немцы, чехи,

гости со всех концов нашего Союза.

— Как у вас просторно жить, — говорят они.

И мы, будто впервые увидев, по-новому смотрим на свой город. Он хорошеет из года в год.

Вот, например, новый театр. Если посмотреть на него с моста Южного перехода, он напоминает взлетающую птицу.

Спортивный комплекс. У него есть имя — «Магнитогорские Лужники». Они, правда, поменьше московских, но, на наш взгляд, не менее красивы.

Правобережье меняется из года в год. Ковыльная степь отступает все дальше и дальше. А на ее месте вырастают новые кварталы.

Об этом мы любим говорить и писать. Может, потому, что город растет вместе с нами, у нас на виду. И часто мы даже не вспоминаем о том городе, левобережном... Старом... Первом... Потому что с ним пора прощаться? Потому, что основная масса магнитогорцев живут уже на правом? А ведь там, в левобережье, в «старом городе», осталась молодость Магнитки.

Когда едешь с правого берега на левый, первым встречает тебя так называемый Первый участок. Самый первый! Тут появились первые жилища-бараки. После палаток они казались дворцами. От Первого участка осталось немного. Основная часть его стала территорией комбината.

Приехал недавно в город первостроитель Магнитки и стал искать здание, где располагалась тогда редакция газеты «Магнитогорский рабочий». Провожатый ветерана — молодой человек. Первостроитель спрашивает, исходив вдоль и поперек территорию Первого участка:

— Давно трамвайная линия тут идет?

— Давно. Как проложили, так и лежит.

Гость и говорит:

— Тогда почему мы не можем найти бывшее здание редакции?

Снова стали искать. И бродили бы, видимо, долго, если бы один прохожий, пожилой уже человек, не спросил:

— Что ищете, товарищи?

ПУТЕШЕСТВИЕ

Анатолий
СЕМИНОГ

— Первое здание редакции городской газеты.

— Ну, братцы, зря ищете. Располагалась редакция там за трамвайной линией, где сейчас стоит стан «2500».

Кое-где на Первом участке Магнитостроя сохранились еще бараки, приспособленные ныне под склады. Первостроитель глядел на них с умилением — не бараки он видел, а молодость свою.

Да, здесь прошла молодость наших отцов и матерей, здесь начиналась их жизнь. Барак № 114. Он стоит неподалеку от Дворца культуры железнодорожника металлургического комбината, доживает последние дни и расставаться с ним никому не жаль. А он, между прочим, исторический. Назывался он «литературным». В тридцатые годы здесь жили поэты и журналисты: Василий Макаров, хороший комсомольский поэт, певец магнитостроевской битвы за чугун, прокат, кокс, зачинатель магнитогорской литературы, поэты Людмила Татьяничева, Михаил Люгарин и Борис Ручьев. Под этой крышей было очень весело, в этих стенах рождались стихи, произносились речи, часто разгорались шумные споры...

— Это был, наверное, самый шумный и самый дружный барак, — вспоминают его первые жители. А Людмила Татьяничева, побывав в Магнитке, сказала:

— Потаенная грусть возникает у меня, когда я вижу это жилище. Все-таки тут было необыкновенно. Может, потому, что были молоды?! Это утро наше, которому никогда не вернуться...

В 1930 году прошли конкурсы на создание генерального плана города Магнитогорска. Левобережная застройка обеспечивала более удобное сообщение населения с местом работы. Вот почему на втором туре конкурса, закончившемся в июне 1930 года, был принят левобережный вариант проекта. Там — вчерашняя Магнитка.

Первое слово мне хотелось бы сказать о здании цирка. Его сегодня можно увидеть только на фотографиях музейных стендов. Построено

уже и новое здание цирка в Правобережье, но в памяти первых магнитогорцев старое осталось навсегда. Так много было с ним связано!

Неказист был первый цирк. Но в 1966 году гости слета первостроителей Магнитки, увидев цирк, прослезились. Еще бы: все самые яркие события, все комсомольские, партийные собрания проходили именно здесь. Отсюда шли на субботники, воскресники, отсюда шли на ликвидацию прорывов на стройке. Здесь проходили торжества, встречи. Здесь выступали Орджоникидзе, Ворошилов. Именно здесь, в этом здании, К. Г. Новгородцева (жена Я. М. Свердлова) вручила магнитогорскому комсомолу Красное знамя Всесоюзного общества старых большевиков. В этих стенах раздавались голоса знаменитого певца Михаила, поэта Демьяна Бедного.

Немного поодаль и сейчас еще сохранился самый первый городской парк культуры и отдыха. Природа скупа в здешних местах. Степь, ветры, пылью курятся дороги.

«Здесь была голая степь...» О Магнитке всегда так начинают писать. Но как начинать по-другому, если действительно кругом Магнитостроя не было ни одной, хотя бы реченькой, рощицы. Нет, одна была, но там жили иностранные специалисты. Тогда они нам очень нужны были, все лучшее отдавали им. Поселок, в котором жили иностранные специалисты, так и назывался — Американка. Это потом уже его переименовали, дали ему поэтическое имя — Березки.

Тихо было в поселке, не ходила туда молодежь. А было ее на Магнитострое великое множество. Она любила, пела песни, назначала свидания. Одно было только плохо: хотелось встретиться с любимой девушкой или парнем в парке, сквере, а ничего подобного не было. Лозневой, поэт, друг Б. Ручьева рассказывал:

— Вопрос был решен так: облюбовав ровную площадку, мы, комсомольцы, вкопали в землю несколько десятков телеграфных столбов. Вверху к столбам прикрепили вырезанные в форме пальмовых

листьев куски железа. Затем все это выкрасили в зеленый цвет и — парк готов.

С этих железных пальм и началось озеленение Магнитки. Потом комсомольцы решили заложить настоящий парк. Тысячи вышли на субботники — и вырос сад. Разросся, превратился в парк, который назвали Парком свиданий.

В сооружении сада приняло участие, как гласят документы, 31 900 трудящихся, отработавших более 15 тысяч трудодней. На пустыре, на месте свалки мусора, вырос сад с пятью тысячами молодых деревьев, с таким же количеством кустов.

Да, наши отцы любили прекрасное, умели его ценить. Будто и времени для этого не было, а все же его находили. Как не пойти на концерт Собинова или балерин школы студии знаменитой Айседоры Дункан? Или на концерт скрипача Михаила Эрденко, который трогал своей игрой Льва Толстого?

Молодежь жарко тянулась к культуре, искусству, и когда был построен на Магнитке Дом инженерно-технических работников — ДИТР, туда хлынула творческая молодежь Магнитостроя. Там зарождался будущий театр. Первый директор ДИТРа Михаил Альбертович Арш вспоминает:

— Нам хотелось играть спектакли, которые отражали бы дух того времени, настроения, которыми жила стройка. И мы их играли. Ездили на Всесоюзный смотр самодеятельного искусства в Москву. Назывался тогда коллектив Театром рабочей молодежи.

Здание ДИТРа ныне стало Домом профтехобразования. Это еще хорошее здание. Сделано оно основательно, проживет еще долго. И по-прежнему дружат с искусством молодые магнитогорцы. С тем же трепетом, с тем же желанием. Премники «трамбовцев» — будущие профессионалы. Ведь начинали же с самодеятельной сцены свою творческую биографию молодые магнитогорцы, ныне народный артист Белорусской ССР Леонид Бражник, заслуженные артисты РСФСР Иван Данилин и Лев Самарджиди. Магнитка

МЕ ИЗ МАГНИТКИ

В МАГНИТКУ

богата не только знатными металлургами и строителями, она может похвастать и певцами, и артистами.

Росли цехи металлургического комбината, а вместе с домами и мартенами входили в строй дворцы, кинотеатры. Одним из первых — двухзальный кинотеатр «Магнит» был сооружен в первой пятилетке.

Если выйти из «Магнита», который ныне стал студенческим Домом культуры, можно сесть в трамвай и проехать одну остановку до Комсомольской площади. Первая очередь магнитогорского трамвая сдана в эксплуатацию 18 января 1935 года.

На Комсомольской площади вы увидите еще одно капитальное здание, вошедшее в историю города — гостиницу. Если бы можно было подсчитать, кто жил здесь, то смело можно сказать, что придется перечислить чуть ли не все нации мира.

Особенно знаменитой в тридцатые годы была комната на втором этаже, где жил собственный корреспондент «Комсомольской правды» Семен Нариньяни. Самая веселая комната гостиницы. Дверь ее не закрывалась ни днем, ни ночью. К энергичному, неутомимому товарищу Семену тянулись все.

Если вам придется проходить по гостиничному коридору, обратите внимание на дверные ручки — такие синие, стеклянные. Эти ручки вошли в литературу — их описал Валентин Катаев в романе «Время, вперед!»

В этой гостинице несколько дней жил Аркадий Гайдар, здесь останавливались Демьян Бедный, Эльза Триоле. Первый приют гостя, первое жилище приезжающего. В этих комнатах писались материалы о Магнитострое, корреспонденции отсюда отправлялись в разные уголки планеты.

А теперь я вас отвез бы к самому подножию горы Кары-Дыр, у которой расположен город. Именно здесь строились первые капитальные здания, первая улица — Пионерская. Идти по скверам Пионерской улицы, значит путешествовать по самой истории нашего города.

Фонтан. Если бы годы могли расступаться, то вы могли бы увидеть на месте фонтана небольшие сооружения, так называемые кипятки. После работы все бежали сюда за горячей водой.

Около «кипятилок» образовывалась своеобразная столовая под открытым небом. В домах — святой комсомольский максимализм тех лет! — кухонь не было. Возле «точек» с кипятком было всегда шумно. Рассказывались смешные истории, звенели песни. Наши отцы, матери не умели унывать, на быт свой не жаловались.

Быстро летит время, меняются наши представления. Только недавно по этой улице — первой настоя-

щей! — магнитогорцы ходили с восхищением, а теперь иной, кто помоложе, говорит:

— Старье! Разве это улица? Вот правый берег...

И тогда хочется подвести его к дому № 2 по Пионерской и сказать:

— Под этим домом хранится акт закладки города Магнитогорска. Он начертан на ватмане и зарыт под стеклом в котловане этого дома 5 июля 1930 года. Там написано: «В дни XVI съезда ВКП(б) на Северном склоне горы Кара-Дыр, в присутствии 14 000 рабочих произведена закладка и приступлено к работам первой части г. Магнитогорска». Отсюда начиналась Магнитка, без этого дома, без этой улицы не было бы и правобережья.

Сегодня район Пионерской утопает в зелени. Это тоже дело рук первостроителей. И это тоже одно из магнитогорских чудес.

Хотелось зелени — и строители сами сажали деревья. Саженцы не приживались, несколько раз гибли посадки. Но упорства магнитогорцам не занимать, они везли новые. И сухой степной климат сдался. Словом, тут тоже шла битва — за зелень, за цветы и не менее упорная чем за домы и мартены.

Строительству домов предшествовали бурные дискуссии. Одни говорили, что надо строить только так называемые дома-коммуны. Люди сознательные, пусть детей воспитывают в детских садах, а питаются в столовых — кухонь не надо. Дома проектировал немецкий архитектор Мей. Он предлагал: для самой сознательной части населения необходимо строить дома с отдельной для каждого человека или для пары комнатой. Архитектор учитывал и «средняков», полусознательную публику, которая могла иметь свою столовую — кухню и квартиру из двух комнат. А для несознательных предназначались трех- и четырехкомнатные квартиры с кухней и ванной. Такие три типа домов и собирались строить в Магнитке.

Одиночные комнаты предполагалось строить в огромном здании, напоминающем самолет. А весь город был задуман как одна улица, длинной в несколько десятков километров. Считалось, что это не только красиво, но и удобно: письма легко писать, если знаешь дом, то улицу можно и не указывать. К счастью, специальным постановлением все эти модные архитектурные утопии были своевременно осуждены. Счастливые первые новоселы ехали в свои квартиры с детьми и кастрюлями.

И последнее, о чем хочется рассказать, покидая улицу Пионерскую. Дома-то построили, а перила на балконах не сделали. Из стен торчали только плиты без всякого ограждения. Тут как раз в Магнитку при-

ехал Серго Орджоникидзе. Ему решили показать первую капитальную улицу. Едут. Смотрит «железный нарком» на дома и удивляется: что такое, плиты торчат? Спрашивает у руководителей города:

— Что это у вас?

— Балконы, товарищ Серго.

Сдвинул свои мохнатые брови Серго и говорит:

— Завтра вечером приеду сюда и снова посмотрю, как вы со своими детьми будете гулять по таким балконам.

И не забыл своих слов Серго. Приехал. Посмотрел. Везде были приварены ограждения. Улыбнулся он и сказал:

— Никогда за строительством не забывайте человека.

Пушкинский проспект возник уже в военные годы. Рабочие комбината жили в районе Пионерской улицы. В часы «пик» было трудно добраться в цеха, предпочитали идти напрямик. Сначала протоптали тропку, а потом решили сделать проспект силами общестественности. Каждый магнитогорец обязался обработать безвозмездно на строительстве проспекта по десять часов. И вот проспект готов — связал воедино две части левобережного города.

Борис Александрович Ручьев показал мне номер газеты. Это был «Магнитогорский комсомолец» от 14 сентября 1934 года. На второй полосе стоял материал «В 1952 году...» Автор рассказывал о том, каким он видит город через 18 лет. Удивительный материал. В нем описана будущая Магнитка, которая так схожа с сегодняшней Правобережной! Вот несколько строк из этого материала.

«Посреди площади, лицом к заводу, стоит огромный памятник тому, чье имя носит комсомол... Вы выходите на привокзальную площадь. Вас окружает чистота и порядок. Вот плавным ходом к остановке подходит трамвай, быстро скользят такси и машины, мечтательно едут велосипедисты». Говорится и о новом здании городского театра, о парках и садах, о центральном и южном переходах. Все это сегодня в Магнитогорске есть!

Магнитка радушно принимает новых жителей. Они быстро врастают в коллектив. Новичка сразу берут под контроль. Где будет учиться? Почему не комсомолец? Не занимаешься ли спортом? А может, песни поешь или стихи читаешь?

И новичок станет магнитогорцем, если любит труд, если характер у него обстоятельный, если больше отдает людям, чем берет у них.

И все мы, новоселы и старожилы, любим свою Магнитку — город палаток, город современных кварталов. Они едины, как юность и зрелость одной жизни.

ЛЕНИНСКИЕ ЗНАЧКИ

**Вадим
БЕЛОУСОВ**

В просторном зале Ленинградского музея В. И. Ленина вдоль стены тянутся длинные витрины. Под стеклами, словно чешуйки золотых рыбок, — многие тысячи значков.

А началось все с одного-единственного...

— Вот он, — сказал Валентин Тимофеевич Щукин, отставной офицер флота, представивший музею эту коллекцию, и показал на потускневший от времени значок, изображающий пятиконечную звезду с профилем Ильича в центре. — С этого самого значка и началась моя коллекция.

В то время Валентин Тимофеевич был еще мальчишкой. Шел 1924 год. Страна тяжело переживала смерть Ленина. В партию вступали тысячи рабочих ленинского призыва. Среди них был и отец Валентина — Тимофей Капитонович. Однажды, вернувшись с торжественного собрания, посвященного седьмой годовщине Октябрьской революции, он принес Валику значок.

Скоро к первому значку прибавились другие, а накануне Великой Отечественной войны их было уже несколько сот. Война грянула неожиданно. Скоро огненное кольцо блокады сомкнулось вокруг Ленинграда. Среди защитников города был и моряк Балтийского флота Валентин Щукин.

Как ни странно, сейчас, мысленно возвращаясь к событиям тех лет, он вспоминает не яростные бои под Пулковым и Синявино, не ожесточенные дуэли корабельной артиллерии с фашистскими батареями, а... судьбу своей коллекции.

Как-то, получив краткосрочное увольнение, он на попутной «полуторке» поехал на квартиру товарища, где хранилась его коллекция. Когда до дома осталось не больше квартала, раздался сигнал воздушной тревоги. Заговорили укрытые в ближайшем сквере зенитки. Пронзительно завывали падающие бомбы. Полыхнуло пламя первых взрывов. Дорогу машине преградил патруль. Шофер остановил «полуторку», все побежали к подвалу углового дома с меловой надписью — «Бомбоубежище».

Валентин Тимофеевич, поднявшись в кузове, увидел, что бомбы

рвутся как раз в районе, где был дом его друга.

«Коллекция, коллекция может погибнуть!» — пронеслось в голове. Он перемахнул через борт и побежал туда.

— Эй, матрос, ты что рехнулся? — заорал патрульный. — А ну, давай назад!

Но Щукин даже не обернулся. Запыхавшийся, он влетел в комнату. На полу валялось битое стекло и коробка со значками, упавшая с полки. Часть значков лежала здесь же, среди обломков рухнувшей с потолка штукатурки. Валентин Тимофеевич, забыв о бомбежке, принялся собирать свои значки, рассыпав их по карманам.

Неделю спустя Валентин Щукин узнал, что дом, где жил его товарищ, уничтожен прямым попаданием тяжелой авиабомбы...

— Вот они, эти значки, — показал он на витрину.

...Владимир Ильич сидит в кресле, в руках — раскрытая газета «Правда», а за спиной, как символ нерушимого братства рабочих и крестьян — молот с наковальней и пшеничный снопок. «Коммунизм — есть Советская власть, плюс электрификация всей страны» — написано на значке. Когда-то этих значков было много. Их носили комсомольцы тридцатых годов, едущие на строительство Шатуры и Каховки...

Ныне Щукинская коллекция значков стала уникальной. Теперь ее с интересом изучают экскурсанты, приезжающие в город Ленина на Неве чуть ли не из всех стран мира.

ЭТО ТОЛЬКО В ТАГИЛЕ

Нина
ШИРОКОВА

Фото на вкладки
А. Нагибина

 В одном из залов Нижнетагильского краеведческого музея, где хранится демидовская библиотека, есть изображение старого памятника. На коленях перед отпрыском Демидовых стоит Россия, а Демидов милостиво протягивает ей руку...

Велика была заносчивость местных владык. Но и то сказать, не обделила судьба славой, силой и богатством уральских горнозаводчиков, чей род пошел от крепкого умом тульского мужичка Никиты Демидовича Антуфьева, а уж потомки его дослужились до дворян. Век с лишним правила Демидовы на Урале. Энергичные и жестокие, они ставили Россию на колени и одновременно поднимали ее на ноги, они делали для нее и короны, и кандалы; дарили своим женам бриллианты ценою в малое государство и не скупились на золото и самоцветы для императриц — династия уральских крезов...

Экспонат из наследственных описей Демидовых: «содействовано ноября 14 дня 1728 года по заказу Акинфия Никитича Демидова» — минералогическая горка, сделанная в виде шапки Мономаха, где вместо алмазов вставлены образцы руд со всех 38 месторождений, принадлежавших Демидовым. Это — рудники и заводы, это 40 процентов чугуна, производимого в России, железная эпоха лапотной страны... В залах демидовского наследства на всем стоит печать их владычества. Колокол, отлитый из первого тагильского чугуна — его сделали на демидовских заводах. Якорь в полтора человеческих роста, найденный на бывшей Висимо-Уткинской пристани, — на барках с такими якорями Демидовы перевозили железо, пушки... Штуф магнитного железняка, взятого из Высокогорского рудника, 200 лет он держит двухпудовую гирю... Рекламное изделие это не раз демонстрировалось на промышленных выставках. Числится в наследственной описи Акинфия Демидова.

Роскошные портреты представителей рода, дорогие книги и вещи — все напыщенно, по-царски богато. И вдруг среди неуёмной роскоши увидится тонкая работа канувшего в лету крепостного мастера... Если вам случится быть в музее, остано-

витесь у беломраморного камина с малахитовыми «зеркалами». Можно часами разглядывать орнамент и удивляться: сколько терпения, зоркости и вкуса было у неизвестного малахитчика, собравшего из множества камней эти причудливые, повторяющиеся в самых малых разводах, прекрасные узоры... С такой любовью и совершенством подобран малахитовый рисунок, что невольно думаешь: сколько бы ни платили Демидовы, а такому мастеру цены нет!

Не барское богатство хранит старый музей, бывшая демидовская кунсткамера. Хранит историю промышленного края. Хранит шедевры крепостных зодчих и художников, изделия старых мастеров, талантливых уральских умельцев. Знаменитые расписные подносы под хрустальным лаком, секрет которого ныне утерян... Портреты и пейзажи семьи крепостных художников Худояровых... Прекрасные скульптуры крепостного «бронзерщика» Звездина... Велосипед Артамонова... Музыкальные дрожки, сделанные для императорского двора крепостным мастером Кузнецовым...

А творения мастеров железных дел! Гнутые рельсы, цепи, сплетенные, как кружева, железные узлы... Не в горячем виде все это закручивалось, свертывалось, «плелось». Не богатыри, играючи, вязали стальные узлы, а крепостные люди, заводские рабочие делали чудеса, точно и умело рассчитав натяжение холодного металла.

Кто и когда это мог?! Что за люди были в России, и как же сверкала она самыми разными талантами! Нет, как ни богаты были Демидовы, а богаче России трудно быть...

● Другой нижнетагильский музей — изобразительных искусств — расположен в пяти минутах ходу от краеведческого. Пять минут, и вы попадаете в настоящую картинную галерею.

...Авторы приключенческих и детективных повестей и романов очень любят прятать за старыми картинами всевозможные тайники. Может, неспроста? Картины часто сами таят в себе много загадок, и с ними иной раз случаются истории чуть ли не приключенческие.

Усатый «Украинец» работы В. Тропинина — недавно он был безымянным. Маленькая монография, рассказавшая о последнем исследовании искусствоведов, раскрыла инкогнито: «Портрет Устима Кармелюка». А посмотрите внимательно на «Портрет дамы» Боровиковского... Женщина в глухом темном платье. Никогда не догадаться, что при просвечивании рентгеновыми лучами дама предстанет... в декольте. Кто и когда ее «одел»? Почему такая метаморфоза? «Женский портрет» Крамского: на столике, у которого сидит женщина, — кружевной платочек. А на таком же портрете, который хранится в Одессе, изображен зонтик. То же голубое платье с жемчужным шитьем, те же розы в вырезе груди, те же лицо и поза... И хотя в Тагиле эта работа подписана и датирована автором — где настоящий: тот или этот? Положительно, у картин своя жизнь, и зачастую странная.

Еще одно проникновение в тайну. Одно из полотен — старая парсуна работы неизвестного художника XVII века, сделанная еще в иконописной манере — поступило в музей с «ложным паспортом», в котором значилось «Портрет Алексея Михайловича». Проверили. Оказалось: «Портрет Василия Шуйского». Парсуной занялся свердловский искусствовед Г. Б. Зайцев. Он сличил оплечья князя с царскими, нашел головной убор очень похожим на шапку Мономаха, обнаружил смещенный нос — и пришел к выводу: это портрет Ивана Грозного. Такое бывает редко: чтобы сразу три человека числились моделями!

...Когда открылся Нижнетагильский музей изобразительных искусств, в нем было всего 73 картины. Примечательно время его открытия: 1943 год, военная пора. Сейчас в музее 2000 работ. И особенно любопытна коллекция зала русского искусства. Она не велика, но подобрана очень любовно. И, как вы могли убедиться, таит немало неожиданностей, что особенно привлекает к ней любителей живописи.

Краеведческий музей в Нижнем Тагиле

Часть экспозиции зала XVIII века. ►

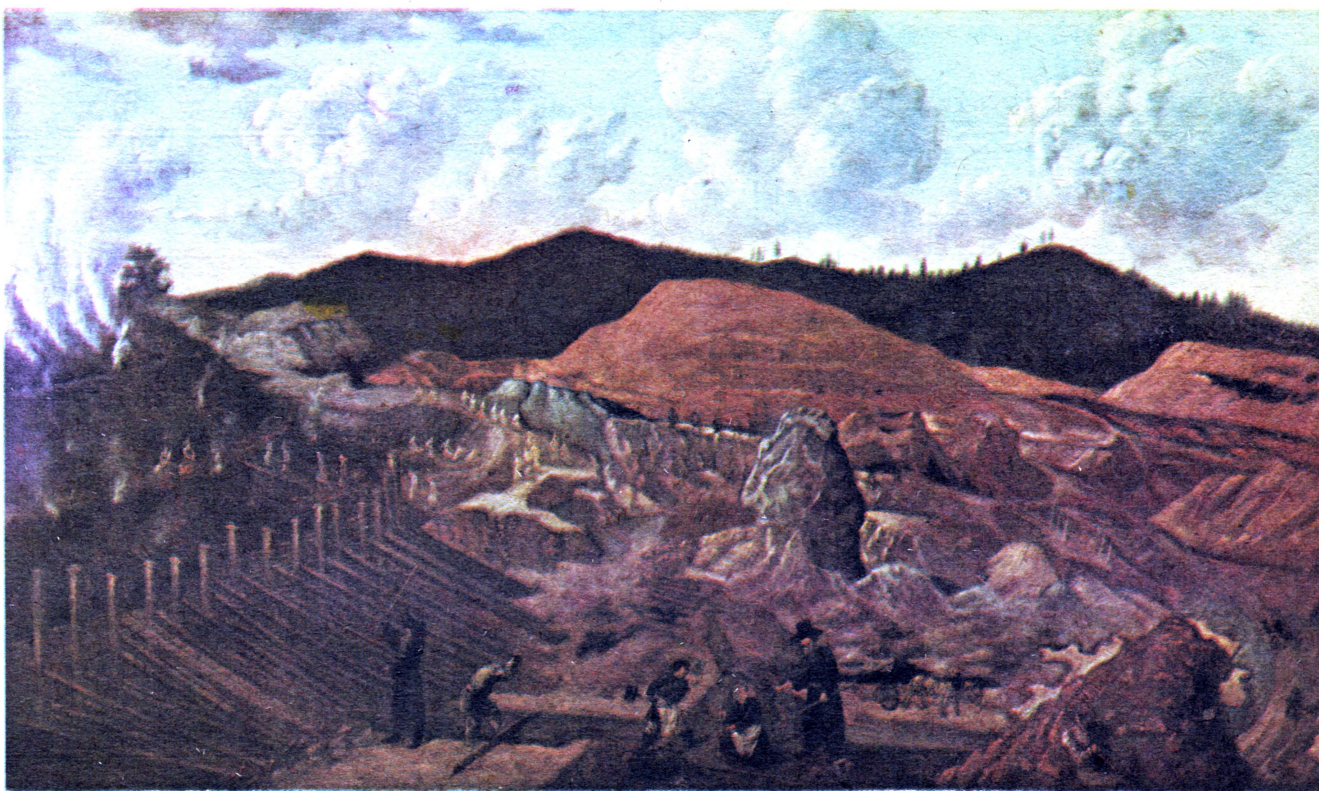
Демидовское клеймо «Старый
соболь».

Железный узел. Рекламное изде-
лие тагильских заводов. XIX век.

Вид Мускомаринского Высокогорского Железного Рудника.

«Вид Высокогорского рудника». Предположительно работа крепостных художников Худояровых.

Неизвестный автор. Парсуна «Никита Демидович Ангуфьев».

Музей изобразитель- ных искусств в Нижнем Тагиле

Парсуна неизвестного художника XVII века. «Василий Шуйский»? «Иван Грозный»?..

Керамическое блюдо, расписанное И. Е. Репиным в Париже, 1876 г. Художник расписал пять блюд, одно из них хранится в Нижнетагильском музее. (Уменьшено).

В. Поленов. «Водопад». ►

З. Серебрякова. «На кухне».

Фото А. Нагибина

НЭНУНИ ЧЕТЫРЕХ- ГЛАЗЫЙ

Документальная повесть

**Валерий
ЯНКОВСКИЙ**

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

НА ЮГО-ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ АМУРСКОГО ЗАЛИВА, В СОРОКА КИЛОМЕТРАХ ОТ ВЛАДИВОСТОКА, ВКЛИНИЛСЯ В СИНИЕ ВОДЫ ЯПОНСКОГО МОРЯ КУДРЯВЫЙ ЗЕЛЕНЬЙ ПОЛУОСТРОВ. РАСКИНУВШИЙСЯ ЗДЕСЬ ОЛЕНЕСОВХОЗ «СИДЕМИ» — ОДНА ИЗ КРУПНЕЙШИХ В ПРИМОРЬЕ ФАБРИК СЫРЬЯ ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНОГО ПАНТОКРИНА.

КЕМ, КОГДА И КАК БЫЛ СОЗДАН ЗДЕШНИЙ ПРЕКРАСНЫЙ ПАРК? ПОЧЕМУ НА МОРСКИХ КАРТАХ ЗАЛИВА ПЕТРА ВЕЛИКОГО ЭТОТ ВЫСТУП СУШИ НОСИТ ИМЯ ПОЛЯКА ЯНКОВСКОГО? ПОЧЕМУ СРЕДИ КОРЕЙЦЕВ ПО СЕЙ ДЕНЬ ЖИВЫ ЛЕГЕНДЫ О НЕПРЕВЗОЙДЕННОМ СТРЕЛКЕ, ГРОЗЕ ХУНХУЗОВ И ТИГРОВ НЭНУНИ — ЧЕТЫРЕХГЛАЗОМ?..

По склонам прибрежных холмов медленно поднимался и таял туман. Сквозь его колеблющуюся дымку на кромке Славянского залива показался всадник. Его коренастая фигура словно вросла в седло, чуть продолговатое, с ястребиными карими глазами лицо наполовину пряталось в темной бороде. Выцветшая от солнца и непогоды одежда говорила, что путешественник не первый день в седле.

Низкорослая лошадка бодро пробиралась по узким тропинкам. Вскоре она послушно свернула на перешеек, соединявший залив и весь материк с выдвинутым в море гористым полуостровом. Лошадь взобралась на холм, тяжело поводя боками. Седок осмотрелся, потом спрыгнул с седла и поднес к глазам бинокль.

Как крепко сжатый кулак, выступал в море обширный участок суши. Его покатые сопки сбегали вниз широкими травянистыми террасами. Изрезанные мысами и бухтами берега то круто обрывались утесами, то четко вырисовывались светложелтыми песчаными косами. Океан размеренно катил на них нескончаемые ряды волн. Вдаль, на юго-восток уходило сверкающее в утренних лучах Японское море с зелеными вблизи и сизыми на горизонте островами.

Все говорило о недавно отшумевших пожарах. Когда-то роскошные леса были почти полностью выжжены. Только кое-где уцелели небольшие рощи да одиноко стояли вековые липы, еще черные от ожогов. Однако повсюду уже поднималась молодая поросль.

Кажется, эта уединенная необитаемая земля — именно то место, которое он так настойчиво искал. Здесь, у моря, в долинах можно создать образцовую племенную ферму — вырастить универсальную местную лошадь.

Путник потрепал по шее своего пони. Эти азиатские лошадки удивительно неприхотливы и выносливы, привычны к местным условиям, но слишком малы для серьезной большой работы. Приморские новоселы несут огромные затраты, пытаясь завозить крупных европейских и российских лошадей морем через Суэц и Индийский океан, ужасными тропами через Сибирь и Забайкалье. Сколько их гибнет в пути?! А те, что доходят, плохо переносят влажный приморский климат. Они тяжелы и неповоротливы среди здешнего бездорожья, гор и болот. И надежно служить тут будет только представительница смешанных азиатских и европейских кровей.

Он путешествовал уже много дней и ночей. Сперва на тупоносой парусной шаланде обследовал побережье и острова южного Приморья до границы с Кореей. Теперь, возвращаясь оттуда верхом, осматривал приглянувшиеся берега.

Когда преодолели пологий перевал, за ним

вдруг открылась обставленная со всех сторон невысокими горами долина — солнечная и тихая, с небольшой каменистой горкой на террасе.

Всадник пустил пастись свою лошадку, сел на нагретый солнцем камень и залюбовался.

Вот под этой горкой он поставит свой дом и службы будущей заимки. Отсюда рукой подать до удобной восточной гавани, глядящей прямо в Амурский залив, на Владивосток. Выбор сделан. Надо ехать с докладом к губернатору, просить разрешения на отвод этих угодий...

Тринадцатая весна минула с той поры, когда студент Михаил Янковский лишился вдруг всего — отчего дома, родных и друзей, оказавшись, по его выражению, «на противоположном конце русской обширной земли».

Михаил Иванович Янковский один из четырнадцати сыновей потомственной шляхетской семьи. Летопись рассказывала об участии его предков еще в средневековых крестовых походах. Но то — предки. А сам пан Михаил оказался участником иного похода.

Он учился уже на последнем курсе одного из самых передовых аграрных институтов России — в Горы-Горецком земледельческом, что в Могилевской губернии. Польское восстание взбудоражило революционно настроенную молодежь. Горецкие студенты — поляки, литовцы и русские, — готовясь к решающему выступлению, устраивали сходки, украдкой, как могли, вооружались. Тренировались в фехтовании, учились стрелять.

И вот тайно приехавший в Горы член центрального штаба восстания, бывший капитан генерального штаба и адъютант виленского генерал-губернатора Людвиг Звездовский — под партийной кличкой Топор — 23 апреля 1863 года собрал на заре молодых людей на городской площади. Студенты поднялись против царской власти с оружием в руках. И день этот стал роковым в судьбе многих.

Михаил явился на площадь со своей двустволкой. На рассвете люди Звездовского внезапно завладели городком, институтом и казначейством. Подавив сопротивление охраны, загрузив повозки ящиками с романовскими империями, чтобы закупить на эти деньги оружие, направились в леса.

Казалось, все складывалось удачно, но Топор оказался калифом на час. Оружие из-за границы не поступило: Австрия и Пруссия не рискнули разгневать российского императора. Что же могли сделать шляхта и мещане, вооруженные охотничьими ружьями, саблями и пистолетами? Крестьяне, примкнувшие к восставшим, имели лишь топоры, копья да косы. Повстанцы терпели одно поражение за другим.

И вот настал день, когда участники мятежа сложили в лесу оружие и сдались. Но помилован никто не был. Все предстали перед учрежденной по высочайшему повелению комиссией военного трибунала Виленского военного округа. Михаил с пятью товарищами оказался в тюрьме.

Ненастным осенним днем двинулась из Смоленска вереница заключенных. В цепях, в окружении конвойных шагали в колоннах арестантов и вчерашние студенты. Прошли Москву, миновали владимирские Золотые ворота, Нижний Новгород, Казань... Тобольск встретил их уже лютыми морозами.

Весна сменила зиму, наступило знойное лето и снова надвинулась осень, а колонны, редая, все двигались навстречу солнцу то пыльными, то топкими бесконечными дорогами Сибири и Забайкалья.

Отпущенный через восемь лет каторжных работ на вольное поселение без права возвращения на родину, Янковский с восторгом откликнулся на письмо Дыбовского, тоже бывшего каторжанина, предложившего принять участие в экспедиции на Дальний Восток. Собрал свой тощий вещевой мешок, захватил преданную собаку Барса, винчестер, двустволку и весной 1872 года был уже в Чите.

Доктор Дыбовский, кстати, впоследствии ставший ученым с мировым именем, с другом по каторге Годлевским несколько лет изучал обитателей вод Байкала. Затем они предложили Русскому Географическому обществу организовать экспедицию по Амуру, Уссури и Приморью. Общество обратилось к генерал-губернатору за разрешением направить трех сыльных поляков для изучения малоисследованных земель. Ответ начальника края был таков: «Я не встречаю препятствий к разрешению политическим сыльным Иркутской губернии Венедикту Дыбовскому, Виктору Годлевскому и Михаилу Янковскому производить ученые исследования в пространстве, начиная с Забайкалья по направлению на восток... Что же касается испрашиваемого пособия в размере 500 рублей для исследований, то я не нахожу возможным дать средства».

И вот они без средств на берегу реки Ингоды, в станице Сиваковой, где еще арестантами строили сплавные суда.

Они валят огромную сосну, распиливают ее на доски. Янковский беретса за топор и строит отличную лодку, названную ими «Надеждой». Два года эта лодка служила им единственным средством передвижения и домом. 1872 год они проплыли по Ингоде, Шилке, Онону и Аргуни. В 1873 спустились до Благовещенска. Оттуда до села Хабаровки — теперешнего Хабаровска — «Надежда» шла на буксире речного парохода. В октябре вошли в устье Уссури.

Программа изучения бассейна Амура и Уссури была обширной. Описывали берега, собирали образцы горных пород, препарировали добытых зверей, птиц и бабочек, изучали рыб. Собранные коллекции отправляли в музеи Иркутска, Петербурга, Варшавы.

На Уссури экипаж «Надежды» остановился на зиму в станице Казакевичево. Здесь Янковский получил предложение занять место управляющего прииском на далеком острове Аскольд в Японском море. Он принял это предложение не задумываясь. И в апреле 1874 года прибыл на этот удивительный остров.

На острове Янковский собрал уникальные коллекции, отослал их в Россию, Польшу, Францию. Нескольким впервые описанным им под видам птиц и трем десяткам бабочек было присвоено его имя — Янковского. Он написал очерк «Остров Аскольд», который позднее был удостоен серебряной премии Российского Географического общества.

Незаметно пролетели три первых года на Аскольде. Теперь он занимал добротный казенный дом, получал и не снившийся ранее оклад, приобрел уже имя в ученом мире. Хозяин местного прииска, чрезвычайно довольный своим управляющим, предложил продлить контракт на еще более выгодных условиях. Но опять его деятельной, ищущей натуры казалось мало и этого. Он хотел осуществить свою давнюю мечту — вырастить дальневосточную лошадь. Это и толкнуло его в многодневный путь на поиски вольного пространства. Теперь, возвращаясь на своем коньке-горбунке от границ Кореи, он, наконец, нашел то, что искал.

Через несколько дней Михаил Иванович Янковский входил в приемную губернатора Приморской области барона Корфа.

Владивосток только что отпраздновал пятидесятилетие своего существования и совсем недавно получил звание города, едва насчитывавшего две тысячи душ населения.

По крутым склонам, окружающим великолепную, вытянувшуюся среди гор бухту, пролегали первые немощные улицы. Вдоль них, редкой цепочкой, протянулись деревянные домики. Лишь в центре стояло несколько казенных кирпичных и каменных зданий, красовался собор, дома первых владивостокских купцов — Чурина, Кунста, Семенова, Шевелева. Портовые постройки, казармы и азиатские фанзы на окраинах отражались в голубом зеркале гавани Золотой Рог.

В приемной посетителя принял сам губернатор. Управляющий прииском острова Аскольд выглядел парадно: расчесанная пышная борода, белый воротничок, галстук бабочкой, модные штилеты на высоком каблуке. Он обстоя-

тельно доложил о результатах своего путешествия и обрисовал перед главой Южно-Уссурийского края свои планы.

— Подробно изучив прибрежную полосу Посъетского района, ваше превосходительство, как агроном по образованию, утверждаю: она не станет ареную поселения крестьянина-хлебопашца. Частые летние туманы не дадут вызреть хлебу. Корейские переселенцы, — кстати, приветливый и гостеприимный народ, — культивируя более неприхотливые, чем пшеница и рожь, чумизу, кукурузу, бобы, овес, селятся не у моря, а вдалеке от него, в долинах речек, в горах. Но травы в Приморье хороши, мало здесь и гнуса. Это говорит о больших перспективах животноводства в крае.

Корф был умным и дальновидным администратором. Он понимал, какую пользу сулит инициатива человека, готового на свой страх и риск создать отрасль, жизненно необходимую Приморской области.

— Полезное дело затеваете, милостивый государь, очень нужное. Но крайне трудное и рискованное. Уссурийский край велик, а жителей пока мало. Такое поселение вдали от гарнизона может быть чревато серьезными последствиями. Неохраняемая таежная граница рядом. Мы, конечно, всемерно поддержим ваше благое начинание, но постоянной охраны дать не сможем. Ищите надежных компаньонов и полагайтесь, главным образом, на свои силы. В принципе же предприятие весьма одобряю. Принимайтесь с богом. Да, простите, но вы, кажется, еще не женаты, Михаил Иванович? Как же вы думаете хозяйничать без хозяйки?

— Да, не женат, ваше превосходительство. Все некогда было...

Покончив с формальностями, Янковский спустился в гавань к деревянному причалу и окликнул лодочника. Virtuозно работая одним кормовым веслом, тот подогнал свою легкую шампунку.

— Садиса, капитана. Куда ходи будем?

— Давай вон туда, — указал Янковский на небольшую шхуну, стоящую на рейде.

— Хорошо, хорошо, наса быстро пойдем, вас не беспокоится!

Шлепая по мелкой волне обрубленным прямоугольным носом, плоскодонка ходко пошла к стоящему на якоре судну. Это была шхуна «Морская корова», принадлежавшая известному китобойу, вольному шкиперу финну Фридольту Геку. Арендованная хозяином прииска Кустером, «Морская корова» доставляла все необходимые грузы и пассажиров из Владивостока на Аскольд. Янковский и Гек были давно знакомы и уважали друг друга.

Коренастый могучий финн с огненно-рыжей бородой дымил на мостике неразлучной труб-

кой. Гость поднялся на борт. Гек бойко говорил по-русски, хотя и с сильным акцентом.

— Здравствуй, Михаил Иванович, теперь будем отчаливать.

Шкипер дал команду поднимать якорь и ставить паруса. «Морская корова» медленно развернулась к выходу из Золотого Рога. Вскоре вышли в Амурский залив и легли на курс острова Аскольд.

Гек был настоящий морской волк — из тех, каких выковывал парусный флот девятнадцатого века. Он начинал морскую службу 11-летним мальчиком, юнгой. Побывал во многих странах Старого и Нового Света. Потом окончил на родине, в городе Або, мореходную школу, получил права и звание шкипера дальнего плавания. На Дальнем Востоке первый раз побывал с китобойной флотилией. Во второй — прибыл на собственной маленькой шхуне, проделав героический путь вокруг Африки, перенеся ужасную цингу, голод и тропические ураганы.

Двое на мостике вели неторопливую беседу.

— Объехал я все берега на юг от Владивостока, Фридольт Фридольт, и присмотрел неплохое место для будущего хозяйства. Во-он тот полуостров, что виднеется между Славянским и Амурским заливами. Сегодня был у Корфа, доложил о своих планах, и губернатор обещал поддержку. Но я знаю, одному селиться трудно и опасно, и вот мое предложение: давай, перекочем вместе. Ты — у моря, там отличная бухта, а я неподалеку — в долине.

Капитан долго молча пыхтел трубкой.

— Мне не нравится бухта Стрелок, где моя фанза. Сам давно думал искать другое место.

Итак, вопрос о переселении на полуостров Славянский, как его первоначально окрестили, был почти решен и намечен на весну 1878 года.

Гек вытащил «на вечный покой» отслужившую «Морскую корову» и купил небольшую шхуну «Анну», более удобную для морского промысла.

В один из приездов во Владивосток Янковский сделал предложение Ольге Лукиничне Кузнецовой, скромной милой девушке. Получил согласие, и после свадьбы молодые отплыли на Аскольд.

Через год у них родилась дочь, названная в честь матери Янковского Елизаветой. Они усыновили двух мальчиков — двухлетнего Сашу и семилетнего Андрея.

Лишь к июню 1879 года Михаил Иванович сумел сдать дела новому управляющему, и первым рейсом шхуна «Анна» перевезла на полуостров строителей-рабочих, инструмент, коекакой строительный материал, несколько голов коров и лошадей. Неделю спустя Гек вернулся за Янковским и его семьей, в которой было прибавление. На руках Ольги Лукиничны лежал новорожденный — сын Юрий.

Утром взрослые и дети поднялись на борт. Взяв ветер, шхуна «Анна» легла на юго-запад. Постепенно скрылся в туманной дымке остров Аскольд, где было прожито пять лет...

Слегка накренившись, поскрипывая снастями и покачиваясь на боковой волне, «Анна» к полудню обогнула Русский остров, пересекла Амурский залив и вошла в бухту Гека.

На террасе среди яркой зелени в сотне шагов от песчаного пляжа показалась беленькая усадьба шкипера. Все выглядело необыкновенно привлекательно. Но удивительным казалось одно: ни один человек не вышел на берег встречать их. С борта дали выстрел, но и после него никто не появился возле дома.

Шхуна бросила якорь, и Янковский с командой поспешили на берег. Здесь сразу бросилось в глаза множество следов на песке — конских и следов людей, обутых в маньчжурские лесные унты.

Почувствовав неладное, Янковский бросился к дому и рванул дверь. Все, кто с ним были, в ужасе отшатнулись — под потолком на крюке от лампы висел изуродованный труп хозяйки. На полу — лужа крови. В живых — никого, все перебиты и трупы сброшены в подвал...

Жители одинокой заимки подверглись нападению банды грабителей-хунхузов.

Гек, как безумный, всюду искал своего шестилетнего сына, но малыш бесследно исчез.

Гек и потом всю жизнь искал своего сына, мечтая когда-нибудь встретить «белого китайца», но безуспешно. Очевидно, ребенка увели в плен с тем, чтобы получить за него выкуп, но он не вынес тягот переходов через тайгу.

Янковский и Гек составили протокол, послали депешу во Владивосток, похоронили убитых. Оставив Ольгу Лукиничну с командой сторожить судно и детей, отобрав лучших стрелков, устремились по следам банды. Однако преследователей постигла неудача, отряд возвратился в бухту Гека ни с чем.

Это был критический момент. Узнав о трагедии, многие друзья и знакомые настаивали на том, чтобы компаньоны бросили свою затею поселения по соседству с хунхузами. И, наверное, никто не осудил бы их, если бы шкипер и фермер похоронили свои мечты. Но в мемуарах этих людей нет даже намека на колебание. Гек нанял в помощники дельного корейца и продолжал китобойный промысел. Янковский завез по льду замерзшей бухты необходимый для строительства лес, а в марте 1880 года в солнечной долине встал лагерь.

Показалась робкая травка, разворачивался первый лист на деревьях. Каменистую горку позади будущего дома озарил фиолетовым светом багульник.

Погожим утром все уже приступили к работе, когда послышался приближающийся топот копыт. Два корейца в домотканых серо-белых куртках и шароварах соскочили с тонконогих пони. Янковский узнал старосту корейской деревушки Верхнее Сидеми и его переводчика, знающего японский язык.

— Здравствуй, Син Солле! Что это вы так загнали своих лошадей?

— Здравствуй, Микау Иваничи! Мы сильно торопился. Очень худо есть! Хунхуза наса деревня совсем грабил. Кони, муйка¹, какой вещи кругом забрал. Люди тоже схватил... Микау Иваничи, помогай!

Михаил Иванович сразу решил: «Верно, если на этот раз бандитов не проучить, они истолкуют это как слабость и трусость и дальше с ними сладу не будет. Что делать? Послать гонца во Владивосток и ждать помощи? Будет поздно. Нет, надо действовать без промедления, нагнать негодяев по горячим следам...»

Он окликнул одного из своих помощников.

— Слышал? Скажи пулей к Геку, расскажи и передай, что я прошу готовиться к походу. Через час будем выступать. — Он повернулся к корейцу: — А ваши охотники пойдут? У нас ведь людей маловато.

— В деревне сказали: если Микау Иваничи будет командир — все пойдут, у кого есть ружье...

Высланные вперед корейские следопыты шли бесшумно, как тени. Смешанная русско-корейская дружина продвигалась за ними тихо, но проворно. Курить было запрещено, переговаривались только шепотом. Так прошагали всю ночь, а на заре вдалеке над тайгой заметили дым. Грабители устроили привал. Длинное зимовье-барак приютилось в узком месте долины под скалой, возле самой тропы.

Эта стратегически выгодная позиция разбойников не позволила охотникам осуществить первоначально намеченный план окружения и засады. Пришлось менять тактику. В предсветных сумерках, маскируясь за деревьями, построенные полумесяцем в редкую цепь охотники, крадучись, приближались к врагу. Янковский предупредил, что сигналом для атаки послужит его первый выстрел.

Несмотря на ранний час, банда уже готовилась к выходу. Одни быстро навьючивали лошадей, другие выводили пленных со скрученными назад руками. Высокий конвоир в синей куртке, изощренно ругаясь, занес винтовку, чтобы ударить прикладом замешкавшегося пленника. Но — не успел: хлопнул одиночный выстрел, и он упал под ноги арестованного. И сразу же дружный залп охотничьих шомпо-

¹ Муйка — корова

лок, бердан и винчестеров нарушил утреннюю тишину. Несколько бандитов были убиты на месте, остальные, побросав пленных и лошадей, беспорядочно отстреливаясь, кинулись в лес.

Не растерялся только черноусый атаман разбойников. Спрятавшись за толстым деревом, он быстро определил число нападавших и понял, что с ними можно справиться. В лесу, перекрывая шум перестрелки, послышалась его гортанная быстрая речь.

— Стой! Их мало. Нас больше! Прячьтесь за деревьями и бейте наверняка! Не трусьте, говорю вам! Расстреляю трусов!..

Хунгузы попрятались за камни, за стволы деревьев. Стали ждать, что будет дальше.

Охотники, используя каждое удобное прикрытие, продвигались все ближе к зимовью. Михаил Иванович, наблюдая за строем, отдавал команды. И сам того не подозревая, попал в засаду. Опытный лесной волк — глава банды уже выследил командира охотников. И когда тот, сделав очередную перебежку, оказался к нему спиной, высунулся из-за своего укрытия и стал целиться в Янковского.

Инстинктивно, будто почуяв что-то неладное, Янковский обернулся. И не растерялся — мгновенно вскинул свой винчестер. Даже не секунды, а доли секунды решали исход этого поединка.

Маньчжур целился очень тщательно, он хотел уложить чернобородого наверняка. Но недаром Михаил Иванович пользовался славой непревзойденного стрелка. Откуда было знать бандиту, что его противник без промаха разбивает подброшенный вверх камень?

И на этот раз выстрел оказался молниеносным и точным. Пуля прошла синюю куртку. Черноусый выронил оружие и рухнул на землю. Но атаман был фанатичным хунгузом. По древнему поверию предков следовало только не выпустить через пулевое отверстие дух. Поэтому он судорожно содрал ногтями с корня дерева пучок мха, заткнул им рану и в самом деле поднялся на ноги. Еще раз прозвучала его ободряющая команда. Но дух нашел-таки выход. Усатый прислонился к дереву, сполз на землю и покатился по склону уже запертво. Деморализованные гибелью своего вожака, оставшиеся в живых бандиты бежали враспыленную, спасаясь в лесу. Преследовать их в чаще по одиночке было неразумно. Потери хунгузов оказались внушительными, урок преподан основательный. Дружина отделалась двумя легко ранеными.

Син Солле послал в деревню гонца с известием о полной победе. Возвратившемуся с отбитыми пленными, лошадьми, скотом и имуществом отряду устроили торжественную встречу. Во дворах были накрыты столы, зажарено несколько свиней и много кур. Расскажам о бое

не было конца. Главной темой была дуэль двух атаманов. Видевшие этот поединок были твердо убеждены, что обыкновенный человек не способен заметить целящегося в спину врага. Надо же: вдруг обернуться, да так блестяще опередить опытного противника! У капитана несомненно есть свой секрет. Но секрет этот разгадан: у него есть вторая пара глаз на затылке! Значит, он — нэ нуни, четырехглазый!

И с того далекого, действительно не совсем обычного дня, почетное прозвище «Нэнуни» сохранилось за Михаилом Ивановичем Янковским на всю жизнь, а с годами стало среди корейцев второй, и главной, пожалуй, фамилией всего рода Янковских. Они же окрестили по-своему и полуостров, назвав его Нэнуни соме — остров Четырехглазого.

За лето Михаил достроил свой дом-крепость. Это прочное здание на высоком каменном фундаменте с аршинными стенами из добротного саманного кирпича действительно выглядело неприступным бастионом. Массивные двойные дубовые двери были окованы железом. В окнах — чугунные прутья. На высоком просторном чердаке — слуховые окна-бойницы. На дворе — сторожевые собаки. Все домочадцы были вооружены.

Возглавив отряд самообороны всех соседних деревушек, Михаил Иванович постоянно получал информацию о появлении хунгузов. Хозяничанье их в окрестных местах пошло на убыль.

В сентябре 1880 года уже насовсем переехала из Владивостока Ольга Лукинична с детьми.

За первое лето был создан сад и огород. Михаил Иванович выкопал в горах маленькие деревца дикой вишни, груш и абрикосов. В полуверсте от дома на высоком берегу речушки выбрал хорошо освещенную площадку. Вспахал целину, удобрил землю и рассадил дички правильными рядами. На следующий год привил на них европейские сорта.

И свою главную мечту начал осуществлять сразу же. Для начала приобрел все, что было доступно — четырех монгольских, четырех маньчжурских и двух корейских кобылиц. Из Владивостока привез полукровного рыжего жеребца Атамана. Был он невелик ростом, но рядом с другими лошадьми выглядел великаном.

В первый же год было завезено несколько коров, бык, козы, овцы и птица. Успели подготовить к зиме и помещения для скота.

Первый шаг на новой земле был твердым.

Гек жил на небольшой заимке на берегу. Его полем деятельности оставалось море. В тихую и ясную погоду «Анна» не торопясь бороздила прибрежные воды, а шкипер стоял

на мостике с подзорной трубой. Китов и кашалотов встречалось немало, но главное заключалось в том, чтобы заметить спящего. Ведь у Гека не было ни гарпунных пушек, ни быстрходных катеров.

Заметив на горизонте черный горб спящего великана, они спускали на воду вельбот с двумя гребцами и начинали подкрадываться. На носу вельбота стояла катушка с намотанным на нее стосаженым пеньковым тросом, на конце которого был укреплен ручной гарпун. Рядом на треноге устанавливалось огромное ружье четвертого калибра, заряженное свинцовой пулей размером с куриное яйцо.

Тридцать, двадцать, десять шагов отделяют утлое суденышко от великана. Нервы натянуты: как-то все обернется?

Кит проспал их приближение, не взметнулся раньше времени, не скрылся под водой. Шкипер еще крепче упирается ногами в дно лодки, и тяжелый и острый гарпун, описав дугу, с маху впивается в спину кита.

Великан, как ужаленный, вздрагивает, бьет хвостом по воде и уходит в глубину. Линь разматывается с бешеной скоростью, катушка жужжит и воем, от трения начинает дымить. Ее охлаждают заборной водой.

Слава богу, кит не задел вельбот хвостом. Но все равно топор наготове: если раньше вре-

мени заклинит трос, лодку или опрокинет или стремительно утащит в морскую пучину. Тогда один выход — рубить канат.

Проходит час, другой, третий, и кит, всплыв, делает передышку. Вельбот снова бесшумно, против ветра, приближается к нему, шкипер наводит свою огромную шомполку, нажимает на спуск. Кит вздрагивает, и все начинается сначала.

И так — несколько раз. Наконец уставший кит ложится на бок и тогда его уже можно буксировать.

Даже и тогда, когда все удачно, людям приходится нелегко. Однажды кашалот ударом хвоста разнес вельбот в щепы. Капитана, уцепившегося за какой-то обломок, шхуна разыскала в открытом море лишь через несколько часов...

Но зато каким эффектным было возвращение после удачной охоты! Шхуна входила в бухту и бросала якорь. От борта отваливал бот, буксирующий к берегу огромную черную тушу, верхом на которой сидел капитан, картинно дымя трубой. Собравшиеся на берегу люди бурно приветствовали рыжебородого финна.

На берегу кита разделявали. Отделяли ус, извлекали драгоценную амбру. Из свежего мяса хозяйки готовили котлеты. Остальное

мясо, нарезанное кирпичами без единой косточки, засаливали в чанах. Жир перетапливали.

От моря к усадьбе Фридольфа Кирилловича тянулась аллея грушевых деревьев. Вход в эту аллею вел через экзотические, сооруженные в японском стиле ворота, целиком составленные из китовых ребер. В конце дорожки, неподалеку от дома, стояла беседка. В ней вместо табуретов вокруг стола располагались похожие на винные бочонки желтоватые китовые позвонки...

Первое лето подарило поселенцам и первые радости. В косяке Атамана появились четыре жеребенка. К осени они заметно подросли. Первый опыт скрещивания лошадей вселял надежды. Но в ноябре на полуостров пожаловал тот, кто считал себя законным хозяином всего живого в крае...

Взрослый уссурийский тигр могуч и силен. В силе, ловкости, быстроте и бесстрашии равных ему нет в тайге. Издревле коренное население Приморского края — нанайцы, орочи и удэге, почитая тигра божеством, — не смели поднимать на него руку.

Явившийся на хутор Янковских тигр задавил трех жеребят, а вслед за ними — двух кобылиц...

Дождавшись лунной ночи, Михаил Иванович устроил засаду. Привязал возле конюшни последнего жеребенка и стал ждать.

В этот день выпал первый снежок. Казалось, что очень светло, и Янковский был уверен, что заметит зверя. Но ошибся. Хищник подкрался так тихо, так незаметно, что Янковский увидел его поздно.

В одно мгновение тигр свернул жеребенку шею и поволок его к ограде. Выстрел оказался неточным. Грозно рыкнув, хищник бросил свою жертву и растаял во мгле.

Утром, обнаружив кровавый след раненого хищника, Янковский пригласил соседа помочь в преследовании зверя.

На море командовал шкипер, на суше — опытный зверобой. Михаил Иванович шел впереди, Гек следовал за ним. Ружья наготове. И вдруг в нескольких шагах с лежки поднялся тигр и двинулся им навстречу. Совсем близко показалась оранжевая, в седых усах, украшенная черным иероглифом на лбу огромная голова. Хищник готовился к прыжку.

Михаил Иванович поднял винчестер, палец уже был готов нажать на спусковой крючок. И в этот миг услышал сзади неторопливый спокойный голос:

— Не разбей череп, Михаил Иванович, музей ведь просил его...

Но было поздно — прогремел выстрел.

Витрину музея украсил череп с дыркой во лбу.

Шел второй год поселения на Сидеми. Казалось, что жизнь входит в нормальное русло, что главные тревоги позади. Но вдруг...

В столовой дома-крепости сидели два старых знакомых — Нэнун и Син Солле.

— Наса разведчики, Микау Иваничи, недавно ходил манзурска сторона. Узнали точно: хунхуза снова хочет нападать. Хочет наса и вас — кругом убивай. Их работа — грабить, мы им мешай.

— Молодец, Солле, что выведаль. Постарайся провести подробную разведку, узнай — сколько их, где точно их база. А я буду срочно просить помощи из Владивостока. Как, сумеешь?

— Я думаю можно. Буду нюхай...

Командующий гарнизоном Владивостока барон Фельдгаузен не нарушил слова, срочно направив в распоряжение Янковского отделение солдат под командой унтер-офицера. В деревне Верхнее Сидеми солдаты соединились с корейской дружиной. Под руководством Михаила Ивановича отряд пересек гребень Синего хребта, спустился в долину Туганзы и в условленном месте встретил своих разведчиков.

Син Солле подробно доложил обстановку. Замаскированный под лесного бродягу, он провел очень смелую операцию. Рискуя быть узнанным, мнимый оборванец побывал в самом логове бандитов. Узнал примерную численность, расположение и подходы к зимовьям, расположенным среди полей опийщиков-контрабандистов. Эти сведения позволили окружить всю, уже готовую к выступлению, шайку. После короткого боя оставшиеся в живых двадцать восемь разбойников были схвачены и разоружены. Их отконвоировали в пограничную крепость Хунчун.

В полуверсте от дома, на склоне сопки, сбегающей к бухте Гека, Михаил Иванович приметил холмик. Правильной округлой формы бугор имел несколько сажен в поперечнике. С одной стороны холма было небольшое обнажение. Сквозь него проглядывал плотно слежавшийся морской ракушечник. Янковский решил выжечь из него известь. Когда начал долбить спрессованную массу, заметил, что створки ракушек не одинаковы. Часть их была целыми половинками панциря устриц и мидий, часть была расколота, между ними попадалась земля, мусор. Внимание привлекли обломок кости и камень удивительно правильной формы. Михаил Иванович вдруг понял, что эти предметы когда-то уже принадлежали человеку! Этим удобным, хорошо обкатанным морем куском гальки кто-то когда-то дробил раковины! Сомнений быть не могло: более тяжелый конец валуна отчетливо сохранил следы этой работы...

Среди слежавшихся раковин Янковский обнаружил обломки рогов, выщербленный в работе, хорошо отшлифованный топор, костяное шило, каменное долото, черепки посуды.

Аккуратно обделанное грузило и найденный возле него позвонок акулы указывали на то, что далекие хозяева этих мест занимались и рыбной ловлей. Несколько позже были найдены выточенные из кости и камня наконечники копий и стрел.

Почему человек каменного века остановился не на южном, а на северном склоне горы? И почему близко от замерзающей зимой бухты, но так высоко над уровнем моря? Почему среди мусора в кургане не обнаружены украшения?

Янковский пришел к выводу, что это всего лишь временная, летняя стоянка, что люди жили здесь только в теплое время года, питаясь в основном легко доступными дарами моря.

Михаил Иванович отобрал наиболее интересные экспонаты, пронумеровал, описал их и отправил в музей Восточно-Сибирского филиала Географического общества в Иркутске. Посылку сопроводил большим подробным письмом.

В письме он сообщил также, что оборудовал метеорологическую станцию, ведет наблюдения и составляет карту климата побережья. Янковский уведомил ученых, что для музея Академии наук собирает гербарии и семена местных пород растений.

Имя Янковского, до этого известное среди орнитологов и энтомологов, стали упоминать ботаники и археологи.

В 1881 году в XII томе альманаха «Известия» была опубликована статья М. И. Янковского «Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива». В ней, в частности, говорилось:

«Не имею сведений, были ли сделаны такого рода открытия в Китае или Индии. Если нет, то настоящий памятник получит еще большее значение в смысле параллели, для сличения этих кухонных остатков с таковыми, найденными на датских берегах. Но главный интерес состоит не в том, насколько аналогичны были проявления жизни столь отдаленных друг от друга и принадлежащих к разным племенам народов. Важно другое: историческая древность этого памятника. Относится ли он ко времени существования пещерных тигров и медведей, или, может быть, несмотря на близость центров древней китайской и японской цивилизации, происхождения его, вследствие своей замкнутости, имеет место в сравнительно новейшей эпохе...»

Несколько позднее, по просьбе общества изучения Амурского края, членом которого он состоял, Михаил Иванович продолжил раскоп-

ки с археологом В. П. Маргаритовым. Во время этих раскопок уже в других курганах были найдены кости свиньи, собаки, пятнистого оленя, косули, барса и медведя, шлифованные топоры, наконечники копий и стрел, грузила, точильные камни, а также много керамики, украшений. Вновь открытая культура получила первоначально название южноприморской, а позднее культуры Сидеми — по месту первых раскопок.

Культуру, открытую Янковским, долгое время считали неолитической. И только исследования, проведенные на основании раскопок 50—60-х годов нашего столетия под руководством академика А. П. Окладникова, установили принадлежность ее к раннему железному веку — времени, когда железо только начало входить в употребление у племен Приморья и Приамурья. Но как бы то ни было, раскопки М. И. Янковского удревнили историю Приамурья сразу более чем на полтора тысячелетия.

Михаил Иванович категорически запретил всем своим людям не только стрелять, но даже пугать оленей. И, конечно, он ни за что не отступил бы от своих правил, если бы не письмо из музея. Его убедительно просили добыть и прислать рога пятнистого оленя.

Стояла зима, лежал довольно глубокий снег. Сев на коня, он миновал несколько распадков и вскоре заметил табунок. В нем заметно выделялись два темно-бурых взрослых самца. В бинокль хорошо видны были отличные рога. Разглядывая рогачей, Михаил Иванович слегка повел биноклем и вздрогнул: по склону соседнего овражка к табуну подкрадывался барс.

Охотник заспешил наперерез. Михаил Иванович думал, что сейчас он увидит барса ближе и в более удобной для выстрела позиции, а тот, увлеченный охотой, конечно, его не заметит. По его расчетам, хищник должен был быть где-то впереди. И вдруг — оказался нос к носу с огромной пятнистой кошкой. Барс уже был готов к прыжку.

Опытный охотник понял, что кошка не очень спешит, выжидая самый верный для прыжка момент. Но и медлить нельзя было ни секунды. Одним движением он передвинул вперед висевший на боку нож и поднял к плечу штуцер. Опасаясь, что ветка разделявшего их куста может отвести пулю, выбрал крохотное дюймовое окошечко, прицелился в переносицу и нажал на спуск. Хищник упал. Из правого глаза барса струилась кровь.

Конь в ужасе взвился на дыбы. А олени? Они «исчезли, как вихрь, оставив в воздухе только облако взрытого копытами снега», —

так записал затем в дневнике М. И. Янковский.

На этот раз вместо рогов пятнистого оленя в Иркутский музей ушла посылка со шкурами и черепами лисы, енотовидной собаки, дикой кошки и барса.

В XIII томе «Известий» за 1882 год вышла статья Янковского «Пятнистые олени, барсы и тигры Уссурийского края», где он описал их образ жизни, ареал обитания, повадки и историю.

Летом 1883 года с борта шхуны, бросившей якорь в бухте Гека, на берег сошли трое гостей. Возвращаясь из Камчатской экспедиции, на Сидеми прибыл с помощниками доктор биологии Бенедикт Дыбовский. Несколько дней прогостил он с Плесским и Калиновским в доме товарища, с которым делил и забайкальскую каторгу, и путешествие по Амуру на памятной лодке «Надежда».

Описывая позднее этот визит в своей книге «Воспоминания о Сибири и Камчатке», Дыбовский подчеркивает, что был изумлен всем достигнутым на этом, недавно необитаемом полуострове. Несмотря на то, что с трагического дня переезда с острова Аскольд минуло всего четыре года, он застал образцовую ферму, равной которой не встречал во всей Сибири.

Гости увидели на ферме несколько косяков лошадей, гурты племенного рогатого скота, коз, баранов, свиней, много всякой домашней птицы, фруктовый сад, огород, луга и возделанные поля, экспериментальную пасеку полудиких уссурийских и культурных пчел, а также дом-крепость, флигель, гумно, овин, свиноводник, скотный двор...

Пани Ольга произвела на Дыбовского впечатление на редкость энергичной и гостеприимной хозяйки. Ольга Лукинична была, действительно, главой и хозяйкой дома-форты. Однако в некоторых чисто мужских делах правой рукой Янковского многие годы оставалась еще одна очень колоритная фигура — отставной бомбардир Платон Федоров. Этот человек был истинным умельцем — лихим наездником, отличным кузнецом, шорником и ветеринаром. С огромной рыжей бородой лопатой, богатырь — косая сажень в плечах. Платон был любимцем всей семьи Янковских.

Водкой Федоров баловался в основном по праздникам, умеренно, зато после работы и бани чаю мог одолеть двадцать стаканов...

Это был редкой силы и храбрости человек.

Как-то вернувшись из объезда табунов, он заявил хозяйке, что идет закладывать телегу — вывезти зверя.

— Какого такого ты добыл зверя, Платон? Ты же без ружья ездил.

— Да вот, понимаете, какое дело, Ольга Лукинична. Подъезжаю я к табуну молодняка в Длинной пади, смотрю, а их медведь гоняет! И уже поободрал одного жеребчика. Собаки мои подхватились и ну на него лаять. От табуна-то отбили, однако, уйдет, думаю, а ночью вернется, раненого обязательно задавит. Эх, думаю, куда ни шло, медведь-то не шибко большой, управлюсь! Выбрал ясеневую оглоблю потяжелее да и подобрался к нему против ветра. Мишка-то занят собаками, по сторонам глядеть некогда. Подскочил, огрел оглоблей по голове, он и обмяк, повалился на бок. Ну, тут я скорее-хонько ножом ему кишки и выпустил. Однако, побегу запрягать, а то вороны поклюют, второпях не прикрыл его толком...

Как ни странно, старый артиллерист и после этого случая не любил таскать с собой ружье. Вскоре он отковал себе острое копые. Насадил наконечник на легкое, но прочное древко и стал возить во время объездов, вполне полагаясь на свою ловкость и силу. Почти каждый день, независимо от погоды, он аккуратно проверял вверенные ему разбросанные в горах табуны. Следил за бдительностью приставленных к ним пастухов, большинство которых нанимали из числа корейских переселенцев.

Между тем время шло, и лошадей становилось все больше. Конюшен и пригонов не хватало, сено и овес приходилось экономить, и большинство лошадей почти круглый год паслось на воле. Помимо экономии, режим этот выковывывал крепких и выносливых, не боящихся непогоды лошадей.

Правда, лошади становились довольно частой добычей хищников. Особенно опасен и коварен был тигр.

Старшему сыну Янковских Юрию шел одиннадцатый год, когда морозным ноябрьским утром во двор займки влетел пастух-кореец.

— Хожайн, беда! Тигри задавили наса Зелна! Другой кони наса гоняли дальше. Только все рамна его табун не оставит. Надо его скорей стреляй...

Кроме Михаила Ивановича, Ольги Лукиничны и детей, дома никого не оказалось. А преследовать отведавшего крови тигра одному, да еще в густых приозерных камышах, слишком рискованно.

— Оля, я возьму с собой Юрия. Он у нас шустрый и смелый парень и, если тигр вдруг насядет, я знаю, Юрка не подведет. Принеси ему Платоновское копые.

Мать перекрестила сына и внешне спокойно подала ему длинную пику.

Они сели с пастухом в легкие санки и скоро уже мчались по льду замерзшей лагуны. Не доезжая с версту до указанного пастухом мес-

та, отпустили возницу и пошли пешком. Мальчик был страшно горд оказанным доверием и крепко сжимал рукоятку знаменитого оружия дядьки Платона. Однако, увидев изуродованную Желну, едва сдержался, чтобы не заплакать. А вокруг — шелестящие заросли да крупные, в большое блюдце, следы. Очевидно, хищник спрятался, учуяв людей.

Михаил Иванович внимательно изучил следы.

— Смотри и запоминай, Юрий. Видишь: отсюда он подкрадывался к ней против ветра, потому и не учуяла. На бегу он не смог бы догнать лошадь, поэтому подобрался на верный прыжок с двух сажен. Погляди, он не заметил среди бурьяна этой ветки ольхи, налетел на нее грудью, но она переломилась, как спичка.

Охотник шел по следу не торопясь, стараясь первым заметить притаившегося зверя. А тот скоро почувствовал преследование и стал злиться. Еще бы: у него отнимали его добычу. Он начал, как обычно, делать петли, ложиться возле своего следа, маскируясь среди пожелтевших трав, коряг и кустов, все время готовый напасть.

Вдруг мальчик удивленно указал на странный сдвоенный след. Тигр во второй раз прошел по своим же недавним отпечаткам. Несколько минут назад они уже проходили по этому месту. Отец шепнул:

— Не понятю? Мы за ним, а он за нами... Оглядывайся почаще и не зевай.

Они преследовали тигра до сумерек. Убедившись, что хищник покинул полуостров, Михаил Иванович решил возвратиться домой.

Мать помогала раздеться, стянула ичиги с ног одиннадцатилетнего тигролова. Отец, закутив, сказал:

— Тигра не взяли, но напугали и прогнали. Думаю, что скоро он не явится.

В заботах и радостях минуло первое десятилетие. За эти годы в семье Янковских появилось еще четверо детей — Анна, Ян, Сергей и маленький Павлик. У жены Гека (он женился вторично) родилось тоже четверо, все девочки.

Теперь, в погоне за откочевывающими на север китами, Гек уходил все дальше и дальше — в Японское, Охотское и даже в Берингово моря. Фридольф Гек составил ряд ценных лоций и географических описаний берегов. Много мысов и бухт сейчас носят его имя.

В те годы обе семьи трудились много, а жили весьма скромно. Обувались в самодельные опорки и ичиги из выделанных дома шкур. Питались в основном тем, что давала охота, рыбалка, домашнее хозяйство. Белый хлеб был большой радостью, сладости — тем более. Средства Янковского, скопленные за пять лет рабо-

ты на Аскольде, давно ушли на покупку породистого скота, найм пастухов, заготовку кормов. Хотя поголовье заметно росло, доходов хозяйство все же не приносило.

Жизнь текла своим чередом. Зимними вечерами, при свете керосиновой лампы отец обучал детей грамоте, азам арифметики, истории, географии. Учил немецкому языку. Польский почему-то не преподавал. Елизавета, Юрий и Анна усердно скрипели перьями, Иван и Сергей пока только слушали, а годовалый Павлик ползал по полу вокруг стола. Хозяйка сидела за шитьем.

Летом Михаил Иванович учил детей стрелять, плавать, ездить верхом, ловить расщепленной палочкой ядовитых змей.

На просторной веранде дома-крепости сидели прибывшие специальным парходом гости. С целой свитой старших офицеров и чиновников осмотреть конный завод Янковского пожаловал сам барон Н. А. Корф, к этому времени уже генерал-губернатор всего Приамурского края.

Лозы дикого винограда густо оплели стены и крышу террасы, в тени их крупных листьев на стульях и в креслах по рангу расположились белоснежные кителя с золотыми эполетами, темные и рыжие бороды, холеные усы...

Через широкие западные ворота в просторный, как городская площадь, двор вбегали пригнанные с пастбищ табуны лошадей. Парадом командовал Платон с помощником и старшие дети.

Подобренные по масти косяки останавливались напротив крыльца. Знатоки-лошадники внимательно рассматривали спины, морды, зубы, ноги, копыта.

Гости остались чрезвычайно довольны осмотром.

— Удивительно, — сказал кавалерийский полковник. — Мало того, что лошади выглядят отменно здоровыми и бодрыми, с хорошим экстерьером, они поразительно ласковы и послушны. Слово дрессированные, цирковые. Какой секрет кроется в вашем воспитании, Михаил Иванович, позвольте узнать?

Корф обернулся в кресле:

— Да, да, это просто необыкновенно. Познакомьте нас, Михаил Иванович, пожалуйста, подробнее с методом вашего воспитания. Кстати, я недавно наблюдал табуны выращенных в забайкальских степях скакунов. Так ведь это просто звери, к которым вообще нельзя подступиться!

— Это, ваше высокопревосходительство, по сути дела, и есть почти дикие звери. Видите ли, киргизские, минусинские и забайкальские скакуны, родившись в степи, до трех-четырех, час-

то до пяти лет не знают ни человеческой ласки, ни голоса. И трудно ждать от них повиновения и доверия. У нас с самого основания дело поставлено иначе. Никто не смеет не только ударить, но и замахиваться, кричать на лошадь. Осенью мы отнимаем у маток подросших и окрепших сосунков. Они рано знакомятся друг с другом и людьми, которые их кормят, гладят, приучают поднимать ноги, показывать копыта. И лишь после того, как они станут совсем ручными, их табунком и отпускаем в поле.

— И дальше растут на воле уже самостоятельно?

— Дальше растут в косяке до трех-четырёх лет, до той поры, пока не приходит время объезжать. Но основное дело воспитания уже сделано — привычка и доверие к человеку укореняются на всю жизнь. Ну, а что касается внешнего вида и здоровья, то их безусловно дает степное содержание, постоянное пребывание на природе. Омываемые дождями и росой, осушаемые ветрами, они, бывает, действительно лоснятся, как из-под щетки...

Все слушали Янковского очень внимательно. Корф согласно кивал головой.

— Да-а, это замечательно. Недаром вот представители военного командования уже докладывали, что в частях, пополненных лошадьми с вашего завода, не нарадуются. Здоровы, неприхотливы и удивительно послушны.

— Лошади отличны во всех отношениях, — поддержал полковник. — Только маловаты.

— Для этого нужно привести партию коней хотя бы крупной томской породы. Но дело это очень сложное.

— Подумайте, сударь. Это чрезвычайно важное дело. Наши пограничные части кавалерии и горной артиллерии намечено значительно увеличить. А ремонтировать армию — мы в этом уже убедились — необходимо только теми кадрами, что родились в этом крае. Только на них можно вполне положиться. Так что постарайтесь, батюшка Михаил Иванович. Чем вам можно помочь?

— Чем помочь? Спасибо и так, ваше высокопревосходительство, что ходатайствуете перед Петербургом, что помогаете заводу с арендой и выкупом угодий. Что касается привода новой партии я, откровенно говоря, хотел дожидаться окончания строительства Транссибирской железной дороги. Однако, если обстановка требует, придется ехать в Западную Сибирь.

Янковский не напрасно благодарил Корфа за хлопоты перед Петербургом. Ведь он все еще оставался политическим ссыльным без права возвращения на родину. Состоя под гласным надзором полиции, он подал прошение на имя Корфа, и между министром внутренних дел и генерал-губернатором Северо-Западного края началась официальная переписка.

В Государственном историческом архиве Литовской ССР в Вильнюсе хранится потемневшая от времени папка. Сто двадцать шесть страниц рукописного текста надежно сшиты и скреплены сургучной печатью. На пожелтевшей за сто с лишним лет обложке выведено черной тушью:

«Дело штаба войск Виленского военного округа, Судного отделения.

О дворянах: Евгении и Иосифе Лятосковичах, Эразме Ростковском, Владимире Рабее, Иване Кржистоловиче и Михаиле Янковском...

Начато 16 сентября 1863, окончено 19 июля 1890 года».

Аккуратно подшиты исписанные витиеватым почерком чиновников и писарей листы протоколов, допросов, собственноручные показания подсудимых, запросы, справки, постановления, переписка между царскими учреждениями и официальными лицами по поводу судьбы последнего — «мятежника» Михаила Янковского.

Наконец, 10 июля 1890 года появился в деле документ, поставивший окончательную точку.

«ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛЕНИЮ.

По всеподданнейшему докладу г. Министра Внутренних Дел обстоятельств дела о ссыльном по мятежу 1863 года Михаиле Янковском, установленном на основании Высочайшего Повеления 9 января 1874 года в прежних правах состояния, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР в 5 день июля 1890 года Всемилостивейше соизволил на дарование Янковскому помилования освобождением его от надзора полиции, с разрешением ему повсеместного жительства исключением губерний Царства Польского и Северо-Западного края».

Михаил Иванович был человеком слова и обещанное выполнял неукоснительно. К большому походу в Западную Сибирь он подготовился основательно. Осенью 1891 года, продав часть молодняка, собрал нужную сумму денег.

Оставив дела на жену, ее брата Семена Лукича и Платона, в ноябре, по первому санному пути, он с помощником — запасным унтер-офицером Афанасием Антиповым двинулся в путь на почтовых. Порою пробегали сотню и больше верст в день. Но долго был старинный путь от Владивостока до Томска...

Только в начале нового, 1892 года они начали подбирать и покупать подходящих для ремонта армии лошадей. И вот снова тот путь, по которому он шел с товарищами двадцать восемь лет назад!.. Мало что изменилось за эти годы в облике великого сибирского пути, его редких серых деревень и еще более редких невзрачных городов. Только сам он уже не тот юнец, а организатор крупного предприятия,

приносящего немалую пользу далекой окраине, и бредет не в неведомую даль пешком в колонне унылых арестантов, а во главе собственного отряда племенных лошадей.

Они спешили. Весна гналась по пятам и могла остановить надолго. Ведь даже кормить и ухаживать вдвоем за табуном в сорок две лошади непросто и недешево.

Как ни торопились, до Байкала добрались лишь в апреле.

Забайкалье миновали своим ходом, часто рысью, в общем — благополучно. По Шилке и верхнему Амуру, до Благовещенска, сорок два дня плыли на плотках. Это было повторением пути, сделанного с Дыбовским и Годлевским на лодке «Надежда» 19 лет назад.

На Усури путешествие по воде закончилось.

В августе, в самое жаркое время, выпало новое испытание — более двух недель пришлось брести по болотам вдоль реки Сунгачи и восточного берега озера Ханка. В результате весь табун поразил гангренозный мокрец. Кое-как дотянули до села Никольского, нынешнего Усурийска. Преодолев более пяти с половиной тысяч верст, всего в ста двадцати верстах от дома пришлось остановиться для лечения лошадей на целый месяц. И только в сентябре, через десять месяцев после отъезда, Михаил Иванович и Афанасий прибыли домой.

Пастухам конских табунов вменялось в обязанность охранять и оленей. Но в холодное время, когда лагуна и бухты покрывались льдом, трудно было оберегать оленей от врагов.

А врагов было немало — тигры, барсы, волки. И охотились они на оленей каждый по-своему. Тигр или барс хватали по одному — столько, сколько могли съесть за два-три приема и, как настоящие охотники, долго не задерживались на полуострове, часто меняли район своего промысла. Совсем иначе вели себя волки. Они, как злостные браконьеры, приносили большой урон стаду.

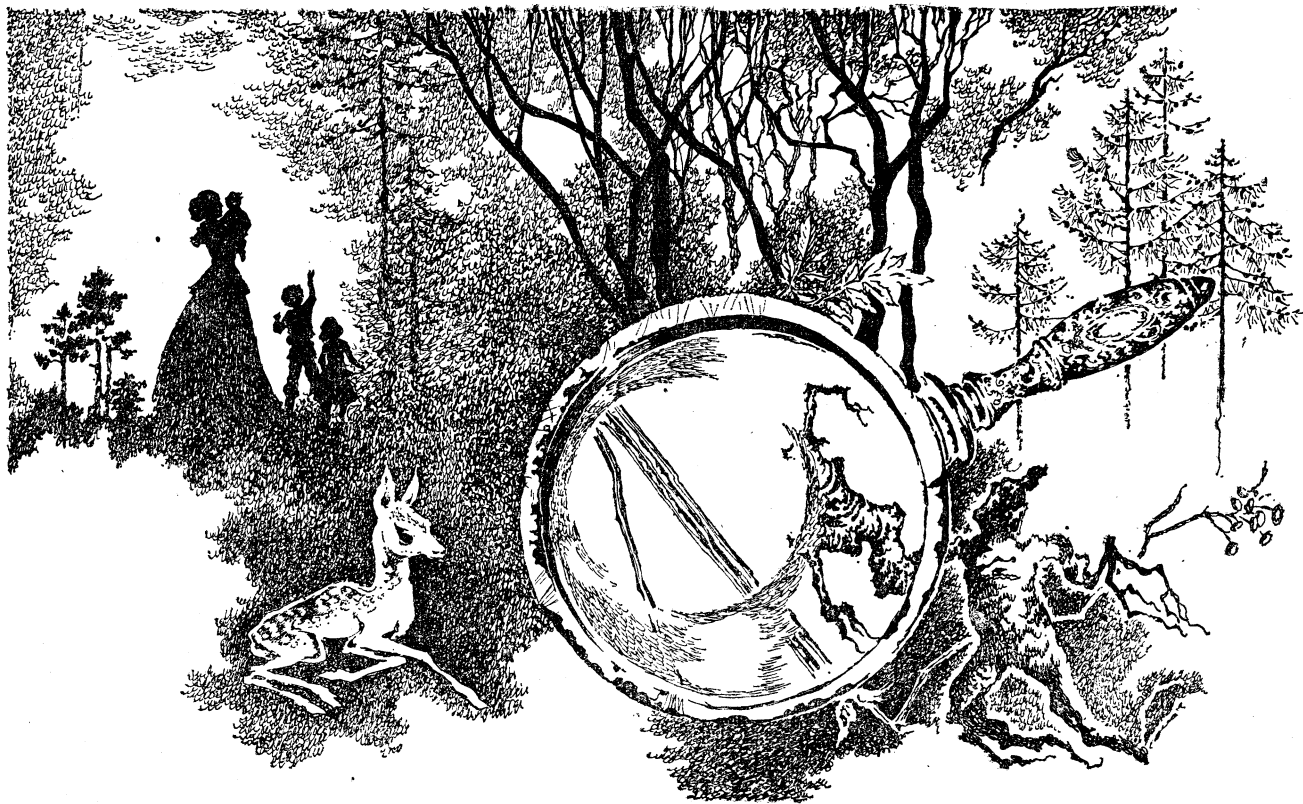
Повадки серых волков были изучены и борьба с ними шла довольно успешно.

Другое дело — красные волки.

Впервые их стая появилась ранней весной 1890 года. В тот год снега почти не было, и проследить за ними было чрезвычайно трудно. Они возникали внезапно, как из-под земли, и редкий день проходил без жертв.

«Красные волки — канис альпинус, воспеты в китайских легендах, — писал Янковский, — ведут крайне таинственный и малодоступный для наблюдения образ жизни». Они, шутя и как бы издеваясь, ускользали от охотников. А потом так же таинственно, как появлялись, — вдруг исчезали из округи.

Зимой 1892 года на полуостров вторглась

стая красных волков. Их было более 20 голов. И началось истребление пятнистых оленей.

В эти дни неотложные дела вдруг заставили Михаила Ивановича уехать во Владивосток. А наутро опять пришли в дом пастухи:

— Ольга Лукинична, красные волки только что задавили оленя!

— Юра, — обратилась мать к сыну, — отец предупреждал, что если они нападут днем, нужно немедленно отвезти на место какое-нибудь мясо и разложить отраву...

В кладовой как раз лежал недавно убитый дикий козел. Юрий бросил его в сани и покатил с пастухом к месту происшествия. Мальчик видел, как отец начинал стрихнином приманку на волков. Концом охотничьего ножа сделал несколько проколов на туше, палочкой достал из флакона белые кристаллики яда и всыпал их в отверстие. Готово. Только бы они вернулись ночью доедать голову. Учуют, увидят козла, накинутся на него... А вдруг еще раньше его обнаружат вороны? Юра вытащил из саней рогожку и накрыл ею приманку.

Дома он подробно рассказал обо всем матери. Ольга Лукинична ахнула:

— Зачем укрыл? Это же волки, самые чувствительные звери. А ты оставил запахи человека. Теперь они могут и не тронуть приваду.

Чуть свет с братом Александром они поехали в лес. «Приходили или нет? Или были, но не тронули из-за этой дурацкой рогожки? Действительно, какие могли быть вороны ночью. Эх, теперь засмеют меня», — думал Юра.

Козла на месте не было, рогожку в стороне трепал ветер. Шерсти и крови вокруг стало еще больше. Было ясно, что вся стая пировала до тех пор, пока не осталось ни куска мяса. Заметны следы драки, растасканы все кости.

«Но все ушли? Наверное, что-то сделал не так, вероятно, слишком много, на глаз, насыпал стрихнина?»

Юра остановил лошадь, в растерянности оглянулся по сторонам. В нескольких шагах лежал большой рыжий ком — красный волк. Похожий на крупную лайку, палево-рыжий, с короткой мордой и пушистым мехом. Он лежал на боку, припорошенный снегом.

— Раз тут остался один, стало быть, могли отравиться и еще. Пошли по следу!

Волки шли странно. Не дружной рысью, как обычно, а враздробь. Некоторые петляли, едва волокла ноги, ложились и катались, но вставали и шли дальше. Через сто шагов они снова увидели чуть припорошенный снегом рыжий холмик. Еще один. Потом третий, четвертый...

Мальчики шли по следам несколько верст и погрузили в сани восемь волков! Остатки стаи перешли по льду Лебяжьей лагуны, держа направление в дальние горы.

Уже в сумерках братья вернулись в усадьбу.

Альпинусы надолго оставили Сидеми в покое. Олени были спасены. Редкие шкуры и черепа красных волков были отправлены в Российскую Академию наук, пожертвованы музеям.

Весной 1894 года Янковский получил письмо от президента Русского Географического общества с просьбой собрать в районах Северной Кореи редкие виды ночных бабочек. Старшие сыновья уже имели опыт энтомологических работ, и отец решил послать их выполнять это задание.

В июне Александр и Юрий отправились из Владивостока пароходом в порт Вонсан. Наняв там двухколесную арбу, они выехали в горы и разбили палатку неподалеку от буддийского монастыря.

Ловля бабочек проходила весьма успешно. Но юноши не раз видели на песке среди камней следы тигров. И вот однажды их пес Барсик забеспокоился, начал лаять и, надыбив шерсть и дрожа, кинулся мальчишкам под ноги. Они, заставив собаку замолчать, ясно услышали треск сухих веток — зверь подбирался к ним. Что делать?! На двоих одна берданка, во круг — кромешная тьма. Сразу же пришло правильное решение — отступить. Зажгли факелы. Александр нес огонь, Юрий — берданку. Барсик жался к ногам, не отходя ни на шаг. Так добрались до палатки.

Утром зашел монах и пригласил братьев к себе. Его фанза стояла неподалеку внутри большого двора, обнесенного высокой каменной стеной. Монах молча указал на плантацию красного перца у самых дверей фанзы. Вся грядка была вытоптана. Ясно, что хищник долго бродил, а потом лежал здесь, поджидая жертву. Монах рассказал, что не спал ни минуты, пока тигр не убрался восвояси тем же путем, каким и пожаловал, — одним прыжком перескочил каменную ограду и ушел в горы.

Программа экспедиции в основном была выполнена, и молодые люди свернули палатку, упаковали бабочек, выбрались в Вонсан, а от туда — домой.

Михаил Иванович остался доволен работой сыновей, а президент вскоре прислал благодарность за редкую коллекцию, которой пополнился музей.

Наступил ясный, как всегда в Приморье, бодрящий ноябрь 1895 года. Отец отлучился на несколько дней, а Шура и Юрий отпросились у матери съездить за фазанами. На Сидеми их было немного, зато в двадцати верстах, около корейской деревушки Адими, их собиралось столько, что хороший стрелок с собакой за день мог взять два-три десятка. И, действительно, за три дня охоты братья набили и на-

морозили три мешка птицы. Но вдруг повалил снег, пришлось возвращаться.

На полуострове дорогу им пересек крупный след, уже запорошенный снегом. Заспорили: тигр или медведь? Спор разрешился, когда приехали домой — ночью тигр задавил жеребенка.

— Папа не вернется еще три дня, а ждать нельзя, — сказала Ольга Лукинична. — Много лошадей в поле, и тигр завтра же снова натворит бед. Седлайте коней и гоните по следу. С Платоном, я думаю, вам будет не так опасно.

Александр оседлал спокойного мерина Скакунчика, Юрий — резвого чистокровного арабского Саиба, Платон сел на горячего киргизского жеребца Соколика.

Они спугнули хищника недалеко от усадьбы. Тигр начал кружить, прячась в дубняках, схожих с ним по окраске. Охотники преследовали хищника то все вместе, то рассыпаясь и маневрируя, в надежде перехитрить зверя.

Дошли до устья Табунной пади. Берега этой извилистой речушки густо поросли ивой и ольхой. Впереди, в полуверсте, высились два холма. У братьев быстро созрел довольно примитивный план охоты: вдвоем скакать вперед и занять обе высотки, а третьему гнать зверя дальше по льду речки. Уходя от преследователя, он должен появиться между холмов и попасть под перекрестный огонь.

Платон стрелял неважно, поэтому он остался около следа, а братья объехали прибрежные заросли и, убедившись, что зверь не вышел из окружения, заняли позиции. Они и не подумали о том, что зверь наблюдал за их маневрами, прячась в прибрежных кустах.

Прошло несколько минут томительного ожидания, как вдруг Юрий услышал треск веток. В русле речки мелькнуло что-то рыжее. Юноша поднял берданку. Но это же лошади! Это же Соколик! Конь несся с седлом под животом, седока не было...

«Платон попал под тигра, он погиб!? Они с Шуркой поступили, как дети, будто имели дело не с тигром, а с зайцем. Несчастный Платон! Что скажет отец? Человек погиб из-за их глупости!..»

Он вскочил на Саиба и полетел туда, где разыгралась драма. По льду реки Саиб вынес его на излучину, и он вдруг увидел дядьку. Платон был жив!

Бледный, как снег, на котором он стоял, Федоров отряхивался и продувал винчестер.

— Платон, ты жив?

— Спас меня Соколик, — артиллерист говорил чужим, осевшим голосом. — Проехал я, понимаешь, по следу шагов четыреста и только миновал излучину, а он из-за куста как взревет. И летит на меня, что молния. Я и подумать ничего не успел, а Соколик крутанулся на мес-

те, да как даст ему задней ногой в лоб. Тот аж клубком покатился. Подпруга от езды, видать, ослабла, седло свернулось, и я трах в снег. Ну, думаю, конец! Ан, смотрю — тигр-то вскочил да и в сторону. Стало быть, мозги помутились, спужался.

На месте недавней кутерьмы они нашли порядочный клоч тигровой шерсти с кожей, срезанной острым шипом задней подковы. Кто знает, если бы удар пришелся не скользко...

Подъехал и Александр. Братья виновато переглянулись. Оба понимали, что поступили легкомысленно, но были счастливы, что все так в общем безобидно обошлось. Пострадал только герой дня, Соколик. Тигр успел сильно поцарапать задние ноги коня.

Ольга Лукинична велела на завтра взять с собой еще одного помощника — отставного солдата Турунтаева. Ему выделили берданку и рысистого жеребца Золотого. У Соколика сильно опухли ноги, и Платон заменил его крупным, но довольно ленивым жеребцом Звездачем.

Шли цепочкой: впереди — Платон, за ним — Юрий, третьим ехал Александр, замыкал шествие Турунтаев. Ехали молча. Было два часа дня.

Внезапно справа затрещали кусты орешника, и всех потряс мощный рык, от которого, казалось, посыпались осенние листья, и гигантская кошка рыжей молнией метнулась на переднего коня. Словно загипнотизированные, лошади встали. Юрий вмиг спрыгнул с Саиба, а Платон высоко занес правую руку с нагайкой, чтобы хлестнуть, заставить отскочить своего коня. Юрий видел эту поднятую руку и на всю жизнь запомнил момент, когда тигр, поднявшись на задние лапы, оперся передними на круп Звездача, дотянулся до этой руки зубами и в один миг стащил Платона на снег.

В первые мгновения Юрий не решался стрелять, ведь пуля могла угодить в Платона. Но в следующую секунду хищник обособился — начал пятиться, волоча свою добычу к кромке оврага. С трех шагов юноша выстрелил в полосатый бок!

Тигр бросил человека, обернулся, глянув в упор на стрелка, и ринулся в овраг. Юрий успел перезарядить берданку, пока тигр не появился на противоположном склоне. Александр стоял уже рядом. Их выстрелы слились в один, и хищник скатился на дно оврага.

Платон поднялся на ноги и закричал:

— Стреляйте, стреляйте его, ребяташки!

А где же лошади? Где Турунтаев? Три оседланных коня, задрав хвосты, мчались в одну сторону, Турунтаев на своем жеребце — в другую! С трудом, дружным криком удалось заставить его вернуться. Крайне смущенный, он пытался уверить, что его отсыревшие за день ичиги примерзли к стремянам, а конь понес.

Однако, скорее всего, этот человек просто не был рожден для встречи с тигром.

Вид Платона являл собой ужасную картину. Сукожная поддевка была изодрана в клочья. Вата лезла изо всех дыр, висела на кустах орешника. Над левой бровью, на затылке зияли большие рваные раны. Из правой руки струилась кровь. Но держался он, как всегда, молодцом и уверял, что, еще лежа под тигром, кричал: «Спасайтесь!»

Перевязали раны, Платона усадили на лошадь Турунтаева и отправились домой.

Убитой оказалась тигрица. По наблюдениям старых охотников, давно установлено, что они чаще самцов нападают на людей.

Надев очки, Михаил Иванович сидел за письменным столом, на котором разложены большие, в черном переплете, конторские книги. Сбоку — счеты, в руке — перо. Коннозаводчик закрывал 1896 год. Он был хозяин и управляющий, научный руководитель и фельдшер, писарь и бухгалтер — один за всех.

Поставив цель создать свой идеал лошади и оставить ее потомкам, он никогда не рассматривал дело, как предмет обогащения. И все-таки было обидно, что, несмотря на огромный труд всей семьи и жестокую экономию, хозяйство столько лет оставалось убыточным. И вот, подбивая итоги за 1896 год, он с удовлетворением обнаружил, что ферма принесла, хотя и очень скромный, но все же первый в ее истории доход.

Успех пришел еще и потому, что работой были заняты все члены семьи, начиная с младшего, ему было всего шесть лет. Дети Янковских вели наблюдение на метеорологической станции, ухаживали за садом, огородом, земельческой фермой, пасли табун в 80 голов племенного рогатого скота, собирали энтомологические коллекции.

Стадо оленей росло быстро. Их насчитывалось уже около полутора ста голов. Они так привыкли к людям, что в случае опасности бежали не в горы, а искали спасения в усадьбе.

Как-то весной Михаил Иванович выследил в распадке стельную олениху и поймал только что родившегося олененка.

Разумеется, тот пытался вырваться, брыкался, но довольно скоро стих, уткнувшись в плечо влажным носом. И только долго шумно стучало разволновавшееся сердечко.

Михаил Иванович внес свою находку на кухню:

— А ну, Оля, дай-ка нам молочка.

Он опустил пестрючку на пол. Тот дробно застучал копытцами и заскользил на крашеных половицах. Заторопился, но непомерно длинные

слабые ножки разъехались, и он повалился на бок. Сбежавшиеся девочки засмеялись.

— Тихо, не пугать. Следующий раз пойдем искать все вместе. Будем ловить и учиться приручать их.

Мальша назвали Красавцем. В эту первую весну отловили более десятка оленят. Так было положено начало новому способу ловли и приручению пятнистых оленей. Для них около дома выстроили просторную загородку, а в ней теплый угол и навес от дождя и снега. Кормили их с рук. Самых ласковых приводили домой, пускали гулять по двору.

Теперь бок о бок росло два стада. Первые, хотя и привыкали к людям издали, жили совершенно вольно. Хотели — уходили, хотели — возвращались. Вторые постепенно становились почти домашними животными.

Через три-четыре года появились уже свои, доморожденные пантаци, родились еще более ручные во втором поколении оленята. Теперь, когда в ограду въезжала телега, олени обступали ее плотным кольцом. Сидящий на возу еле успевал разгружать корм — траву, сено, дубовые ветки.

Оба стада быстро росли.

Тем временем спрос, а с ним и цена на панты тоже росли. Охота на пятнистых оленей повсеместно становилась все более доходным промыслом.

О необыкновенных свойствах наполненных кровью рогах пятнистого оленя — пантах — сложено немало легенд. Панты — чудодейственны, целебны. Человек, принявший панты, молодеет на глазах — лицо становится розовым, морщины разглаживаются, глаза вновь обретают блеск. Быстро встает на ноги потерявший кровь воин, необыкновенно быстро поправляется изнуренный долгим недугом больной. Не было на востоке средств, которые бы по силе действия могли сравниться с женьшенем и пантами! А владыки востока всегда были богаты и могли щедро платить за то, в чем остро нуждались. Вот и панты стоили на вес золота.

В двухэтажных кирпичных лавках-аптеках на Пекинской улице Владивостока сидели в халатах, крытых шелком, купцы. В этих плохо освещенных прокуренных комнатах толпились обросшие, в рванье, в самодельной обуви бродяги. Здесь на высоких прилавках из рук в руки переходили небольшие, но толстые, в три отростка, нежные, покрытые пушком панты. Но вот торг подходил к концу, и со звоном отсчитывались маленькие царские золотые рубли или большие с изображением Юань Ши-кая серебряные даяны. Много, очень много для бедного охотника, столько, что он мог сразу приобрести лошадь, корову, домик с огородом.

Конечно, фартило не всем. Трудна зимняя промысловая охота. Морозы, глубокий снег,

крутые горы, каменные осыпи, колодник и заросли густых колючих кустарников, коварные наледи... Но пантовка заражала энергичных, умеющих держать в руках оружие людей. Кто из них не мечтал в одно мгновение, одним метким выстрелом заработать такие деньги?!

И кто в разгар этой «золотой лихорадки» стал бы всерьез задумываться над тем, что всякие дары тайги имеют свой предел?

Янковский был первым жителем Приморского края, практически осуществившим охрану и разведение пятнистого оленя. Сначала он уберег их от уничтожения на острове Аскольд, а затем — на полуострове Сидеми, впоследствии заслуженно названном его именем.

Теперь все чаще в аптеке толстого чифусского купца Тун Чуй-куна стали появляться посланцы с Сидеми с пантами.

Китайскому, как и всякому купцу, палец в рот не клади — он всегда старается обмануть клиента и заполучить товар подешевле. Но у купцов были и добрые традиции: постоянному клиенту они помогали, давали советы.

Один из самых влиятельных представителей торговых фирм далекого города Чифу Тун Чуй-кун, опытным глазом осматривая панты, привезенные с Сидеми, спросил:

— Эта оленя сопка стреляй нету. Васа дома оленя еси?

— А ты как это определил?

— Моя кругом понимаю. Олени сопка живи, туда-сюда лесу бегай, панты мала-мало поцарапай. Васа панты шибко чистый. Как киржак Поносов, одинако. Его тоже оленя загородка держи.

Михаил Иванович уже слышал эту фамилию. Энергичный и предприимчивый старообрядец Семен Яковлевич Поносов прибыл в край в 1888 году. Устроив свою заимку на речке Сица северо-восточнее Владивостока, он вначале девятилетних годов тоже начал разводить оленей. И Поносов попросту вытаскивал из лудев — ям-ловушек — оленей, привозил домой и помещал в загородку. Родившиеся от них олени уже становились наполовину ручными. Поносов справедливо считается одним из пионеров оленеводства в Приморье.

— Поносов олени одинако мало. Васа Сидеми, я слышал, уже много еси...

— Верно, у нас уже порядочно оленей в загоне, а в лесу еще больше. Добывать больше можно, но панты, сам знаешь, в жаркую погоду через день-два пропадут.

— Один лето васа заимка сколько панты собирай моги? Пили, стреляй — кругом говори.

— За лето можно срезать порядочно, а что?

— Если олени много, панты много, наса нужно хорошо подумай. Можно наса мастера посылай. Его лето васа заимка сиди, панты, какой оси, кругом забирай. Там живи, там вари,

там суши. Так согласна? Только тогда васа ни один панты другой купеза продавай не моги. Цена наса хорошо давай. Согласна — не согласна? Васа надо подумай?

В ближайшие годы на Сидеми, неподалеку от дома и оленника, была построена пантоварка. Мастера Тун Чуй-куна в прямом смысле слова работали в поте лица. На втором этаже пантоварки была оборудована сушилка. Там, на сквозняке, в тени, рядами висели наполовину обработанные панты. Окончательно законсервированный товар отправлялся на Пекинскую.

Опыты Янковского и Поносова находили все больше подражателей. Катастрофически убывая в тайге, пятнистый олень не исчезал с приморской земли. Напротив, он стал расширять свой ареал не только по Дальнему Востоку, но и в других местах. Полуостров Янковского явился рассадником спасенного реликтового животного. Он стал расселяться по зоопаркам и заповедникам России и Европы.

Эмблемой сидеминского хозяйства стала голова оленя с рогами, заключенная в рамке конской подковы.

Стояли ясные дни сентября, в первые осенние тона окрасились клены. По лесной тропе двигался небольшой отряд. Это Нэнуни и Син Солле с дружинниками возвращались из похода по проверке приграничных гор и лесов. Вылавливали контрабандистов, могущих служить наводчиками хунхузов, обезоруживали браконьеров.

До деревни Верхнее Сидеми оставалось сделать последний переход, когда шедшие впереди разведчики задержали троих. Одеты они были в истрепанные куртки и короткие штаны с кожаными наколенниками. На ногах — потасканные мокасины, улы. У каждого за спиной висела шкурка барсука, предохраняющая от холода или сырости, если человек присядет отдохнуть на камень или валежину. На голове — выцветшие платки, повязанные в виде тюрбана. В корявых коричневых руках — длинные легкие палки, за спиной — выдавший виды таежный мешок — пейтуза.

Михаил Иванович остановил отряд, велел разложить костер и предложил задержанным сесть. Старший группы, пожилой поджарый мужчина с редкими усами «дождичком» и такой же бородкой, держался с достоинством. Ломано, но довольно свободно объяснялся по-русски. Он уже знал, с кем имеет дело и на приветствие ответил:

— Здравствуй, здравствуй, Нэнуни! Давно слушал: Нэнуни, Нэнуни, только еще посмотри нету. Моя еси Ли Маза. Наша хунхуза помогай нету.

— А что вы в лесу делаете?

— Наша люди — тазы. Зимой маленько зери лови, летом корни копай. Тебе надо женьшень посмотри?

Он снял из-за спины котомку, вынул коробок — согнутый из кедровой коры и перевязанный лыком.

— Капитана, тебе надо хорошо смотри, какой его есть маленьки люди...

Таза, не торопясь, размотал лыковую обвязку, развел в стороны концы куска коры. Дно коробка было устлано мхом, а на нем пересыпанные землей лежали желтоватые корешки. Некоторые, действительно, напоминали фигуру человека: головка, шейка, туловище.

— Это само перво лекарство. Сердце боли, голова боли, брюхо боли — его куши, никакой боли нету. Старика его куши — как молодой. Богата китайца его шибко любя. Когда обмани нету, хороша денги давай еси.

— А вы сейчас куда думаете идти?

— Теперь сентябри, уже копай кончай. Наша думай теперь Владивостока ходи, эта корни продавай. На Пекинска улица аптека Тун Чуйкун.

Михаил Иванович внимательно рассматривал корешки.

— Ли Маза, сколько лет растет женьшень?

— Во, смотри, его брюхо кольцо еси. Сколько кольцо — столько года, — он указал на едва заметные полоски, опоясывающие тело корня.

Вечером у костра Ли Маза рассказал много интересного о женьшене. Женьшень любит тень, легкую, обязательно хорошо дренированную почву, любит соседство кедров и ели, но встречается и в чистых дубравах, растет на склонах гор, не признает сырости, семя корня, не прорастая, лежит в земле около двух лет. Встречается женьшень поодиночке, а порою целыми семьями, тогда легко отличить прародителя, его детей, внуков и правнуков. Если на корень наступит зверь или упадет дерево, он «обижается» и «засыпает» и, бывает, спит десятки лет. Но когда придавивший его ствол дерева сгниет и обратится в труху, женьшень вновь потянется к небу.

— Скажи, Ли Маза, а можно его пересаживать, переносить? Можно посадить около дома?

— Можно, можно. Если земля хорошо, место хорошо, его еще лучше расти. Только хорошо спрячи надо, куда плохой люди глаза посмотри нету.

В этот вечер у костра и родился план создать питомник редчайшего растения. Утром Михаил Иванович попросил нового знакомого отвести его к месту, где были выкопаны последние корни.

Ли Маза вел уверенно, не сбиваясь и не оглядываясь, как по тропе, хотя не было даже намека на тропинку. Таза остановился и указал палкой вперед. На кедре мерцала в аршин дли-

ной и в ладонь шириной свежееобнаженная полоса. Это — заметная издали традиционная мегка искателей корня жизни.

— Когда наша люди большой женьшень копай, сама близко кедров или елка кора снимай. Какой-какой люди ходи, сразу понимай.

В нескольких шагах от отметины он остановился и указал на свежеразрытую землю. Здесь были выкопаны лучшие экземпляры семьи. Среди кустов и зарослей аралии корневище показал на несколько маленьких побегов с одним и двумя листочками. Они были оставлены им на рост — дети в возрасте двух-трех лет.

— Это совсем молодой корня. Тебе можно его забирай домой посади.

Он разворошил притоптанную вокруг вырытых корней землю, нашел несколько им же посеянных твердых красно-бурых ягодок семян и протянул.

— Наша закон такой: стара корня копай — непременно новый посади надо. Моя сынка, твоя сынка, другой люди двадцать, тридцать года после пришел — снова хороши панцуй нашел могу.

Узнав, что эти ягодки и крохотные корешки ни во что не ценятся купцами, Янковский предложил тазу добыть для его питомника посадочный материал, обещав, разумеется, уплатить.

В первую же осень Ли Маза принес полный спичечный коробок твердых, ставших уже коричневыми семян и несколько сот двух-, трехлетних корешков. Сейчас оченьгодились агрономические познания бывшего отличника земельного института. Он детально исследовал почву, гумусный слой, освещение, водосток и сделал выбор, правильность которого подтвердили последующие десятилетия.

На северном склоне крутой сопки, прямо напротив хутора, в лесу была прорублена широкая полоса. Она позволяла прямо с веранды или из окна столовой следить за появлением всякого зверя. Благодаря ей вся гора получила название Пресека. На северном ее склоне и был заложен первый в России питомник дикорастущего женьшеня.

Под пологом молодого смешанного леса, между дубами, липами, ясенем и кленами вскопали длинные гряды. Большую часть засеяли семенами, на других высадили молодые корешки. Удобрениями не пользовались, только пропалывали и рыхлили междурядья.

Через два года появились очень дружные всходы, а еще через несколько лет пересаженные малыши выкинули по три-четыре веточки, стрелку с головкой и — зацвели. Появились первые семена. Питомник начал перерастать в плантацию. Его оградил проволокой сеткой, поставили в углу сторожку.

Аптекари, взяв несколько растений на пробу, установили, что они ничем не отличаются от таежных.

Старшие дети Янковских — Александр, Елизавета и Юрий — не смогли закончить гимназии. Слабенький от рождения Сергей умер рано — в восемь лет. Похоронили его на холме в лесу, в полуверсте от дома. Холм решили украсить хвойными деревьями, а поскольку на полуострове они не росли, снарядили лодку в Кедровую падь. За двадцать верст морем доставили молодые сосны и кедры, окружив вечнозелеными деревьями этот первый погост. Анна, Ян и Павел росли в более легкие времена. Им дали возможность получить образование в англо-французском конвете и колледже в Японии.

Отделился Платон Федоров. В нескольких верстах от полуострова, на противоположном берегу реки Сидеми, он построил дом. Михаил Иванович помог ему обзавестись хозяйством. Однако долго хозяйничать отставному артиллеристу не пришлось.

На третий год, в конце лета, пошли проливные дожди. Речка Сидеми вышла из берегов. Переправляться верхом было рискованно, но Платону зачем-то срочно потребовалось побывать у Янковских. Высокая быстрая вода не остановила лихого наездника. Он хлестнул коня и въехал в мутную реку. И то ли провалился в яму, то ли его сшибла плывущая коряга, только во двор усадьбы Янковских лошадь пришла без седока...

Нашли старого друга на песке в устье разлившейся реки. Он был мертв. Очевидно, то давнее нападение тигрицы оказалось роковым — с одной здоровой рукой Платон не смог выплыть...

Первой покинула отчий дом Лиза. Она вышла замуж за обрусевшего американца Василия Васильевича Пауэрса. Они осели своим хозяйством на мысу Турек, на противоположном берегу моря, напротив бухты Гека.

Вторым отделился Александр. Сначала отец отправил его в экспедицию Л. В. Комарова в Корею. После возвращения он опубликовал научную статью. Александр мог стать ученым, но его неуравновешенную натуру влекла Америка — Панамский канал, Клондайк... Он заявил, что едет искать счастья за океан, и вскоре уехал.

Младшие еще учились. Первым помощником в деле стал Юрий.

Прошел год. От Александра пришло уже несколько писем. Он описывал свои впечатления о путешествии, о поразительных достижениях Нового Света, о том, что из Сан-Франциско перебрался в тропики — на строительство Панамского канала.

Через полгода он написал о подробностях своего путешествия на Клондайк.

Читая эти письма, Михаил Иванович только покачивал головой:

— Не верю, чтобы Шурка добился большого успеха. Слишком неуравновешенный у него характер и слабоволен он.

Юрия не влекло золото. Но ему тоже хотелось путешествовать, посмотреть своими глазами мир, а главное, — ему хотелось учиться. И не чему-нибудь, а близкому его душе коннозаводству, животноводству — сельскому хозяйству в целом. А где можно все это увидеть и по-настоящему поучиться, как не в Америке? В Америке прерии, ковбои...

И вот, набравшись духу, он попросил родителей отпустить его на два-три года. Ольга Лукинична сказала:

— Как папа.

Отец был против:

— Успеешь еще. Пока ты нужнее дома.

Юрий однако решил настоять на своем. Ольга Лукинична и сестра Нюта, только вернувшаяся из Японии, разделяли планы Юрия и обещали ему свою поддержку. На семейном совете отец, наконец, сдался.

— Ну, что ж, попробуй, — сказал он. — Поезжай, учись. Но работай и учись. Денег я смогу дать тебе только на дорогу. Да и невелика заслуга — учиться на отцовские деньги. Попробуй сам заработать на учебе.

Закончив в Америке сельскохозяйственный колледж, Юрий уже со знанием дела мог вести большое хозяйство. Он видел, что отцу уже очень трудно управляться: каторга, тяжелые путешествия, походы, мытарства, через которые пришлось ему пройти, подорвали могучее здоровье Михаила Ивановича.

Заканчивал мореходное училище Ян. Стройный, отличный гимнаст, он, как отец и братья, увлекался охотой. Павлик все еще учился в Японии, приезжая лишь на летние каникулы.

Теперь, когда вернулся Юрий, наконец и Анна — Нюта, как звали ее в семье, получила свой долгожданный отпуск и отправилась посмотреть Москву и Петроград. Кто мог думать, что через три года домой вернется сбежавшая из политической тюрьмы революционерка?! И Юрию придется выручать сестру — прятать, а потом тайно отправлять ее в Японию...

Михаил Иванович тоже собирался поехать отдохнуть на Запад, побывать у старых друзей. Но вдруг тяжелейшее воспаление легких надолго уложило его в постель. И Юрий стал хозяином большого дома.

Когда Михаил Иванович поправился, он одобрил все действия сына:

— Вот теперь я спокоен, сын. Мое дело — в надежных руках.

Врачи настоятельно рекомендовали ему

уехать на юг России, и Михаил Иванович уехал в Сочи. Купил домик и на Дальний Восток приезжал только в осенние месяцы.

Дорога от дома к морю стала широкой и гладкой. По обе ее стороны в два ряда стояли стройные, как пальмы, деревья маньчжурского ореха, в конце лета усыпанные крупными плодами в нежной зеленой кожуре. По обочине дороги до самого дома проложен тротуар из каменных плит, а в бухте Гека сооружены каменный мол и пристань для катеров.

В 1908 году Юрий Михайлович с помощью братьев осуществил еще один крупный план отца — создал заповедник. От моря до моря встала высокая ограда из проволочной сетки. С этого дня олени стали уже не дикарями, а постоянными жителями сидеминского парка. В первую же зиму на полуострове оказалось семьсот голов, а в ближайшее десятилетие численность стада перевалила за две тысячи.

Семья Янковских тоже увеличилась: сначала Юрий, а потом Ян женились на Маргарите и Ангелине, дочерях Михаила Григорьевича Шелелева, первого организатора дальневосточного пароходства и известного Китаевода. Старый дом Михаила Ивановича расширили, в нем остался Юрий с матерью и молодой женой, а Ян с Ангелиной поселились на противоположном конце полуострова, в Длинной пади, неподалеку от Лебязьей лагуны.

Дело Михаила Ивановича продолжало развиваться. Расширялась плантация женьшеня. Оленеводство начало приносить немалую прибыль. Братья сконструировали специальный станок, в котором уже без особых хлопот спливали панты домашних рогачей. Лошади с тавром «Я» стали известны далеко за пределами Уссурийского края. Они пополняли армию, крестьянские хозяйства, с успехом выступали на бегах и скачках. Словом, как когда-то шутил Михаил Иванович, — «возили воду и воеводу».

В 1912 году Михаил Иванович навестил Сидеми в последний раз. Он много ездил и ходил по полуострову, подолгу сидел в саду, который теперь плодоносил — груш и абрикосов было полно. Все здесь радовало глаз, все было дорогим и близким. Здесь была его вторая родина, здесь его дом, здесь родились его дети и уже подрастало третье поколение — его внуки. У Юрия уже были две дочери и полторагодовалый сынишка — ныне автор этой повести.

Перед отъездом Янковский-старший собрал близких.

— Я подробно осмотрел все и доволен тобой, Юрий, Олей, всеми вами. Вы славно потрудились, и я сейчас спокоен за дело. А теперь попрошу вас, Дэзи, — обратился он к невестке, Маргарите Михайловне, — принести моего внука. Хочу сделать ему подарок...

И когда внук оказался у него на руках,

поднес его к стене, на которой висело ружье — зауэровская трехстволка, заказанная в Германии по его собственному чертежу.

— На, потрогай. Это тебе мой подарок. Расти настоящим охотником, продолжай династию. И учись целиться хорошенько!

Вскоре дед уехал. А 10 октября 1912 года Михаила Ивановича Янковского не стало. Похоронен он на старом сочинском кладбище.

Кавалерийский винчестер, с которым дед не расставался, привезли на Сидеми. Он долго висел рядом с зауэровской трехстволкой...

В конце прошлого столетия на карте Уссурийской округи Приморской области полуостров Сидеми был обозначен как «хутор Янковского». Позднее, но еще при жизни Михаила Ивановича, уже на всех морских картах появилось официальное географическое название — «полуостров Янковского». И уже посмертно, в 1913 году, собрание общества изучения Амурского края во Владивостоке вынесло постановление: «Увековечить память Михаила Ивановича Янковского, назвав его именем орнитологический зал краеведческого музея, украсив зал его портретом».

Многие ученые и писатели воздали должное полезной деятельности Михаила Ивановича Янковского — вице-президент Русского географического общества П. П. Семенов-Тяньшанский в монументальной работе «Полувековая деятельность ИРГО», В. К. Арсеньев во вступительной статье к книге «Сквозь тайгу». Целые главы посвятил Янковскому доктор биологии Бенедикт Дыбовский в «Воспоминаниях о Сибири и Камчатке».

В 1930 году вышла книга Г. А. Менарда «Пантовое хозяйство». В главе «История развития пятнистого оленеводства» автор справедливо отводит М. И. Янковскому главную роль. В труде И. В. Грушвицкого «Женьшень» сказано: «Первым достаточно широким опытом выращивания женьшеня в культуре было создание предпринимателем-оленеводом Янковским плантаций на полуострове Сидеми». А в брошюре «Биология дикорастущего женьшеня» К. К. Высоцкий свидетельствует, что в начале двадцатых годов сидеминская плантация насчитывала шестьдесят тысяч корней.

Академик А. П. Окладников назвал археологические раскопки М. И. Янковского «самыми ценными для того времени». Начиная с конца прошлого века губернаторы, отцы города, гражданские и военные власти ввели моду «угощать» достопримечательностями Сидеми высокопоставленных гостей. Помимо «своих» высоких особ, в разное время в сопровождении пышной свиты перебивали на Сидеми, в доме Янковских, наследные принцы и принцессы ряда

европейских государств, Японии и даже Сиам. Привозили их на роскошных яхтах, эсминцах, крейсерах.

Однако бывали и очень приятные и в самом деле дорогие гости. Другом семьи Янковских стал молодой ученый, которому Михаил Иванович оказал большое содействие во время путешествия в Корею, позднее — президент АН СССР В. Л. Комаров. Довольно часто бывал на полуострове знаменитый исследователь края и писатель В. К. Арсеньев. Подолгу гостил поэт Бальмонт.

Всех привечал просторный белый дом.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Несколько лет назад я побывал там, где прошли первые одиннадцать лет моего детства.

Издали все казалось таким же, как сорок лет назад, — то же море, те же горы, тот же лес. Старая усадьба вольного шкипера Гека совсем затерялась между белыми домиками рыболовецкого колхоза. А левее раскинулся большой пионерский лагерь. Но и старые дачи живы.

Поднявшись на перевал, я вспомнил, что где-то тут должен жить старик Ленский, бывший егерь хозяйства дяди Яна. Обратился к первому встречному и с радостью услышал, что да, он действительно живет неподалеку от перевала.

— Вон его дом!

Я подошел к калитке сада, за которым прятались в зеленом домике. Сухощавый седой старик вышел из сада.

— Вы ко мне?

— Вы — Александр Александрович?

— Да, проходите. По какому делу?

— Я сын Юрия Михайловича...

— Янковского?!!

— Да, вы, вероятно, знали отца?

— Нет, вашего батюшку мне встречать не довелось, но я слышал о нем немало. Много лет я проработал на Гамове, в бухте Витязь, в бывшем хозяйстве вашего дяди, Яна Михайловича. Тетку вашу, Ангелину Михайловну, знал, конечно, хорошо.

И вот я пью чай в гостеприимном доме супругов Ленских, смотрю альбомы, слушаю и рассказываю. Александр Александрович последние два десятка лет проработал здесь, в оленесовхозе «Сидеми» главным зоотехником. Сейчас уже пенсионер.

— Вы, наверное, очень хотите взглянуть на хозяйство? Пойдемте, я вас провожу и покажу все новое.

— Вот сад вашего дедушки. Только он совсем одичал. Видимо, нашли, что уже нет смысла с ним возиться. Хотя недавно еще плодоносил, и один любитель снимал какие-то удиви-

тельные грибы: одна половинка красная, другая зеленая, и аромата необыкновенного!

Я поднимаю голову: какие стоят деревья, им, наверное, скоро по сотне лет, и они, действительно, опять одичали! Но четко держат заданный когда-то строй...

— Александр Александрович, а плантация женьшеня? Она же здесь совсем неподалеку.

— Зайти-то можно, да плантации уже давно нет. Кто, когда и как ее расхитил — остается тайной. Я здесь уже двадцать лет, но и тогда этой плантации уже не существовало. Хотя слышал, что была богатейшая и единственная во всем Приморье, да и вообще в стране. Говорят, ее разграбили после гражданской войны. Теперь организовали новый специализированный совхоз «Женьшень» где-то около Анучино, а тут ничего не осталось...

Мы вышли из леса. У подножия сопки Просека открылась вся усадьба. Много новых, совсем незнакомых строений. Два больших, серого кирпича, современных здания, школа, много белых домиков рабочих совхоза. У подножия Просеки длинные низкие постройки — вольеры, в них — норки. Звероферма появилась на полуострове недавно.

Дом-крепость, к сожалению, не сохранился, только каменный фундамент остался от него.

— А вот и директор совхоза идет к нам, — говорит Ленский. — Дмитрий Ананьевич, познакомьтесь. Товарищ Янковский, — внук, сын...

— Какой Янковский? Тот самый, из тех, что ли?

— Ну да, старший сын Юрия Михайловича. Директор смотрит на меня удивленно и протягивает руку.

И вот мы сидим в просторном кабинете директора совхоза «Сидеми», толкуем о былом, о сегодняшних днях.

Несколько дней я прожил на полуострове, обошел его весь, побывал на берегу бухты Табунной, встретил старых знакомых — пятнистых оленей. Много их сейчас в совхозе стало. На берегу моря обнаружил покосившийся гранитный межевой столб с надписью: «1879», но стоит еще...

Они ушли навсегда, и Михаил Иванович — Нэнуни — Четырехглазый, и Ольга Лукинична, и Гек, и мои родители — все, что создавал эту зеленую красоту. И ветер времени заносит следы их трудов. Я понял, что кроме меня никто не сможет рассказать этой истории, — и решил поведать ее современникам. И этим как бы поставить памятник своему деду.

МСТИТЕЛИ

Валентин
СОРОКИН

Рисунки
В. Меринова

— Да, да! — уверяла мама, —
там, под Куюк-горой, они и встре-
тились, Пугачев и Салават Юлаев,
там они дали клятву заступаться
только за бедных...

1

Веет речка
Илом и малиной,
Солнце поднимается
В зенит...
За оврагом
Тихо и невинно
Колокольчик льется
И звенит.

Емельян глаза
От света щурит
И, вокруг
Поутопав траву,
Свистнул так,
Что с ивняка, как бурей,
Отряхнуло
К сапогам листву.

Бородатый ухарь
Крепок статью.
И умом,
И хитростью — лиса.
Разноликой,
Необъятной ратью
Вскинет он
На пиках небеса!

2

Вот к нему
Из-за ветвей зеленых
С кистенем
Увесистым в руке
Выехал загаром
Опаленный
Всадник
На поджаром рысаке.

Он сидел,
Готовый к злomu гику,
Ветер гладил
Расписной кафтан:
— О аллах!
Покоя нет джигитам,
Устают без сабли
И стремян...

Поняли друг друга
С полуслова
И, лишь свечерело
Поплотней,
Вдоль села
Зацокали подковы,
Искры высекала
Из камней.

Будет мир не рад
Кровавой стирке.
Коршун зорко
Стережет мышей...
И шептались
В темноте башкирки,
Русские —
Крестили малышей.

И топор
Оттачивали нежно
Черные ручищи
Мужика,
И огонь, тяжелый
И мятежный,
Опалял
Крутые облака.

И хребты
Над Яиком белели,
Карпы будоражились
В пруду,
Соловьи то плакали,
То пели,
То хрипели,
Чувствуя беду!

3

Шла молва
К народу о героях,
Искренних
И яростных, двоих...
Там я рос
И под Куюк-горою
Я сказанья
Собирал о них.

Убегал доверчиво
С друзьями
В глубь лесов,
Где запахи остры,
Где торчит
Разбитый бунтарями
Маховик —
Демидовской поры.

Где печально
У седых развилок
Придорожный
Плещется пырей,
Воины Каширина
В могилах
Опочили
Сном богатырей.

Не они ль свои
Штыки мочили
В реках крови
На рассвете дня?
Опочили, —
Будто научили
Храбрости
И верности меня!

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ МИНОМЕТА

**Игорь
АЛЕБАСТРОВ**

● Большую роль в успехе наших славных Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне сыграли знаменитые «Катюши» — гвардейские реактивные минометы. Мы можем гордиться, что миномет — русское изобретение. Он был создан впервые в осажденном Порт-Артуре в 1904 году.

В один из ноябрьских дней японские офицеры с удивлением рассматривали осколок неизвестного снаряда. Только что закончилось ураганный огонь русской артиллерии. Все хитроумные подземные ходы, которые целых два месяца сооружали японцы, подбираясь к русскому форту № 2, были разрушены в полчаса. Русские стреляли из каких-то неизвестных пушек. Даже звук выстрела у них был непривычным. Крепостные орудия русских стреляли раскатисто и гулко. Хорошо был знаком японцам и сухой треск морских орудий. Новые русские пушки рывкали оглушающе звонко, и высокий звук долго вибрировал и звенел в воздухе. И самое главное: никакие укрытия не спасали, удивительные снаряды по крутой траектории огибали все препятствия и падали, словно с неба...

Японские солдаты окрестили русские снаряды «летучей смертью».

Велико же было удивление японцев, когда они обнаружили, что русские стреляли... минами! Мины на суше — невероятно! Но это было именно так. У русских появилось новое грозное оружие — миномет. Его создателями были мичман С. Н. Власев и капитан Л. Н. Гобято.

Сергей Николаевич Власев родился 18 мая 1880 года в Ярославле, учился в Морском корпусе, основанном еще при Петре I. Выпускниками этого привилегированного военно-морского учебного заведения были знаменитые флотоводы и мореплаватели — Ушаков и Сенявин, Лазарев и Нахимов, Круzensхтерн и Лисянский, писатель Станюкович, композитор Римский-Корсаков, изобретатель самолета Можайский...

Русско-японская война 1904—1905 годов застала Власева в Порт-Артуре, где он служил на минометном заградителе «Енисей» в качестве младшего офицера. Уже на второй день войны «Енисей» послали в бухту Талиенван поставить заграждения.

«Енисей» успешно выполнил задачу, но неизвестным для русских моряков течением корабль был снесен на свою же мину. Судно стало тонуть. Шлюпок на всех не хватило. Люди плыли в ледяной воде к берегу. Командир «Енисея» капитан 2-го ранга В. А. Степанов по старинной морской традиции спасаться отказался и до последней минуты распоряжался спуском шлюпок и других спасательных средств. Власеву навсегда запомнилось мужество капитана «Енисея», и он дал себе клятву, как Степанов, всегда заботиться прежде всего о вверенных ему людях. Всего на «Енисее» погибло 96 человек.

С этой морской трагедии началась боевая служба Власева. Вскоре его перевели на броненосец «Пересвет», на котором держал свой флаг нерешительный и осторожный младший флагман контр-адмирал князь Ухтомский. Власев был свидетелем и трагической гибели всеми любимого талантливого флотоводца С. О. Маркова на броненосце «Петропавловск».

Власев был и в знаменитом бою 10 августа 1904 года в Желтом море, когда не удалась попытка прорыва эскадры во Владивосток. Командовавший эскадрой контр-адмирал Витгефт был убит, а князь Ухтомский трусливо повернул в Порт-Артур. Больше эскадра уже не выходила в море.

Томясь от бездействия, негодую на пассивную тактику командующего, Власев несколько раз вызывался добровольцем на постановку минных заграждений «с плотиков» — это была опасная и рискованная затея. За боевые отличия Власева наградили орденом Анны 4-й степени с надписью: «За храбрость».

Когда положение осажденного Порт-Артура стало очень тяжелым, Власев выпросил для себя назначение в состав второго морского десанта.

С ротой моряков С. Н. Власев попал на форт № 2. Японские окопы подходили к русским позициям на такие близкие расстояния, что артиллерия не могла вести огонь. Японцы оставались почти неуязвимыми. Тогда-то и возникла у Власева идея создания орудия ближнего боя. Своим

замыслом он поделился с начальником сухопутной обороны Порт-Артура генералом Р. И. Кондратенко, который познакомил Власьева с капитаном Леонидом Николаевичем Гобято — молодым талантливым инженером, начальником крепостных артиллерийских мастерских.

Л. Н. Гобято увлекся идеей Власьева, и закипела работа. В тяжелых условиях осажденной крепости Гобято и Власьев создали новое замечательное оружие — первый в мире миномет. Его устройство было простым, но очень оригинальным. Для стрельбы использовалась 47-миллиметровая морская легкая пушка, поставленная на колесный лафет, приспособленный к стрельбе с большими углами возвышения. Из листового железа клепали конусообразный корпус мины, начиняли его пироксилином и снабжали взрывателем. К хвосту корпуса прикрепляли деревянный шест с надежной на него свободно двигающейся крыльчаткой-стабилизатором. С дула в канал пушки вводился деревянный шест. Мина же, будучи большего калибра, чем пушка, оставалась вне канала и к ней при выстреле по шести сдвигалась крыльчатка-стабилизатор. С казны пушка заряжалась нормальной гильзой, перекрытой деревянной пробкой-вкладышем со свинцовым пыжом. При выстреле пробка с пыжом ударяла в шест и выталкивала мину. Русские солдаты прозвали миномет «Лягушкой».

Увы, новое оружие не встретило поддержки со стороны главного артиллерийского управления и августейшего генерал-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича. Царские генералы называли минометы «игрушечными пушками», «суррогатами артиллерии», «орудиями, не имеющими будущего».

К началу первой мировой войны русская армия минометов не имела.

В ходе войны минометы появились у немцев, но они были очень громоздкими, тяжелыми — до 800 килограммов весом. Только тогда в русской армии вспомнили об изобретении Власьева и Гобято. Верховный главнокомандующий русской армией сообщал военному министру генералу Сухомлинову: «Пехота настойчиво требует минометов, считая их своей артиллерией».

За время войны в России было выпущено несколько тысяч минометов (не считая самодельных, созданных на фронте). Их вес не превышал 90 килограммов.

Новое оружие, наконец-то, получило признание. К сожалению, Л. Н. Гобято не дожид до торжества своих идей. В самом начале войны Гобято, бывший в это время профессором военной академии, добровольцем отправился на фронт, в боях за Перемышль он был тяжело ранен и в мае 1915 года скончался в возрасте сорока лет. Судьба же

С. Н. Власьева до сих пор остается загадочной...

Накануне капитуляции Порт-Артура С. Н. Власьев, не желая сдаваться в плен, в ночь на 2 января 1905 года прорвался на минном катере в китайский порт Чифу. После русско-японской войны С. Н. Власьев увлекся подводным плаванием и по окончании специальных курсов был назначен командиром подводной лодки «Макрель». В те годы на подводников смотрели как на смертников». Когда зашла речь о прибавке содержания подводникам, морской министр адмирал Бирилев заявил: «Прибавить можно... Все равно они скоро перетонут...»

О будущем подводного флота шли ожесточенные споры. Англичанин Гэней заявил: «Подводная лодка — в высшей степени занимательная игрушка». Ему вторил лорд Гошен: «В морской войне с подводными лодками считается нечего». В Германии знаменитый адмирал фон Тирпиц решил: «Подводные лодки Германии не нужны!» И, тем не менее, все строили подводные лодки. Были и другие мнения. Английский адмирал Скотт заявил: «Как автомобиль вытеснит лошадь на суше, так подводная лодка вытеснит броненосцы».

В высших военных кругах России на подводные корабли смотрели скептически. Известный военно-морской теоретик А. Д. Бубнов утверждал: «В открытом море подводные лодки не имеют никакого боевого значения». А другой реакционный теоретик Колчак (тот самый!) вообще не находил места подводным лодкам. На защиту подводного флота выступили молодые офицеры — лейтенанты Ризнич, Тьедер, Власьев, Подгорный. «Подводники — это моряки будущего!» — прозорливо восклицал Тьедер...

В 1907 году Власьева назначили командиром строящейся подводной лодки «Акула». В процессе постройки Власьев предложил и осуществил многочисленные усовершенствования. Он составил и издал полное описание этой подводной лодки с приложением атласа. Власьева пригласили для конструирования мин заграждения первого в мире подводного минного заградителя «Краб». Власьев обобщил опыт плавания малых подводных лодок и обосновал необходимость постройки более крупных. Эти его обоснования были учтены при постройке серийных больших лодок типа «Барс».

В первый же день мировой войны «Акула» вышла в дозорное плавание. Уже в августе 1914 года севернее Готланда «Акула» атаковала два германских миноносца. В Данцигской бухте 22 октября 1914 года «Акула» атаковала немецкий транспорт, 17 декабря 1914 года у Готланда — крейсер «Аугсбург». В марте 1915 года Власьева наградили бое-

вым орденом «За отличное несение дозорной службы в районе боевых действий», затем назначили начальником 1-го дивизиона подводных лодок. И вдруг...

Неожиданно Власьеву пришлось расстаться с «Акулой», которой он командовал восемь лет: 29 мая 1915 года его назначили командиром минного заградителя «Нарова», а 28 сентября 1915 года был объявлен приказ по морскому ведомству за № 1479, в котором говорилось: «По конфирмации Главнокомандующего армиями Северного фронта приговором крепостного суда Морской крепости императора Петра Великого определено: капитану 2-го ранга Сергею Власьеву взамен определенного ему судом наказания за преступное деяние, предусмотренное 9 и 1455 ст. «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», подвергнуть заключению в крепости на один год и четыре месяца с ограничением некоторых прав и преимуществ по службе».

Что же случилось с Власьевым? В чем состояло его «преступное деяние». Статья 1455 выглядит грозно: «За убийство умышленное, но без обдуманного заранее намерения, виновные подвергаются: лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на время от 12-ти до 15-ти лет...» Итак, убийство?! Но кого же, когда, при каких обстоятельствах убил С. Н. Власьев? По свидетельству старых моряков он был скромным и честным человеком.

Есть и другая версия. Старые подводники В. Кузаев и А. Лебедев утверждают, что никакого убийства и не было. При передаче дел новому командиру «Акулы» в судовой кассе не хватило небольшой суммы денег — рублей 300—400. Власьев чистосердечно заявил, что деньги эти он взял и потратил на какое-то очередное изобретение, а восполнить недостачу не успел. А как же статья 1455? Загадка осталась загадкой. Судебное дело С. Н. Власьева, по-видимому, не сохранилось.

● Экспонатам —
век

● Не только
коллекции...

● Музей
заповедника

● Школьный
литературный...

● Символ
дружбы

● Лагерь
юных
геологов

● Находки
краеведа

● К 300-летию
Бутки

● Все село
знает
земляка

● Чайкинцы

Наш музей краеведческий. Мы изучаем историю родного села Паново и уже многое узнали: кто были первые поселенцы, как жили, как боролись за Советскую власть. Разделы в нашем музее такие — «Охота и рыболовство», «Земледелие», «Предметы домашнего обихода», «Церковь на службе царизма», «Крестьянская изба». Собрано 196 экспонатов, среди которых есть старинные охотничьи ружья, поняжка для переноски тяжести, ушаты, ступы, пальмы для охоты на медведя.

Самый интересный экспонат — старый календарь. В четырехугольной рамке на деревянных палочках намотаны полоски белого полотна с названием месяца, дней недели, чисел, церковных праздников. Сейчас таких не встретишь. Этим календарем пользовались люди век назад.

Галя ПАНОВА,
Красноярский край,
село Паново
Кежемского района

Геологические коллекции для нашего музея минералов мы собирали в летних походах. Сейчас в музее десятки образцов: руды, драгоценные и поделочные камни. Есть коллекции, отражающие геологию уральских месторождений.

А в походах ребята не только собирают камни. Юные геологи выполнили

немало заданий, в том числе задание Нижнетагильской геологоразведочной экспедиции по обследованию одного из дунитовых массивов на Урале. Мы нашли дуниты, пригодные в качестве огнеупорного сырья. Нам сказали, что после лабораторного изучения массив будет готовиться к разработке.

Члены геологического
кружка станции
юных натуралистов,
г. Челябинск

В городе Закатале Азербайджанской ССР создан уникальный музей природы. Здесь можно познакомиться с животным миром Закатальского заповедника, одного из крупнейших в стране; увидеть чучела тура, дикого кабана, оленя, медведя, рыси, каменной куницы. В музее представлено свыше 40 видов птиц, в том числе такие редкие, как улары — черные индейки, кавказский тетерев, орел-бородач, черный гриф.

Экспонаты музея получили высокую оценку ученых многих стран. Они побывали на выставках в Москве, Будапеште, Белграде и других городах.

К. ХРОМОВ,
г. Сумгаит

В музее села Каширино вы сразу попадете в мир литературы. На стенде —

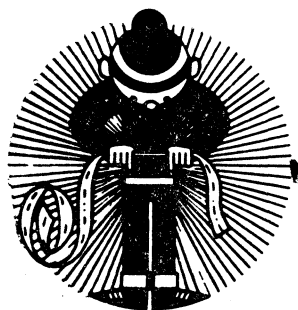
большой плакат «Литературное Зауралье», здесь представлены писатели, чья жизнь и творчество связаны с этим краем. Имена новые и старые... Рядом с декабристом Кюхельбекером — портрет и стихи Леонида Куликова, поэта сегодняшних дней, которого хорошо знают не только в Курганской области. Тут же книги писателей-земляков с автографами.

Ребята села Каширино и сами пробуют писать. Рукописные журналы рассказывают о замыслах и делах литературных следопытов, они тоже хранятся в музее. Школьники собирают местный фольклор. Они записали более полутора тысяч пословиц и поговорок, сотни частушек, много сказов и сказок, народных песен.

Д. БЕЛОУСОВ,
директор музея,
Курганская область

...Кедр чуть выше метра, в его пушистых ветвях еще только угадывается будущий красавец. Рядом табличка: «От красных следопытов Исовской средней школы в память о погибшем земляке Анатолии Глухове». Поселок Ис находится на Урале, а кедр растет в белорусском городе Столбцы. Здесь, далеко от своих родных мест, ребята нашли могилу земляка, встретились с его фронтowym другом Н. А. Оранжем, который воевал вместе с Анатолием в партизанском отряде, приняли от него как

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

драгоценный дар фотографии и письма военных лет.

Шесть лет назад ребята-исовчане впервые приехали в Столбцы и посадили кедр. С тех пор он и растет на площади Бессмертия — как символ памяти герою, как символ крепкой дружбы следопытов Урала и Белоруссии.

М. ПИСКУНОВ,
старшина запаса,
Минская область

Четвертый год существует в Катайском районе Курганской области лагерь для старшекласников «Юный геолог». Палаточный городок вырастает каждое лето на берегу Синары, рядом со знаменитым Зырянским месторождением агатов. Сюда приезжают ребята из геологических партий школ Кургана, Шадринска, из Юргамышской, Варгашинской, Карачельской, Лесниковской средних школ. В прошлый летний сезон весь лагерь по заданию курганских геологов проводил шлиховое опробование долины реки Синары от границы Курганской и Свердловской областей до устья реки Марай, отбирались пробы по строительным материалам. Каждый год ребят ждет новое задание.

Г. ДУБРОВИНА,
методист детской
экскурсионно-туристской
станции, г. Курган

Восемьдесят лет исполнилось с той поры, как в уральском городе Надеждинске, ныне Серове, дала плавку мартеновская печь. Тогда же была выпущена

первая продукция — рельсы для сибирской железной дороги.

Кусок старого рельса, на котором четко обозначен год выпуска, сейчас хранится в Серовском краеведческом музее. Его отыскал и подарил музею рабочий металлургического комбината Николай Антонович Котельников, местный краевед. За последние годы он передал музеям около двух тысяч экспонатов. Его находки, рассказывающие о «старине далекой», хранятся в городском, во многих школьных музеях города, есть они и в областном краеведческом музее.

П. КУЗИН,
г. Серов

Наш район в прошлом назывался Буткинский. Скоро исполнится 300 лет со дня образования нашей Бутки, и следопыты всего района готовятся отметить эту дату.

В Вихляевской сельской школе работает исторический кружок. Мы проводим беседы со старожилами, собираем экспонаты, рассказывающие о прошлом Бутки, пишем биографии земляков. В летописи, которую составят следопыты, непременно будет рассказано и об ученом Менделееве, и о герое гражданской войны комбриге Васильеве, и о маршале Блюхере, и об академике Шадре... Собирать материал мы будем и за пределами Талицкого района: в этом году намечены краеведческие экспедиции в Тобольск, Тюмень, Шадринск, Челябинск.

Таня ЛЕШУКОВА,
Свердловская область,
д. Вихляево
Талицкого района

Пионеры Сырьанской средней школы Белохолуницкого района Кировской области ведут поиск материалов о своем земляке Иване Матвеевиче Кузнецове. Профессор Кузнецов был крупным специалистом в своей области: опубликовано более 60 его работ по кормлению сельскохозяйственных животных. И. М. Кузнецов преподавал в Военно-ветеринарной академии, возглавлял научно-исследовательский институт животноводства в Москве, заведовал кафедрой общей зоотехнии в Университете Дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Много раз бывал за границей — в Монголии, Румынии, Польше, Австралии, был советником по сельскому хозяйству при советском посольстве в Нидерландах.

Сейчас все село знает в подробностях биографию своего земляка-ученого. В музее школы хранятся интересные материалы, поступившие из Университета Дружбы народов, книги, альбомы, фотографии детских и юношеских лет И. М. Кузнецова, письма родственников.

Восемь лет пионерская дружина школы № 13 поселка Северного носит имя Героя Советского Союза Лизы Чайкиной. Ребята собрали немало материалов о героине, ездили на родину Чайки, встречались с людьми, знавшими отважную партизанку, побывали в Доме-музее комсомола им. Лизы Чайкиной в Калинин. А этот год принес им сюрприз: ребята встретились с двоюродной сестрой Чайки, Елизаветой Петровной, которая многое рассказала о детских годах героини.

В. БЕЛИН,
Нижний Тагил

● Мыс Курлы — это там, где трасса БАМа выходит к Байкалу. Есть на мысе школа — Северобайкальская, средняя. Она совсем «юная», но уже имеет свой музей. Первыми экспонатами стали огромные бивни мамонта. Многие удивительные находки обнаружены ребятами на трассе будущей дороги.

● Городской клуб «Факел» открылся в Свердловске. Членами его стали учащиеся профтехучилищ. Главная тема нового следопытского клуба — жизнь и деятельность пламенного революционера Я. М. Свердлова.

● Открылся краеведческий музей в Тулиновской средней школе на Тамбовщине. Экспонаты музея размещены по разделам. Так, в разделе «Местная промышленность» представлены изделия местных заводов, фабрик, предприятий, здесь же можно узнать и об их истории. Много интересного есть и в разделе, рассказывающем о богатствах тулиновского леса.

● Истории революционного движения в Эстонии посвящают свои традиционные «четверги» участники краеведческого кружка при Таллинском музее. На одном из них шел разговор о деятельности Ханса Пегельмана — были представлены новые сведения о его журналистской работе в начале века, о нелегальном пребывании Х. Пегельмана в Таллине, о большой политической работе славного сына эстонского народа накануне Октябрьской революции.

● В Ленинграде прошла городская конференция красных следопытов, собирающих и изучающих материалы о производственных, шефских, базовых коллективах. Высокой оценкой отмечен поиск следопытов Пушкинского района.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА В. В. КАМЕНСКОГО

Разбирая бумаги покойного отца, Н. А. Веницкого, — старого коммуниста, много лет проработавшего директором Уралгиза (или Свердловгиза, ныне это — Средне-Уральское книжное издательство), я обнаружил эти четыре письма. Написанные карандашом на больших листах и крупным размашистым почерком, они были получены отцом в 1935 году от В. В. Каменского. Да, от того самого Василия Васильевича Каменского — уральца, революционера, одного из первых русских летчиков, бунтаря и футуриста, друга и сподвижника В. В. Маяковского, известного советского поэта.

Эти письма В. В. Каменского нигде не публиковались. В них речь идет о делах хозяйственных, об условиях издания в Свердловске книг поэта. В письмах Василий Васильевич делится и своими творческими планами, пишет о себе — и вырисовывается его характер. А это представляет немалый интерес. Вот почему я и решил передать письма поэта журналу «Уральский следопыт». К тому же, в одном из них речь идет об этом журнале (о довоенном периоде его издания в Свердловске), о согласии В. В. Каменского сотрудничать в «Уральском следопыте».

А. ВЕНИЦКИЙ.

Дорогой Николай Александрович¹, прежде всего передаю сердечную благодарность за внимание к моему литературному труду. Я радуюсь, что Вы решили дать мою книгу «Уральские поэмы».

...Кроме уральских поэм у меня имеется на 3—4 книги прозы об Урале. И могу к 20-летию СССР дать, написать роман в стихах об Урале, старом и новом.

Все подробности я написал Е. М. Блиновой².

Советую Е. М. Блинову командировать ко мне, в село Троицу, чтобы вполне договориться о моей активной работе в Свердловгизе.

И, если можно, прошу и Вас приехать ко мне, т. к. дело моего участия — дело довольно серьезное, большое, т. к. я готов специально

работать для вашего издательства. И у меня есть свой производственный план и мысль — сделать Свердловгиз крупным культурным явлением, как этого стоит наш новый большевистский Урал.

С тов. приветом

В. КАМЕНСКИЙ

16/IV-35 г.

Дорогой Николай Александрович, спасибо за милое Ваше письмо.

Участвовать в журнале «Уральский следопыт» вполне согласен. Обязательно вышлите комплект за прошлое и высылайте дальше. Этого журнала я не видал. Ужо посмотрю и дам материал. Такой журнал меня очень интересует и для него я буду полезным сотрудником.

Насчет денег по договору — очень и очень жду, ибо, сами увидите, у меня идет свое строительство и я «засыпался в долгах», желая все сделать по-хорошему, т. к. мне необходимо для работы и жизни.

¹ Письма печатаются с некоторыми сокращениями.

² Е. М. Блинова работала редактором в Свердловгизе.

Буду ждать Вашего приезда с терпением. Мы отправимся немедленно и на охоту, и с острогой. По всем этим делам я — мастер и люблю страстно эти прелести. Бывает, что мотаюсь в лесу или на воде сплошные дни и ночи. Даже спать некогда. Таких «следопытов» по азарту, как я, мало. Только вот условие — приезжайте на возможно долгий срок, чтобы лучше использовать время. Лучше бы провести у меня весь отпуск, если таковой у Вас есть в запасе. Сентябрь, октябрь — вот мои любимые месяцы.

Когда приедете — поговорим о моей работе в дальнейшем.

Ну, стану ожидать от Вас писем и приезда, и журнал.

Сердечный привет.

В. КАМЕНСКИЙ.

PS. Командируйте скорей ко мне Е. М. Блинову, чтобы договориться о работе — писать ли для Свердловска роман в стихах к 20-летию Октября? Иначе я займусь иным.

В. К. 1

Дорогой Николай Александрович, договор я подписал и прилагаю. Книга «Уральских поэм», думаю, выйдет очень кстати, т. к. моих книг в магазинах нет, а спрос имеется большой и приятный для автора. Спасибо огромное за внимание. Ожидаю Вас к себе, в Троицу, где, кстати сказать, я продолжаю стройку дома своего (подаренного Свердловским облисполкомом и Сергинским РИКом два года назад) и надворных служб, а также показательной оранжереи...

В. КАМЕНСКИЙ.

23/V-35 г.

Дорогой Николай Александрович, я очень горячо благодарен Вам за

командирование Е. М. Блиновой ко мне, в Троицу. Это было весьма полезно взаимно в смысле ясности дальнейшей моей работы к 20-летию Октября для Свердловска.

Подробности Е. М. расскажет.

Мне только остается теперь же дать согласие на написание романа в стихах об Урале. Я и согласен. Но, однако, нам необходимо скорей зафиксировать, закрепить это большое дело договором.

Работа продлится 12 месяцев... Мне хочется гарантировать свой творческий в 12 месяцев период, чтобы целиком уйти только в эту работу, чтобы дать крупную, монументальную книгу к 20-летию Октября.

Жму руку.

В. КАМЕНСКИЙ. 2

И еще одно письмо В. В. Каменского любезно предоставил «Уральскому следопыту» А. К. Воронихин. Он — один из старейших уральских краеведов, ныне на пенсии, живет в городе Кунгуре Пермской области. А. К. Воронихин долгие годы собирал материалы об Ермаке. «Досье» о жизни покорителя Сибири он решил показать В. В. Каменскому, зная, что тот пишет поэму об Ермаке.

На свое письмо А. К. Воронихин получил от поэта такой ответ:

Уважаемый т. А. К. Воронихин, прошу извинить за поздний ответ, но меня не было дома, ездил по Каме.

Я, конечно, буду счастлив и без границ Вам благодарен, если получу от Вас любой материал об Ермаке, ибо у меня ничего нет, а я лишь читался и положился на свою избывшую память, которой и сам не рад, ибо наряду с хорошим запоминаю кучи ерунды. У меня нет «Прикамья» № 3. Тогда, вероятно, был я в иных краях. А Ваша статья меня очень интересует. Жду и эту статью.

Жду все, что только Ваша добрая душа позволит. И все обещаю честно с поклонами возвратить через девять месяцев, т. к. в октябре уеду на юг и восток, где буду всю зиму работать над Ермаком.

Я пишу громадную истор. драматическую поэму «Ермак».

У меня уж есть: «Болотников», «Разин», «Пугачев» (в опере мой стихотворный текст), изданы в десятках изданий.

При Вашей помощи Ермака я сделаю еще лучше других богатырей Руси.

Я уже написал первую часть «Ермак на Каме».

А дальше будет «Ермак у Строганова», — вот тут в первую голову надо материал.

3-я часть — «Ермак в Сибири». 4-я — «Кучум хан». 5-я часть — «Ив. Кольцо у царя Грозного». 6-я — «Гибель Ермака».

Судите сами, что мне конкретно надо. В точку. Очень хочу старых песен (в смысле чувства языка). Лет 7 тому назад я однажды прочитал предание о том, что у Строганова была дочь Любаша, взаимно влюбленная в Ермака (он будто поэтому и оттягивал поход, но любовь к родине победила).

Я этим, конечно, воспользуюсь в полной мере, ибо без любви (без женщин) нельзя ничего делать для театра.

Будет любовь и у Кольцо. Да наверняка и была. Чую.

Нельзя иначе — жизни!

Я ведь не о святых пишу, хотя и там были «искушения».

И вообще мои произведения — романтика эпохи. Я — поэт и все делаю с ветром юной вольности. Но фундамент остается в цементе исторической правды.

Об Ермаке нет крупных поэм. Я это постараюсь сделать, как патриот Урала, как гуслиар из дружины Ермака.

А Вас, А. К., прошу оказать дружескую помощь. Ей-богу, не раскаетесь.

Жду счастья — пусть повезет Ермаку — Вашего материала. Я живу в деревне и у меня нет под рукой клада об Ермаке.

30 июля. 3

Жму руку.

В. КАМЕНСКИЙ.

¹ Это письмо не датировано, но, судя по всему, оно было вторым, то есть пришло от Каменского между 16 апреля и 23 мая 1935 года.

² В этом письме упоминается: «Сегодня 29-е июля», год не указан, но это был, безусловно, тот же 1935 год.

³ Сохранился конверт этого письма, на почтовом штемпеле можно прочитать год отправки его — «1943».

ДВЕ ДВИНЫ

**Александр
МАТВЕЕВ**

*Рисунки
Л. Смирновой*

Течет в Белое море по бескрайним просторам русского Севера могучая река — Северная Двина. И есть у нее в Прибалтике тезка, тоже Двина, только Западная. В разные моря несут они свои воды и истоками далеко разошлись, а имя у них одно. Как оно возникло? Вот загадка, над которой давно ломают головы ученые.

Северная Двина — серьезная река. В нахлывшийся осенний день страшны ее серо-свинцовые воды, зажатые в пустопесчаных берегах. Летом в погожее утро здесь только что не курорт с песчаными чудо-пляжами, которые протянулись на десятки километров. Бредешь в меженное время по песку, когда отступает река от берегов, и кажется иной раз, что ты в пустыне. Жара, как на юге, вода — близко. Что еще нужно? Только очень-то не доверяй Двине: глубока она, матушка.

Многое видели берега Северной Двины. Не одно племя сменило здесь другое. Когда-то обитала в этих местах таинственная Заволочская Чудь, доподлинно неизвестно, но, скорее всего, — родня современных саами-лопарей. Потом пришли сюда прибалтийско-финские племена — карелы да вепсы. Перя маа — «Крайней землей» — называли они эти места.

С севера, с холодного ледовитого моря к двинским устьям устремились корабли дерзких мореходов — викингов. Для них Перя маа стала богатой страной Биармией. Один из викингов, Отер, еще в IX веке достиг устья Двины, а другой по прозвищу

Торер Собака разыскал и разграбил храм карельского бога Юмалы. Стоял этот храм неподалеку от тех мест, где сейчас находится город Холмогоры.

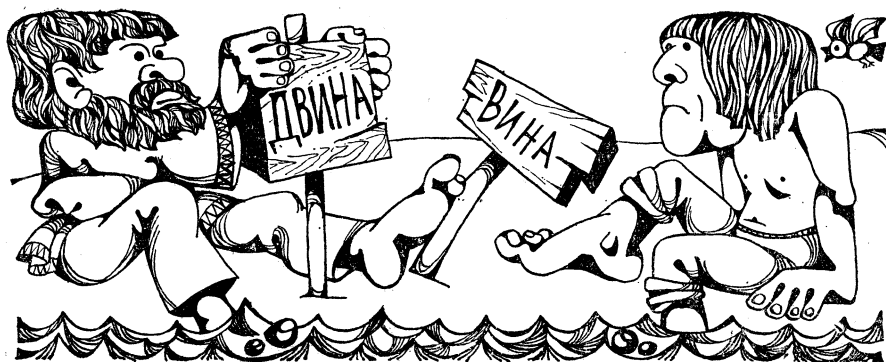
Но викинги здесь не закрепились. А с юга по двинским притокам сюда уже направляли ладьи будущие хозяева этого края — новгородцы. Шло время, и понемногу обрусела вся Двинская земля.

Местные жители нередко и в наши дни называют главную реку свою по-особому, по-северному — не Двиной, а Двиной. Слово это по ударению сходно с названиями многих других северных рек — Вагой и Пинемой, Сухоней и Вычегдой. И все-таки на севере у этого слова нет родни.

Присмотритесь: кругом большие реки — Онега, Мезень, Печора, Юг, разная мелочь вроде Пичуги и Шичуги, Кокшеньги и Покшеньги, Нондруса и Кондруса. Каких только диких слов нет, а вот со звонким *д* в начале да еще в сочетании с *в* нет у Двины соседки. Такое уж чудное название — ото всех на отличку.

Южнее — пожалуйста. Есть там и Днепр, и Днестр, и Друть, и Дрисса... Объяснение простое. На севере жили разные финно-угорские племена — летописные Чудь Заволочская, Весь, Корела, Лопь, чуть южнее — Меря. И в языках всех этих племен не могли слова начинаться ни с группы согласных звуков, ни со звонкого *д*. Не могли — и все тут!

А вот в славянских языках —

русском, польском, болгарском и других, балтийском — литовском и латышском да и в остальных индоевропейских языках слова могут начинаться с *д* (*дуб, дело*) и не только с двух, но и с трех согласных (*дно, два, здравие, страсть*).

Значит, тогда все ясно: сами звуки подсказывают, что Двина — индоевропейское слово, славянское или из какого-либо другого языка. На север оно попало случайно, наверное, новгородцы перенесли название с Западной Двины на Северную. Так во всяком случае думал известный славист Макс Фасмер. Ну, а на севере под влиянием местного финно-угорского ударения на первом слоге закрепилось произношение *Дви́на*. Там ведь даже в исконных русских словах нет-нет да и перейдет ударение на первый слог, и скажут вместо *ручѐй* — *рѹчей*.

Только вот какое дело: названия крупных рек на другие большие реки обычно не переносятся, ведь каждая значительная река имеет свое имя, известное далеко окрест.

Если учесть все данные о названиях обеих Двин, то от нашей «стройной» гипотезы вообще ничего не останется. А данные эти могут смутить даже выдавшего виды топонимиста.

Прежде всего, название *Двина* в ходу исключительно у русских, причем уточняющие определения — Северная и Западная — можно встретить только на картах, в разных документах да в книгах, местному населению эти тонкости ни к чему. А в старых русских летописях и Северную и Западную Двину всегда называют просто Двиной.

Теперь главное: оказывается, древние скандинавы-викинги — те самые, которые грабили Биармию в устье Северной Двины, — называли эту реку *Вина*, а финны и карелы — *Визна*. Ясно, что *Вина* и *Визна* — одно и то же. Но и слово *Двина* отличается от этих названий только начальным *д*.

Конечно, самое простое считать, что карелы переделали *Двина* в *Вина*: ведь в их языке ни *д*, ни группы согласных в начале слов быть не

может. Поэтому из *Двина* закономерно должно было получиться *Вина*. В этом ничего удивительного нет: превратили же карелы русские *край* в *рая*, *тропа* — в *роппа*. А потом скандинавы позаимствовали название *Вина* у карелов.

Кажется, все сошлось, да не тут-то было. Выходит, что древнее финно-угорское население севера никак не называло Двину и заимствовало это слово у русских. Чудеса да и только! Как правило, бывает наоборот: пришельцы усваивают названия у коренных жителей. Вспомним великие сибирские реки: Обь, Иртыш, Енисей, Лена, Яну, Анадырь, Индигирку, Пясину — все это местные слова, усвоенные русскими.

К тому же, первые сведения скандинавов о реке Двина древнее времени проникновения русских в Двинскую землю. Короче говоря, на первый взгляд такая гладкая версия о переносе названия Западной Двины на Северную рушится прямо на глазах.

О Западной Двине сведения еще противоречивее: литовцы называют ее *Даугува*, латыши — *Даугава*, немцы — *Дюна*, финны — *Вяйнайоки*, эстонцы — *Вяйнайги*, маленький народ ливы — *Вээна*. Трудно сказать, как связаны друг с другом эти названия.

Вот почему различным наименованиям Северной и Западной Двины посвящено множество статей и заметок. Кто только не пытался разгадать тайну происхождения этих речных названий. Русские, финские, немецкие ученые предлагали свои толкования. Были среди них и догадки выдумки. Один ученый сравнивал слово *Двина* с русским *двигать*, другой — с готским (был в древности такой германский язык) *даукс* — «пар», третий — с древнеисландским *двина* — «слабеть». Почему Двина — «Двинутая», отчего — «Паровая», как это — «Слабая»? Ничего себе, «Слабая»... Либо эти ученые ни Северной, ни Западной Двины в глаза не видели, либо просто не знали, как люди дают названия большим рекам.

Серьезные исследователи разде-

лились на две партии: одни считали, что древнее название без начальное *д*, другие доказывали противоположное.

Еще в XIX веке знаменитые финно-угроведы Кастрен и Веске высказали мнение, что финско-карельское название Северной Двины *Визна* происходит от слов *виэна* или *виэно* — «Тихий», «спокойный» и что Западная Двина наречена *Вяйнайги* потому, что *вяйн* по-эстонски — «пролив», «широкое устье реки».

Северная Двина, правда, не очень тихая река, но такое имя в старину могли дать и ради профилактики, так сказать, с магическими целями. Называют же ветнамцы, по свидетельству географа Э. М. Мурзаева, *Нинь-Занг* — «Спокойной», «Тихой» — реку, где часто бывают наводнения и прорывы дамб. Вот и древние финно-угры могли заклясть могучую и грозную для их утлых челнов реку.

Ну, а такую значительную реку, как Западная Двина, конечно, можно назвать «Проливной» или «Рекой с широким устьем».

Еще один исследователь — Шёгрен — думал, что название Северной Двины происходит от коми-зырянского слова *вын* — «сила», «мощь». Только не все ученые верят в то, что в древности коми-зыряне населяли Подвине, а о коми-зырянах на Западной Двине и говорить нечего.

Но как могли из финно-угорских слов с начальным *в* получиться русские названия с группой согласных *дв*? Звуковая экспертиза решительно против: произойди такое заимствование, и русские называли бы Северную Двину *Вина* или *Вена*, а уже никак не *Двина*. Откуда в этом слове начальное *д*, разве русским трудно произносить звук *в* в сочетании с гласным? Ничего подобного. Русские заимствовали из различных языков множество названий с начальным *в*. Загляните хотя бы в «Краткий топонимический словарь» В. А. Никонова, и вы найдете там очень много заимствованных топонимов, которые начинаются со слога *ве* или *ви*: *Вена, Венеция, Ветлуга, Вильнюс, Виляй*... Нет, не было необходимости русским переделывать *в* в *дв*.

Есть только одна лазейка: а не поработала ли в этом случае «народная этимология», то есть не приспособили ли русские непонятные местные названия к коренному русскому слову *два*. Ведь реки-то эти — Северная и Западная Двина — в своих истоках «двойные». Северная Двина начинается с места слияния больших рек — Сухоны и Юга, у Западной Двины — тоже два истока, только они намного поменьше и в самых верховьях сливаются.

Значит, заимствовали русские непонятные названия *Виэна* (*Вина*) и *Вайна* у местной финно-угорской чуди да и «объяснили» их по-своему и притом одинаково в разных местах? Этому могла поспособствовать и так называемая аналогия — выравнивание, — которая в языке встречается на каждом шагу, даже очень грамотный человек хоть раз в жизни да скажет *пекем* вместо *печем* или *хочем* вместо *хотим*. Сблизились, а затем уподобились друг другу и русские названия двух Двин.

Могло быть так? Некоторые ученые думают, что могло. А с исторической точки зрения эта версия кажется даже очень убедительной, потому что финно-угорские племена издавна населяли север и северо-запад Восточно-европейской равнины.

«Ох, что-то не верится, слишком много тут натяжек, — возражали другие ученые. — Давно известно: чем длиннее объяснение и чем оно сложнее, тем дальше от правды. Зачем, например, было придумывать эту историю с «народной этимологией»? Может быть, *Двина* — чисто русское название, образованное от слова *два*».

Так и посчитал еще в XVI веке барон Сигизмунд Герберштейн, который дважды — в 1517 и 1526 годах — побывал в России в качестве австрийского посла и написал очень интересную и важную для историков и лингвистов книгу «Записки о Московитских делах».

Был этот барон человеком наблюдательным и дотошным. Только сейчас уже не выяснить, сам ли он додумался или кто ему подсказал написать такие слова: «Область Двина и река, возникающая от слияния рек Юга и Сухоны, получили имя Двина, ибо Двина по-русски значит два или по два».

А почему бы и не так: русские познакомились с «двойными» реками и дали им свое название, оно и закрепилось, а местных наименований русские могли вообще не знать.

У этой версии тоже нашлись сторонники. Но никакого слова *двина* ни в древнерусском языке, ни в русских народных говорах найти они не смогли.

Кое-что новенькое выяснилось только совсем недавно...

Был такой замечательный лингвист профессор Ленинградского университета Борис Александрович Ла-

рин — большой специалист по древнерусскому языку. Он-то и опубликовал в 1959 году «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса». Этот англичанин в 1618—1619 годах посетил Московское государство, побывал на Северной Двине в Холмогорах и в своем дневнике записал немало русских слов. Так вот, по свидетельству Джемса русские, жившие в Холмогорах, называли двоюродного брата *брат двина*, а крепкое (двойное) вино — *вино двина*.

И подумал Ларин, что в записях Джемса сохранилось слово, отсутствующее в современном русском языке и не отраженное в древнерусских письменных памятниках. А некогда оно употреблялось в народном говоре Холмогор. И еще подумал Ларин, присоединяясь к версии Герберштейна, что это слово живет до сих пор в названиях рек Северная и Западная Двина. О Северной Двине «само население ее берегов говорит, что имя она получила от слияния двух рек — Сухоны и Юга». А Западная Двина заслужила название «Двойной», потому, что обильна водами. Ведь и латышское *Даугава* некоторые ученые переводят как «Многоводная». Вот как все повернул Ларин.

А в смоленских говорах и донные известно слово *двина* — «множество, большое количество чего-нибудь». — *Двина народу двинет*. Правда, от Смоленска до Двины рукой подать, и скорее всего здесь простой перенос: *Москвой*, *Печорой*, *Уралом* можно назвать не только место, но и тех, кто на нем живет.

Нет ли этого слова еще в каких-нибудь русских говорах? Диалектные словари хранят молчание. И вдруг несколько лет назад лингвисты Уральского университета записали в разных районах Архангельской и Вологодской областей, далеко в стороне от берегов Северной Двины, несколько названий полей — *Двинки*. Все говорило за то, что это какой-то сельскохозяйственный термин. Однако никто из местных жителей не помнил значения слова. И только один глубокий старик объяснил: «Достанется крестьянину при переделе общинной земли две полосы рядом — вот тебе и *двины*, слово-то это старинное».

Может быть, и маловато у нас фактов, но все они подкрепляют «герберштейновский вариант».

Что же тогда получается? История — за финно-угорское происхождение названий, лингвистика — за русское? Как странно разошлись данные двух наук — одно исключает другое. Поэтому-то, может статься, что обе эти версии ложны?

Ну, а нет ли какого-нибудь третьего, «среднего» решения, которое бы примирило две взаимоисключающие гипотезы.

Оказывается, есть. Представьте

себе, что где-то в Восточной Европе некогда существовал язык, скорее всего индоевропейский, но не славянский. И было в этом языке какое-то важное слово *двина*. Ведь, кроме двух великих Двин, в Восточной Европе есть еще Двина в бассейне Десны, да две Двинцы, да Двиноса. Вот из этого-то языка и русские и финно-угры могли позаимствовать название Двина. Русские сблизили его со словом *два*, финно-угры, отбросив начальное *д*, со своими словами *виэно* и *вайн*.

Все, казалось бы, объясняет третья версия. Только что это был за народ? Может быть, балтийцы, родичи литовцев и латышей? Одно из балтийских племен — летописная Голядь — населяло в свое время земли к западу от Москвы. Но мы ничего не знаем о языке Голяди. А вот у литовцев есть слово *двинаи* в значении «двойняшки (близнецы)». Только далековато от Литвы до Северной Двины...

Очень сложной оказалась первая на первый взгляд задача: одно «убедительное» решение противоречит другому столь же «убедительному». А гипотеза, которая всех устраивает, ведет к... неизвестному.

Перед нами хорошо зашифрованная историей тайна, и трудно сказать, будет ли она когда-нибудь раскрыта до конца.

Есть, оказывается, в стране Топонимии и такие дороги, которые начались невесть где и ведут неизвестно куда.

ДАР ВАЛДАЯ

**Юрий
ДУНАЕВ**

По большаку, взрывая пыль, мчится тройка. Лихой ямщик на облучке «в тулупе, красном кушачке» кричит:

— Э-э-эй, па-а-берегись!..

Тройка-вихрь пронеслась. А в ушах еще звенит переливчатая песня медного поддужного колокольчика...

Издавна славился старинный русский город Валдай ямщицкими колокольчиками. Кто знает, когда валдайские крепостные крестьяне начали отливать изделия из певучей меди?

Одна легенда повествует. Покопив Псков, царь Василий III приказал снять и увезти в Москву валдайский вечерой колокол. В дороге его разбили. Расгоропные валдайские мужики воспользовались случаем и из осколков отлили малые певучие колокольца.

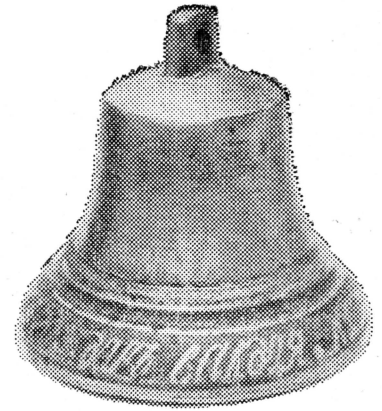
По свидетельству летописца, в 1656 году «государев мастер Александр Григорьев лил колокола для Иверского монастыря на Валдае...» Из металла, оставшегося после отливки, неизвестный умелец в своей мастерской отлил в земляную форму маленький колокольчик, обработал корявую поверхность груши до блеска. Потом приделал на плетеном ремешке язычок, и полилась по необъятным российским просторам дивная песня валдайского колокольчика.

В Новгородском краеведческом музее хранится документ, рассказывающий об основании в 1718 году крестьянином села Валдай Григорием Кузнецовым литейного завода, на котором лили поддужные колокольчики. Певучее ремесло быстро получило распространение.

Изделия кудесников из Валдая завоевали славу во всем Российском государстве. Цена неповторимый переливчатый голос русских колокольчиков, красоту их отделки, иностранцы платили за них большие деньги. Многие шведские и финские мастера литья пытались скопировать музыкальное изделие, но придать бронзе русский звон с серебром в голосе не смогли.

Говорят, когда отливали колокольца, приглашали в литейную девушек, чтобы пели они — металл перенимал чистый девичий голос.

Валдайцы украшали поддужные колокольца рельефами, ставили год

и название села, где они были изготовлены.

...Через много лет несся звонкий бронзовый перелив уже по Бабинской дороге, на Верхотурье. В XVIII веке основной тракт сместился к югу, прошел через Екатеринбург. И помчались по Московско-Сибирской дороге удалые тройки с перезвоном колокольчиков из-под расписной дуги. В версте от перевала, на стыке Европы и Азии, на тракту у незамерзающей даже в студеную пору речки Талицы раскинулась почтовая станция. Отсюда дальше, через Решеты и Екатеринбург, понесся звон в Сибирь...

О нелегкой доле ямщика и сложил уральский поэт-самоучка, приписной ямщик пермской конвойной роты Иван Иванович Макаров задушевную песню. Композитор А. Л. Гурилев переложил ее слова на музыку.

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слёгка...

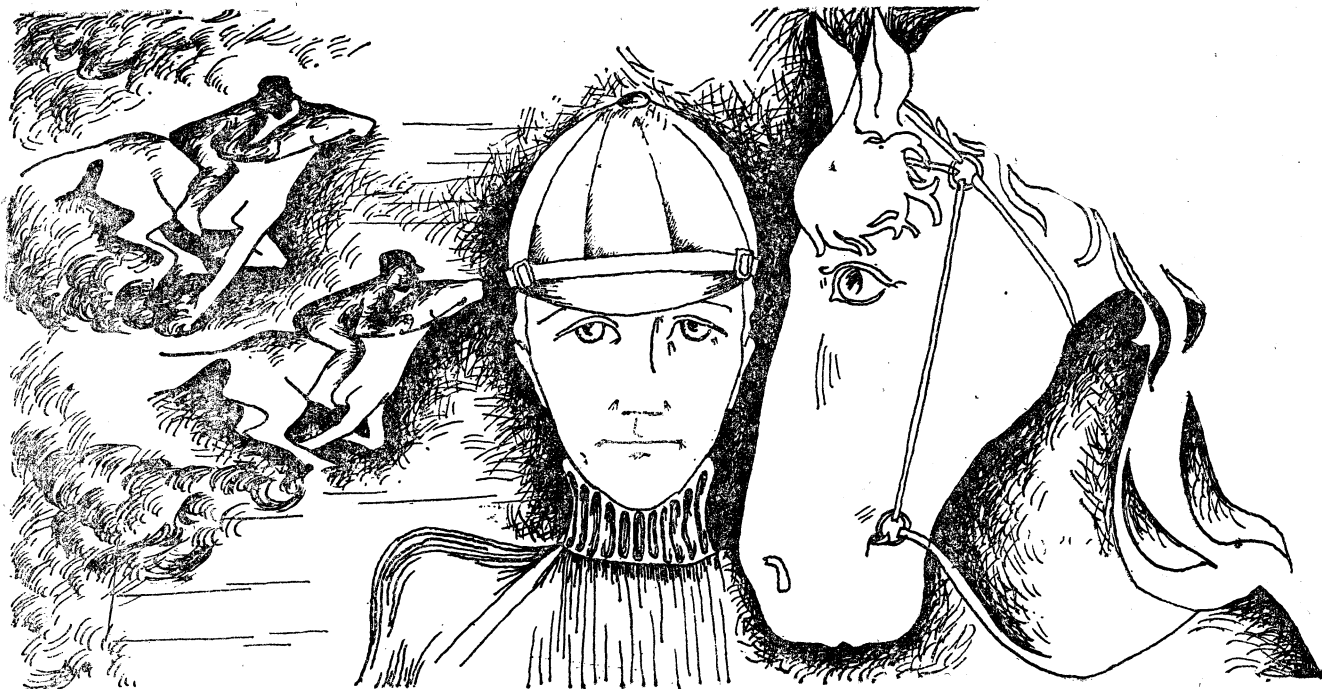
В Нижне-Тагильском краеведческом музее хранится бронзовый колокольчик с надписью в виде каймы по низу: «Купи не скупись, с ним ездя веселится, Валдай».

В XX веке секрет «даров Валдая» был утрачен. В музейных архивах никаких документов на этот счет не сохранилось. Да и самих колокольцев остались редкие единицы.

В наши дни потомки прославленных мастеров вновь воскресили рукотворное ремесло. Они изготовили партию валдайских колокольчиков, ни в чем не уступающих старинным образцам, для Воронежского русского народного хора. Их веселый перезвон вновь звучит на концертах.

САМЫЙ КРАСИВЫЙ КОНЬ

Повесть

**Борис
АЛМАЗОВ**

*Рисунки
С. Малышева*

Машка, ты с ума сошла!

Ах, как замечательно пахнет щами из школьной кухни! А если повар Галина Васильевна печет оладьи, то запах проникает даже сюда, в класс. И ребята еще задолго до второй перемены, когда вся школа ринется в столовую, взволнованно поводят носами.

Стриженные первоклассники мечтают, как они будут слизывать с оладьев клюквенное варенье. Рослые усатые десятиклассники чувствуют, как у них при одном воспоминании о тарелке густых щей начинают урчать животы.

Вот ведь как устроен человек — недавно позавтракал, всего три часа назад, а уж опять есть хочется.

Маша Уголькова зажмуривается и, чтобы не представлять себе румяные булочки и молоко, льющееся в стакан из бумажного кубика, начинает считать в уме, сколько у нее денег. Медяки и гривенники, двадцатчики и полтинники, даже несколько рублевых бумажек завязаны в носо-

Окончание. Начало см. в № 7.

вой платок и хранятся в самом потаенном углу портфеля.

— Марьсанна, — в перемену Маша подходит к учительнице. — Я не могу пойти в ТЮЗ.

— Да что ты, Машенька, такой спектакль замечательный... Ведь билетов всего пять на класс.

— Я не смогу, — говорит Маша и так краснеет, что на глазах у нее появляются слезы.

— Ну что ж, — вздыхает учительница. — Валя Соловьева, хочешь пойти в театр?

— Ой-ой, конечно! — Соловьева подбегает к столу, она самая длинная и самая смешливая девчонка в классе. — Обожаю театр. Просто обожаю!

— Ну вот, возьми билет. Деньги завтра отдашь Маше. Но предупреждаю, если ты опять начнешь хохотать так, что актеров будет не слышно, я тебя в театр больше никогда не возьму...

По дороге домой Маша старается не смотреть на лотки с пирожками, но крик толстой продавщицы лезет ей в уши:

— Горячие — с мясом, с рисом, с повидлом!

— Маша, Маша! — к Угольковой подбегает Юлька. — Кричу тебе, кричу! Вот, — говорит она и показывает новенький полтинник. — Айда в мороженицу!

— Не могу, — говорит Маша, хотя мороженое предпочитает самым вкусным конфетам.

— Что, денег нет? — спрашивает Юлька и внимательно смотрит на нее.

— Нет, — отвечает Маша и опускает голову.

— Врешь. Зачем ты врешь? Я же видела, как ты в перемену деньги считала.

— Это не мои... Не мои деньги, — говорит Маша. — Я не могу их тратить. Не могу!

— А чьи?

— Не могу сказать! Не сердись, Юлечка! Не могу...

— Машка, ты с ума сошла! — говорит Юлька, — ты же и так худущая как шепка, а теперь еще в столовку не ходишь. Я же все замечаю.

— Юленька, так надо! Я потом все объясню! Потом! — и Маша бежит домой, и толстый портфель с галошным мешком бьет ее по ногам.

Учебной рысью — марш!

Панама лежит в постели. Ему кажется, что у него даже веки болят от усталости. Словно сквозь слой ваты, слышит он, как мама выговаривает папе:

— Ты только посмотри на него, ведь он же совершенно искалечен. Ребенок еле дошел домой. Ну, кормить лошадок — это еще куда ни шло, тем более, это даже помогает занятиям в

школе. Но ты бы видел, какой он сегодня пришел! Он же минут пятнадцать сесть не мог. Ребенок уродом станет. И в квартире теперь этот ужасный запах. Что ты молчишь?

— Я не молчу, — говорит отец. — Я даю тебе высказаться.

— Не остри, пожалуйста! Мне совершенно не до смеха. Ты видел, что у него на руке?

— Что у него на руке?

— Рубец в палец толщиной! Я спрашиваю, откуда это, а он говорит: «Шамбарьером досталось, чтобы за седло не хватался». Это, видишь ли, бич такой, на гибкой рукоятке. Вот! Так что там у них — спортивная школа или казарма аракчеевская?! Ты посмотри, у него все ноги в синяках. Это, говорит, об седло. Ну, скажи что-нибудь! Ты же отец!

— Слушай, старик, — отец наклонился над Панамой. — А может, мама права? Брось ты все это! Придумал тоже — лошади... Я понимаю, радиодело там или авиамодельный кружок или, наконец, мотоцикл! А то лошади, ведь это не современно! Ну, где сейчас на лошадях ездят? Одни только чудачки.

Панама открывает глаза и медленно говорит:

— Папа, если ты будешь так говорить, я перестану тебя уважать.

Отец отшатывается и начинает быстро ходить по комнате.

— Черт знает что! — кричит он. — Это черт знает что! Выдумал каких-то коней. Ты же шею свернешь! Ну пойми же: вот ты лежишь сейчас, словно тебя сквозь строй пропустили, как при Николашке-Палкине, а чего ради? Что ты получаешь за свои старания? Ходишь еле-еле, пахнешь, как цветок душистый прерий! А чего ради?

— Корень ученья горек, но плод его сладок! — говорит Панама любимое присловье Дениса Платоновича.

— Сладок?! Да на тебя смотреть страшно!

— Я сегодня полкруга галопом проскакал, — говорит Панама родителям, — только потом за седло схватился.

— И получил бичом!

— Это за то, что испугался. Если бы не испугался, не получил бы. Галоп — это такое! Это такое счастье!

— Это ненормальный! — говорит отец. — Он ненормальный. Ты же завтра в школу идти не сможешь!

— Не-е-е... наверное, смогу, — неуверенно говорит Панама. — Отлежусь и пойду...

— Ну что ты с ним разговариваешь! Запрети, и все! — настаивает мама. — В конце концов, ты — отец.

— И я стараюсь быть хорошим отцом! — с металлом в голосе возражает папа. — Я не хочу, чтобы мой единственный сын всю жизнь попрекал меня тем, что я ему запретил ездить

верхом. Если хочешь, в детстве я тоже несколько раз ездил верхом. И в этом нет ничего ужасного.

— А седло какое было? — спрашивает Панама.

— Без седла! Ватник какой-то стелили.

— А! — говорит Панама. — Колхоз! Не та езда...

— Посмотрим, как ты едешь, — обида звучит в папином голосе.

— Я через полгода на третий разряд сдам, если вытерплю, конечно.

— О чем ты с ним говоришь, о чем вы говорите! — возмущается мама. — Ты запрещаешь ему или нет?

— Я так устал! — говорит Панама. — Вы ругайтесь на кухне, а?

— Он прав! — это папа говорит. — Пойдем на кухню. А ты знаешь, — говорит он, выходя, — мне кажется, эти занятия вырабатывают в мальчишке чертовскую силу воли. Я наблюдаю, как он встает по утрам, чистый спартанец. Раньше такого не было...

Панама не слышит, что возражает мама. В полусне перед ним плывет, качается самый первый день тренировок.

В раздевалке Денис Платонович проводил переключку:

— Васильчук? Нету? Отлично. Вычеркиваем. Бройтман? Нету? Отлично. Баба с возу — кобыле легче. Ковалевский?.. Распределяем лошадей: Олексин — Формат. Ватрушкин — Ромбик. Понамарев, — как вы у нас первый раз, — дадим вам римского императора — Нерона, гонителя христиан и юношей, стремящихся стать всадниками. Маленькое замечание: седлать осторожно — он, хоть и мерин, а строгий, бьет передними и задними, а будешь валандаться с трензелем, может и пальцы прихватить. Вкладывать трензель, удила по-крестьянски, нужно аккуратно, пальцы совать только в беззубый край. Спицын, повтори порядок седловки!

— Подхожу с левой стороны. Если лошадь стоит неудобно, говорю: «Прими!», надевая недоуздок. Зачищаю щеткой коня...

— Стой! Бычун, перечисли части оголовья.

— Ремни, — начинает бойко сыпать маленький верткий мальчишка, — два нащечных, налобный, сугловный, подбородный, поводья. Трензельное железо, кольца...

— Как оголовье носят в руке?..

«Много они знают!», — думает Панама. Ему объяснял раньше Борис Степаныч, но сейчас все вылетело из головы. Еще хорошо, старик ничего не спрашивает, а то бы опозорился.

И вот он тащит, как положено, в левой руке оголовье, седло. Совсем не такое седло, как у жокеев, а огромное строевое, подпруги волочатся по полу. Панама спотыкается за них и чуть не падает. Хочет подпруги поднять, тяже-

лое стремя больно стучает его по ноге. Наконец находит денник с табличкой: «Нерон, мерин, рысак орл. 1962 г. р.»

Панама осторожно входит. Мерин стоит в углу и злобно смотрит на него.

— Тихо-тихо, это я, я, — опасливо говорит Панама и пытается зайти слева. Нерон резко поворачивается и становится к Панаме крупом. «Ой, счас накинёт копытами!» — душа Панамы проваливается в пятки.

— Кто денник открытым оставил? — раздаётся окрик тренера. — Лошадей выпустить хотите?

Панама торопливо запирается, роняет седло, уздечку и остается один на один с меринком, который злобно глядит на него через плечо. Нет, это не добродушный податливый Конус, с которым было легко и весело, а злобный, жестокий зверь, готовый на все. Панама вжимается в угол.

— Эй! Новенький! Как тебя, Понамарев, что ли? Открой! — Панама оглядывается. За дверью стоит тот чернявый мальчишка Бычун.

— Что, прижал он тебя?.. Я тебе! — замахивается он на мерина и тот сразу прижимает уши. — А ну прими! Прррими!.. Вот смотри, как взнуздывают. Понял? Бери голову рукой в обхват! Держи вот так локоть, а то тяпнет. Нууу! Что, напоролся на локоть, гангстер! А теперь смотри, как седло кладут... Ой, тренер идет! Я побежал, а то раскритичит. Ты его не бойся, мерина-то. Он сам боится, вот и лягает.

— Ну что? — входит в денник Денис Платонович. — Так, оголовье надел — полдела сделано. Теперь седло. Ну-ко клади. Так. Подтяни подпруги. Не от пуза, не от пуза... Не по-бабски. Вот. Выводи.

«Никогда я не научусь коня седлать», — думает Панама, шагая в манеж.

— Равняйся! Смирно! Садись! — А Панама маленький, стремя на уровне глаз. Тянет он ногу, тянет, чуть не до плеча, а до стремени не достаёт.

— Путлице сделай длиннее! — это Бычун подсказывает.

А кто его знает, где оно это путлице. А! Догадался: это к чему стремя пристегнуто... Есть, взгромоздился в седло. Ух ты, как высоко.

«Я сижу в седле!» — и буйная радость захлестывает Панаму. Какой же этот Бычун молодец! Помог!

— По-головному шагом марш! — нараспев кричит тренер и чем-то оглушительно хлопает.

— Во! — говорит кто-то за спиной. — Шамбарьер притащил, ну теперь держись, ребята.

Нерон почему-то стоит. Как ни дергает Панама за повод, он стоит.

— Вперед шенкелем подай! — кричит тренер.

И конец бича частично попадает по коню, частично по Панаминой икре.

Нерон срывается рысью. Боже ты мой, какая тряска! Кажется, сейчас в животе что-то оборвется. Ой, куда это все поехало набок!

— Сидеть! — и конец бича достает Панамину спину. Он дергается и выпрямляется. Вот оно что, выпрямиться нужно...

— Стремя брось! По-головному учебной рысью марш!

Кто это только придумал, что ездить на коне удовольствие. Боже ты мой, мучение какое! Ой, ой, ой, ой... Ой, падаю налево, нет — направо...

Через полчаса пот течет с Панамы ручьями, ему кажется, что эта тренировка никогда не кончится. И тут тренер кричит:

— Полевым галопом по-головному!

Что это? Как мягко, как плавно, как быстро пошли кони!

«Я еду, еду, еду...» — опять Панама счастлива. Но в какую-то секунду ему становится страшно. Рука машинально хватается за седло и ее сразу словно огнем обжигает.

— Без спасителя! — кричит старик.

У Панамы слезы навертываются на глаза.

— Слезай! Тридцать приседаний делай!

А ноги-то не гнутся совсем. Ой! Совсем не гнутся. А поясница как болит!

— Ничего, ничего, — говорит Бычун, когда они моются в душе. — Ты вон ничего не стер, а у меня в первое занятие такая язва была, ду-

мал, вообще нога отвалится. Давай терпи!

— А что он бичом-то дерется! — рассматривая рубец, спрашивает Панама.

— Ты что «дерется»?! Это он тебе показывает ошибку! «Дерется!» Этим бичом, если драться, можно человека пополам перешибить.

— Сказал бы словами!

— Пока он скажет, да пока ты поймешь, сто лет пройдет — из седла тыщу раз полетишь. И, вообще, не обращай внимания на физическую боль. Мало ли что может случиться. Вон во Франции на скачках из-под копыта камень вылетел, жокею глаз выхлестнуло, а он ничего, скачку закончил. А упал бы, так еще неизвестно, остался ли жив. А тут к финишу вторым пришел. Ему орден Почетного Легиона дали.

— Нужен мне этот орден...

— А мог еще чего похуже — коня, например, изувечить, с перепугу-то! Надо в себе стойкость вырабатывать... Ну, посмотрим, придешь ты на второе занятие или нет, — ухмыляется Бычун.

Корень ученья

Но Панама пришел и на второе, и на пятое, и на двенадцатое занятие. Стиснув зубы, преодолевая боль, делал он по утрам гимнастику.

Пятьдесят наклонов, пятьдесят приседаний... Без пальто бегом до школы, бегом из школы — вот двухсотметровка. Два часа — на домашние задания и на троллейбус, и та же обычная пытка.

— Отстегнуть стремена! Отдать повод, учебной рысью марш! — Хлопок бича и резкий окрик: — Где локоть? Прижать! На Нероне — колено плавает, плавает колено! — И конец шамбарьера ударяет по ноге. — На. Формате — спину держи! Крючок, а не посадка! Понамарев, вперед смотреть! Взгляд на копыта впереди идущего! Что нос висит? Пятку вниз! Пятку! — И опять бичом!

Это не больно, но очень обидно. Словно в тебя, как в географическую карту указкой тычут. А сидеть и так трудно — стремена отстегнуты, опереться не на что. Жмет Панама коленями тугие конские бока. А от колена до щиколотки нога должна быть свободна, это шенкель — средство управления. Им, в основном, лошадь-то и командуешь. Жмет Панама, от напряжения спина взмокла, а за ним, закусив губу, Бычун едет на Формате.

Бычун маленький — Формат большой, у мальчишки ноги торчат в разные стороны, будто он шпагат делает.

Только Бычун да Панама из двадцати мальчишек, что в первое занятие ездили, и остались. Остальные бросили. Кого отметки заели, кто устал синяки считать, кому Денис Платоныч сказал язвительную фразу:

— Вы, кавалер, любите не коня, а себя на коне, стало быть, с конным спортом вам не по дороге! Пересаживайтесь на мотоцикл...

Идут дни. Сильно похолодало. Теперь, когда они выходят из манежа после тренировки, от конских потных крупов идет пар. Лошади шумно вздыхают, передергивают кожей. А рядом с ними на дрожащих ногах, шатаясь от усталости, шагают мальчишки.

А завтра опять!

— Лечь на круп! Покачать шенкелями! Поменять лошадей!

Панама уже всех учебных коней знает. Вон шагает злобный, истеричный Нерон, который, кажется, только и ждет момента, чтобы укусь или лягнуть. У него есть излюбленное издевательство: с разбегу прижаться боком к стене. И когда всадник, скрючившись от боли, хватается за колено, Нерон его мгновенно сбрасывает и ржет залиvisto и нагло, точно смеется.

Тяжело ступает огромный, как слон, Формат, нет такой силы, которая подняла бы его в галоп. Панама кажется после тренировки, что не он на Формате ездил, а Формат на нем.

У Ромбика на правом глазу бельмо, поэтому он очень пуглив. Хлопнет бич, он сразу влево шархнет, боится, что его со слепой стороны опасность подстерегает.

Раз в две недели Панама получает «хорошую встряску для массажа кишок», как говорит Денис Платоныч, на Карантине. Карантин был в прошлом довольно порядочным рысаком. От его спортивного прошлого осталось неудержимое стремление быть первым и невероятно крупная рысь, от которой у всадника глаза готовы выскочить на лоб, а мозги перекатываются в черепе. Скакать на нем — все равно что ехать на взбесившемся паровозе.

— То ли дело у Бориса Степановича Коноус, — мечтательно сказал как-то Панама Бычуну, когда они вместе шли с тренировки.

Мастера тренировались в той части манежа, куда на учебных лошадях лучше и не показываться. Там пофыркивали, мягко переступая точными ногами, кровные красавцы. И всадники неувольными движениями заставляли выделять их сложнейшие фигуры высшей школы. Плавно, как во сне, длинные гнелые тела взмывали над барьерами. Это был другой мир, прекрасный и недостижимый.

— Наши-то не виноваты, что они такие, — ответил Бычун. — Надо любить их такими, какие они есть. Я так считаю.

— Ха! Любить! Вот меня Вермут так крупом в деннике придавил — думал, умру, — вспомнил Панама. — Вот его и люби.

— А ты знаешь, что Денис Платоныч Вермута на улице из телеги выпряг. Вермута возница поленом по голове бил. Вот он теперь людям и мстит. Люди сами виноваты.

— Плохо, что на этих лошадях сегодня один, а завтра другой. Они привыкнуть не успевают. Закрепили бы за каждым коня.

— Нельзя, — сказал Миша Бычун. — К одному привыкнешь — на другом ездить не сможешь, у нас еще класс низкий. А так, конечно, хорошо иметь своего коня. Это друг. А у тебя есть друг?

— Был, — сказал Панама, — мы с ним рассорились. Понимаешь, тут все тренировки, да тренировки... Столбов его фамилия.

— Да, — задумчиво ответил Миша. — Нам дружить трудно... Но лучше всего с хорошей девчонкой дружить.

— Да ну их! — и Панама почему-то покраснел, еще хорошо, что темно было на улице.

— Конечно, смотря какая девчонка, — сказал Миша. — Я про хорошую говорю. Чтобы раз подружиться — и на всю жизнь.

— Можно с мальчишкой дружить всю жизнь. Еще и лучше даже.

— С девчонкой интереснее. Мальчишка — он такой же, как ты сам, а девчонка совсем-совсем другая. Девчонки — они смешные... А тебе какая-нибудь девчонка нравится?

— Не-а...

— Так как же ты живешь? — Бычун даже остановился. — Это же скучно. А мне нравится.

Только она в другом городе живет, я туда на каникулы к бабушке ездил.

— А она кто?

— Как это кто?

— Ну, какая она?

— Хорошая! — твердо ответил Миша. — А что мне там сказали, что она с нахимовцем переписывается, так это врут от зависти, что она со мной дружит... Ну, мне в метро. Пока! — и он протянул жесткую сухую ладонь.

Панама две остановки прошел пешком. Все думал. Накрапывал мелкий дождь. Шуршали по асфальту шинами троллейбусы, а Панама думал о Юле Фоминой.

Хорошо бы приехать к школе на коне. Только так, чтобы по всей форме. Алый сюртук, белые брюки, высокие сапоги и рубашка с кружевами. А конь чтобы был вороной и белые подпруги, скромно и нарядно. Тогда бы она наконец увидела, что такое Понамарев на самом деле. Он бы прошел круг по спортивной площадке коротким галопом, потом в центре — свечку, и прыжком через изгородь.

— Да, тогда бы она поняла, — вздохнул Панама. — А то и не замечает.

Он никому не рассказывал, что учится ездить верхом. На это было много причин. Ну, во-первых, это была не только его тайна, но и Бориса Степановича, тот ведь тоже никому ничего... А во-вторых, Панама хотел сразу всех удивить. Прийти в класс и сказать так небрежно:

— Завтра всесоюзные соревнования, кто хочет за меня поболеть, приходите, я билеты на проходной оставлю.

«Только когда это будет! — вернулся он с небес на землю. — Еще и барьеры прыгать не начали, все шаг да рысь. В других группах давно прыгают. А Денис Платонович одно, знай, кричит: «Ноги макаронные! Спина, пятка, подбородок, локоть!..» А то еще: «Что зад, как пузырь, отставлен? Сесть под себя!» — и шамбарьером.

Панама вздохнул: «Поделиться-то не с кем». Бычун так же мучается, эх, вот Столбов был бы... Все-таки друг. Хотя Столбов вряд ли понял бы Панаму. Он все «я» да «я». И болтает все время ерунду.

А как Денис Платоныч говорит: «Только тот настоящий конник, для кого «я» интересно только после коня. Не будете чувствовать лошадь — никогда ездить не научитесь. А чувствует лошадь только тот, кто о ней постоянно думает».

Как он Спицына-то выгнал! У него лошадь стала в коридоре, сзади кричат: «Чего стал!», а Спицын коня тянул-тянул, а потом как даст ему ногой. Денис Платоныч подходит и тихо так говорит: «Вон из манежа». Только Спицына и видели.

— Вы поймите, поймите, — говорил тренер, — лошадь слабее человека! Для человека двести двадцать вольт — опасно, для коня — восемнадцать смертельно. Вот говорят громадная, «лошадиная доза» лекарств. Да чтобы отравить лошадь, яду нужно в пять раз меньше, чем человеку! Коня можно руками изувечить: резко голову к крупе поверни — вот и плечевая хромота. Неизлечимый порок, хромота на всю жизнь.

Панама уже много всего про лошадей знает. Недаром у них раз в неделю теория. Два часа сидит он в классе и, раскрыв рот, слушает удивительные истории о конях и всадниках. А Денис Платоныч мастер рассказывать. Услышанное Панаму распирает, а вот поделиться не с кем. Он бы все Юле Фоминой рассказал. И про его мучения она бы тоже все поняла — ведь она спортсменка. Нет, Панама не стал бы жаловаться, а просто обидно: он так старается, ему так трудно, и никто об этом не знает. Родителям нельзя рассказывать, а то еще чего доброго запретят в манеж ходить.

«Надо с Юлей подружиться», — решает Панама.

Не могу больше!

«Не надо было вчера телевизор смотреть!» — думает Панама.

Идет второй урок, и его неудержимо тянет в сон. Учительница что-то объясняет у доски, стучит мел, доска покрывается цифрами. Стоит Панаме посмотреть чуть подальше на них, как глаза у него начинают сами собой закрываться. «Квадратные скобки... Круглые скобки... Умножение и деление делаются прежде вычитания и сложения... Масти бывают: чубарая, каурая, вороная, гнедая, соловая. Чистокровные скаковые бывают, в основном, гнедые. При делении простой дроби знаменатель делителя пишется... Чтобы поднять лошадь в галоп с левой ноги, нужно сделать правое постановление, то есть повернуть голову коню поводом так, чтобы видеть правый глаз коня...»

Страшный удар в бок заставляет Панаму открыть глаза. Он сидит на полу рядом с партой, а все ребята просто умирают от смеха. Напрасно учительница стучит по столу ладонью. Класс развеселился! Еще бы, не каждый день ученик на уроке засыпает и с парты падает.

Домой Панама несет замечание в дневнике «Сорвал урок математики. Рассеян. Стал хуже учиться». Дневник отец подписывает в субботу. Значит, попадет только в субботу.

— Ой, — говорит сам себе Панама. — Сегодня среда — сегодня вольтижеровка.

И у него заранее начинают болеть мышцы рук и ног.

В манеже сначала идет общая подготовка.

— Лечь! Встать! Лечь! Встать! Взять скакалку! Бегом со скакалками марш! — Панама машет скакалкой и она то и дело захлестывается у него на шее, того гляди сам себя задушит.

— Сесть на корточках, «гусиным шагом» марш...

Панама кряхтит, ему кажется, что у него уже не то что ног, а вообще ничего до самой груди нет, что он уже превратился в бюст, в памятник, который торчит на их улице еще с дореволюционных времен...

Но самое страшное еще впереди. Приводят Лафета. Лафет — огромная вороная лошадь, на его широкой спине может уместиться вся группа мальчишек, Лафет бежит по кругу, а они один за другим должны вскакивать в седло.

Для Панама вскочить на высокого коня — все равно, что вскочить на крышу идущего автобуса. А спрыгнуть — все равно, что спрыгнуть с парашютной вышки.

— Бычун!

Ну, Мишка хоть куда запрыгнет. Вот он переминается на месте, вот побежал с конем, вот своими тонкими жилистыми руками схватился за седло, раз, и уже едет.

— Понамарев! — Панама тоже хочет сделать все так же легко, как Бычун. Он переминается на месте, бежит и ударяется о бок коня.

— Вы что, мальчик, — кричит тренер, — забодать коня хотите? Еще раз!

Панама переминается, бежит, зажмурившись, прыгает и попадает лбом в стенку! Не успел! Лошадь уже пробежала...

«Не могу я больше! Не могу!» — думает он, а слезы градом катятся из глаз.

— Без соплей! — кричит тренер. — Не разводите в манеже сырость, а то у коней мокрец заведется! Кстати, что такое мокрец? Понамарев!

— Болезнь, — всхлипывая, отвечает Панама. — От сырости она...

— Точнее! Бычун!

— Поражение венозного и путового сустава, возникает при...

«Чего ради я мучаюсь, — думает Панама. — Все равно я никогда не научусь прыгать, как Бычун. Да и зачем это? И без этого можно прожить. Вон папа вообще ничего не умеет, а какой сильный! Выбрал я спорт какой-то несовершенный! Умные ребята в фотокружок ходят, в радиокружок, а я как дурак — лошадей выbral! Брошу, не могу я больше!»

Ему от этой мысли даже радостно стало. «Ну и что, — думал он, — а кто сейчас умеет верхом ездить? И ничего...»

Он шел по улице домой, пытался сумкой

размахивать, а руки-то болят. Быстро идти тоже не может — ногам больно.

— Брошу, брошу! — твердит он. — Столько мальчишек уже бросили. И тренер попался какой-то... Вон в соседней группе, ездят себе потихонечку, уже барьеры прыгать начали, а мы все «лечь-встать, отстегнуть стремяна!». А ну-ка поезди всю тренировку без стремян! Это он специально, да еще шамбарьером бьет. Старый, а злой какой! Брошу! Завтра же брошу! Не могу я больше!

Женские слезы

Панама вошел в свою подворотню. У них во дворе был маленький садик и песочница, в которой по утрам копошились малыши, а вечером собирались взрослые мальчишки, громыхали на гитаре, пока их дворничиха не прогоняла. Сейчас темно, холодно и в садике никого нет. Нет, есть! Посмотрите, кто-то идет навстречу Панама. Да это же Маша Уголькова!

— Здравствуй, Игорь!

— Привет. Ты чего?

— Я — ничего. Игорь, ты не бойся. Вот держи... — И она сует в руки Панама узелок, из которого сыплются на песок какие-то монеты, звякнув, катятся по дорожке блестящее колечко.

— Машка, ты что, сдурела? Зачем мне это?

— Бери, бери! Теперь они не будут тебя обижать!

— Кто? — совсем сбивается с толку Панама.

— Бандиты! — шепчет Маша.

Панама только обалдело смотрит на нее.

— Игорь, я сегодня смотрела на тебя на физкультуре, когда мы в ручеек играли, ты же весь в синяках. У тебя прямо рубцы на теле. Я читала, одного мальчика так басмачи пытали — били его проводами... Игорь, ты им, наверное, задолжал? Скажи, да? Угадала ведь? Вот деньги и колечко, — приговаривает Маша, ползая по песку и собирая рассыпанное богатство. — А еще можно у бабушки попросить — она даст, и ты расплатись с ними... Игорек, ты ничего не бойся! Они тебя вовлекли и запутали. Тебя дома нет, из школы ты прямо бегом бежишь... Я давно хотела с тобой поговорить, да за тобой разве угонишься! А сегодня как посмотрела на тебя: «Нет! — думаю, — хоть до утра сидеть буду, а дождусь, не могу я, когда человек на глазах пропадает».

— Ты что?! — сказал обалдевший Панама. — Чернил выпила? Вот девчонки, начитаются всякой дряни, телевизора насмотрятся и выдумывают.

И тут он услышал странный звук.

— И-и-и... — тоненько так запело, жалобно. А это Маша скрючилась вся и плачет.

— Да не реви ты!

Но Маша только руками замахала. Встала и пошла, только плечи дергаются, да помпон на шапочке дрожит.

— Стой, Маш, да не реви ты. Ну, подожди. Ну, Маша!

— И... и... — и всхлипывает.

— Ну послушай, только я тебя очень прошу, никому пока не говори!

Всхлипывания стали потише.

— Я занимаюсь в школе верховой езды. — Панама сам удивился как это торжественно прозвучало.

— Не хочешь правду сказать, — сквозь слезы проговорила Маша.

— Нет, честное-пречестное! Бориса Степаныча спроси, он тоже там занимается. Он меня и устроил.

— И ты учишься кататься верхом? — выдохнула Маша.

— Не кататься, а ездить, — солидно поправил Панама. — Катаются верхом на палочке.

— А я бы никогда не смогла к лошади близко подойти! Я даже мышей боюсь.

— Чего там, — ответил Панама, но потом ему стало неловко. — Вообще-то, я тоже мышей боюсь.

— Все равно, все равно ты очень смелый! Игорек, а можно мне когда-нибудь хоть одним глазком посмотреть, как ты катаешься там?

— Езжу, — поправил Панама. — А чего ж нельзя! Можно. Вот будут соревнования и приходи, я тебе билет достану, с ребятами познакомлю.

— А на тренировку нельзя?

Панама представил, как Маша в своем чистеньком платьице смотрит, как они, потные, грязные, злые, крутятся в пыли манежа, как хлопает бич и слышатся такие слова, которые лучше вообще никогда не слышать.

— На тренировку неинтересно, — сказал он. — Вот скоро конкурс будет — приходи. Борис Степанович выступать будет.

— Какой конкурс?

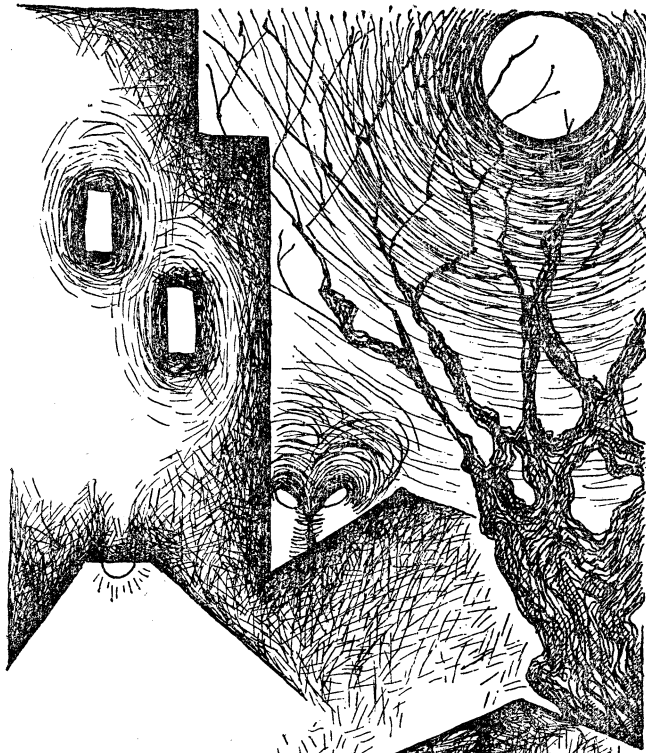
— Преодоление препятствий в закрытом помещении, — отрапортовал Панама.

Недаром Денис Платоныч заставлял их зубривать длинные фразы из пособий по конному спорту. Он мог в самый неподходящий момент, когда вся группа шла манежным галопом, крикнуть:

— На Вермуте — повтори порядок принятия коня с места!..

— Взять шенкель строже. Повод разобрать короче, принять на себя, пока лошадь не сделает шаг назад. Отдать повод одновременно с шенкелем и наклоном корпуса вперед...

— Не слышу! Что вы мямлите под нос! Подбородок выше! Где пятка? Повторить порядок седловки!..

— Конкурс — это в манеже препятствия ставят и нужно их перепрыгнуть в определенном порядке. Высота — метр тридцать.

— А если перепутаешь? — испуганно спросила Маша.

— Снимут с соревнований. Вон на Олимпийских играх Михеев перепутал, и золото — тютю...

Домой Панама пришел поздно.

— Почему задержался? — спросила мама. — Ты ведь знаешь, я и так за тебя волнуюсь, на этот твой манеж провожаю тебя, как на фронт.

— Да я около дома погулял немного, — уминая ужин, ответил Панама.

Когда он залез под одеяло, спать почему-то совсем не хотелось. «А все-таки Маша — хороший человек, — думал он. — Я даже не боюсь, что она кому-нибудь разболтает. А было бы лучше, если бы это была не Маша, а Юля».

— Папа!

— Ну, — откликнулся сонным голосом отец.

— Я, оказывается, не выношу женских слез...

— Это у тебя наследственное... Спи, — ответил отец.

Кавалетти, заборы, подсечки...

Кавалетти — это тренировка перед прыжками. Лошадь просто перешагивает через жерди, одним концом лежащие на земле, а всадник в это время, отпустив повод, ведет себя так, словно это прыжок.

— Да! — говорит Бычун. — В первой группе давно уже вон какие барьеры прыгают, а мы все перешагиваем.

Наступила зима, теперь белые звездочки падают на спины коням, когда их ведут в конюшню через двор. Панама чувствует, как сильно изменилось его тело, он словно бы подсох. Натянулись и стали каменными мышцы живота, окрепли ноги — хоть сто приседаний подряд делай. Теперь уже он не болтается в седле, а сидит прочно, уверенно. Экономно расходует силы и коня не затрудняет. А поседлает лошадь теперь хоть с закрытыми глазами за полторы минуты.

— Равняйся! Смирно! Тема занятия: преодоление препятствий. Высота барьера — тридцать сантиметров. Садись! Размять лошадей.

«Ну вот, — думает Панама, разъезжая по манежу: вольт налево, вольт направо, шагом, рысью. — Сегодня самое интересное начинается. Сегодня будем прыгать».

Денис Платоныч рывком поднимается в седле. Резко набирает повод. Рысью, рысью, поднял в галоп.

— Посыл! — вскрикивает он, и конь перелетает жердочку. — Ясно? Понамарев, пошел!

Лошадь вдруг проваливается вниз и седло больно ударяет Панаму.

— Отстал! Огладить лошадь. Повторить.

Второй, третий, седьмой раз... Панама уже все понял, а вот сделать не может. И Миша Бычун, и все остальные ребята.

— Понамарев, не горячись! Спокойнее! Коня нервируешь. Повтори.

— Денис Платоныч! — говорит Панама. — Помогите шамбарьером. Я никак момент поймать не могу.

Что-то дрогнуло в лице старика.

— Хорошо, — говорит он. — Только не горячись.

Длинный бич змеится по песку.

— Вперед! Посыл! — короткий удар по голени у Панаминоного сапога.

— Есть! — радостно вскрикивает мальчишка. — Есть! Поймал!

— Конечно, есть! — весело отвечает тренер. — Раз сам бича попросил, не может не быть. Мне кажется, Понамарев, вы становитесь всадником.

У Панама от этих слов делается горячо в груди.

— Можно еще?

— Ну, разве что разок, а то ты совсем коня замотал. Пошел!..

А в дальнем углу манежа тренируются мастера. Манеж заключил контракт с киностудией, и вот теперь конники учатся падать. Панама вышагивает усталого коня и следит, как падает Борис Степанович. Вот он поднял лошадь в галоп. У коня на передних ногах два кольца. Сейчас они под грудью. Ремни от этих колец у всадника в руках. В короткое мгновение, когда передние копыта касаются земли, всадник отдаст ремни — кольца скатываются к копытам. И тут же нужно за ремни дернуть. Конь и всадник летят через голову...

Каждый раз, когда всадник делает подсечку, у Панама обрывается сердце, и в то же время ему хочется попробовать самому.

— Что, Игорь, — кричит Борис Степанович, — похоже?

— Здорово! Очень здорово! — откликается Панама. — А вы не устали?

— Нельзя уставать! Во вторник съемка... А Конус еще падает плохо, если упадет на жесткий грунт, может пораниться. Нужно научить его на бок падать. Так что никак нельзя уставать.

В лучшем случае...

— Литературы не будет! — ворвался в класс Сапогов. — Борода в школу не пришел.

— Ура! — закричали мальчишки.

Панама вздрогнул. Он поймал испуганный взгляд Маши Угольковой и быстро пошел к двери.

— А! — закричал Сапогов. — Сорваться хочешь! Не выйдет, — и он растопырил свои огромные ручки.

— Пусти, — сказал Панама и голосу своему удивился. Он был резкий и дрожал. — Пусти, говорю!

— Предъявите документы! — заорал Сапогов. Но в этот момент получил такой толчок в грудь, что от неожиданности сел на пол. Когда он опомнился и выскочил в коридор, Панама был уже в учительской и дрожащими руками набирал номер телефона манежа.

— Але! Кто это? Денис Платоныч, что с Борис Степанычем?.. Разбился?! Как разбился?.. В какой больнице? Да какие теперь занятия. Да как же он так... Вот беда-то... — проговорил он, вешая трубку. И тут он увидел, что на него тревожно смотрят учителя, что были в комнате.

— Борис Степанович вчера на съемках разбился! — сказал он, словно оправдываясь.

— На каких съемках? Где?

Но Панама уже бежал в класс. У него было такое лицо, что Сапогов, ждавший его с мокрой тряпкой в руках, ошалело отступил.

— Вот беда-то, вот несчастье... — приговаривал Панама, запихивая книжки и тетрадки в портфель. — Борис Степанович вчера на съемках разбился, — ответил он на испуганный взгляд Маши, — не знаю как. Денис Платоныч говорит, что крепко. Вчера Конуса привели — все седло поломано, оборваны стремяна и подпруги в клочья. Побегу в больницу...

Но в больницу Панаму не пустили. Дежурный врач, заглянув в какие-то бумаги, сурово спросил:

— Это что, твой отец?

— Учитель. Учитель мой. Что с ним?

— Перелом ребер, перелом лучевых костей со смещением, но самое скверное: перелом коленного сустава. Вот это, брат, скверно...

— Ногу отрежут? — похолодел Панама.

— Ногу не отрежут, но это будет уже не та нога. В лучшем случае двигательные функции восстановятся года через два-три. Это, повторяю, в лучшем случае.

— А в худшем?

— А в худшем, нога не будет сгибаться.

— Как же он ездить верхом будет, доктор?

— Эх, малыш, сейчас вопрос в том, будет ли он без костылей ходить, а не то что ездить... Иди домой, дорогой. Я тебя все равно к нему не пушу — ему сейчас не до тебя.

— Доктор, вы ему передайте, чтобы он за Конуса не волновался. С ним будет все в порядке, все как следует...

— А что это за конус?

— Это его жеребец. Конь его. Борис Степа-

нович на нем... — Панама чуть было не сказал «ездил», но проглотил невесть откуда взявшийся в горле комок и ответил твердо: — Это его конь!

— Хорошо, я передам. Ступай, малыш, домой. Все, что мы можем для твоего учителя, сделаем.

Панама медленно вышел в больничный сад. Холодный ветер мел по асфальту снег и пыль, свистел в кустах, что, как веники, торчали вдоль тротуара.

— Понамарев! — Панама оглянулся. По дорожке как-то вприскок шел-торопился Денис Платоныч. — Ну что там? У доктора был? — спросил он, задохнувшись от быстрой ходьбы.

Панама рассказал.

— Вот несчастье! — Денис Платоныч рухнул на скамейку. — Такой спортсмен, такой мастер, а человек какой! Умный, интеллигентный, образованный, добрый... Боже мой! Боже мой! Ведь он и разбился-то, коня спасая. Мне сейчас ребята рассказали. Кони стрельбы испугались — понесли. Всадники бы справились, но места нет, понимаешь, места нет... Забор там какой-то каменный и овраг за забором. Забор невысокий, кони нацелились через него прыгать, а он не только первому коню прыгнуть не дал, а и его-то спас: как-то так развернулся да сам с коня об стену, да через забор, да в овраг... А кони все целы, все...

Ночной звонок

— А я предлагаю такой выход. Сейчас будем звонить прямо по списку и посмотрим, что нам ответят, — сказал начальник манежа.

Шел второй час ночи, но в его кабинете сидели люди. Здесь были тренеры, ветеринар, старший конюх.

— Я прошу добавить в список еще одну фамилию, — сказал Денис Платонович.

— Какую? И так уже шесть человек...

— Понамарев. Пусть он будет седьмым.

— А кто это?

— Вы о нем скоро узнаете, — усмехнулся старый тренер. — Поверьте моему опыту, права он имеет равные со всеми.

— Ну, хорошо. Я начинаю, — начальник манежа снял трубку. — Извините, пожалуйста, за столь поздний звонок, можно позвать мастера спорта, — и он назвал фамилию. — Это вы? Вас беспокоят из манежа. Заболел Конус, мы не знаем, что делать? Да? Вы думаете, нужно старшего конюха разбудить? Вызвать ветеринарную скорую? Хорошо. А вы не могли бы приехать? Нет, я не шучу. Да, такси, действительно, поймать трудно. Ну, извините, — начальник манежа повесил трубку и вычеркнул

первую фамилию. Он сделал это так жесто- ченно, что карандаш порвал бумагу...

Панама видел цветные сны и от удовольст- вия причмокивал губами, когда в квартире за- звонил телефон.

Папа нащупал босыми ногами тапочки и по- шел в переднюю.

— Да, — сказал он хриплым сонным голо- сом. — Он спит. Ему завтра рано вставать. Да что вы, товарищи, ночь на дворе... Ну, ладно, попробую... Да, я понимаю...

Панаме снилось солнце, синее небо, зеленое поле и по этому полю они скакали на конях. Он, Маша, Юля и даже Столбов. Кони плавно неслись, словно по воздуху, потому что трава под ними не приминалась. «Как же вы так ска- чете?» — спросил Панама у коня. Тот повернул к нему голову и вдруг ответил папиным голо- сом:

— Игорь, Игорь, позвонили с манежа — Конус заболел...

— Что? — Панама с трудом разлепил веки. — Что? — вскрикнул он, когда до него дошел смысл сказанного. — Счас, счас...

Он начал торопливо хватать одежду.

— Что с ним? — закричал он в трубку. — Ложится? Опять. Наверное, обкормили. Я сей- час приеду...

Трубка что-то возражала, но Панама не слы- шал.

— Ты с ума сошел! — в дверях стояли роди- тели.

— Поймите! — умоляющим голосом сказал он. — Ведь конь может умереть...

Родители переглянулись.

— Я поеду с тобой! — сказал отец. — Во- первых, ночь... А, во-вторых, может быть, я тоже чем-нибудь пригожусь.

— Да! А я, по-вашему, буду сидеть здесь и волноваться? — сказала мама. — Я тоже по- еду. Хоть теперь посмотрю, что это за манеж такой. Каким он медом намазан, что единст- венный сын скоро дом на конюшню променяет...

Они быстро оделись, выскочили на улицу. Им повезло: какой-то частник охотно открыл дверцу своей новенькой машины.

— Что с Конусом? — ввалился в кабинет на- чальника манежа Панама.

Все сидевшие в кабинете обернулись. Воца- рилось неловкое молчание.

— Все хорошо! — весело сказал Денис Пла- тоныч. — Все хорошо, мальчик. Ты — молодец. Это твои родители? Честь имею представиться... У вас хороший, добрый мальчик...

— Что же — сказать ему? — нерешительно спросил начальник манежа.

— Нет, в самом деле решаете так неле- по такой серьезный вопрос? — возмущенно спро- сил один из тренеров.

— Отчего же нелепо? — спросил Денис Пла-

тоныч. — Самый правильный способ. Но я ду- маю, нужно обставить это торжественнее. После экзаменов, я думаю... Извините нас, вышла ма- ленькая несуразность, — раскланялся Денис Платоныч перед родителями Панамы.

Никогда еще мальчишка не видел своего тренера таким веселым. «Чем же старик так доволен? — подумал он. — Ох, неспроста все это!»

Они вышли на улицу. Стояла непривычная для города ночная тишина. Из темноты над головами медленно падали большие пушистые хлопья. Они серебрились в свете фонарей и плавно ложились на плечи, на дома.

— Веселенькая шутка, — сказал папа, — поднять людей в два часа ночи за здорово жи- вешь. Черт знает что!

— Мне кажется, здесь что-то непросто! — сказала мама. — Но Игорь поступил правиль- но! Вспомни, как тренер его прямо расплылся весь от удовольствия...

— Эх! — сказал Панама. — Вы посмотрите, какая ночь красивая! Как будто новый год! Это хорошо, что нас разбудили, а то бы мы спали и ничего не видели. Как тихо! И снежинки падают, словно письма от снежной коро- левы...

Мама остановилась и, поймав снежинку на рукавицу, сказала:

— Отец, тебе не кажется, что твой сын ста- новится поэтом?

— Мне кажется, что он еще и не такую но- чную тревогу нам устроит. Этот бег на конюш- ню — цветочки, а ягодки впереди...

— Да брось ты ворчать! — сказала мама, скатала снежок и хлоп — папе в спину.

— Стой! — сказал отец. — Есть предложение! Давайте слепим снеговика и поставим его на перекрестке, вместо милиционера. А?

Ты ничего не понимаешь!

Панама шел по заснеженной улице и в ру- ках у него были завернутые в несколько слоев бумаги цветы. Рядом с ним с одной стороны шла Маша Уголькова, а с другой Юля Фомина. Они шли домой к Борису Степановичу.

Собственно, собирался идти один Понама- рев, но Маша заволновалась, разохалась: «Как же так — идти с пустыми руками! Нужно обя- зательно цветов купить! Да ты сам выбрать не сумеешь! Я с тобой пойду, хотя мне ужасно неловко». А Юля Фомина просто подошла и сказала: «Вы к Борису Степановичу? Я с вами».

Светило солнце, плясали солнечные зайчики. Они прыгали на стенах домов, на боках авто- бусов, норовили заскочить в глаза, а прохожие

морщились, отворачивались и у всех были очень забавные лица.

— Открыто! — прозвучал за дверью знакомый голос. — О! Вот это сюрприз! Проходите. И цветы! Ну спасибо, спасибо...

Борис Степанович сидел в кресле, худой, с землисто-желтым лицом и нога у него была неестественно вытянута, но он улыбался так радостно, что ребята скоро забыли про его болезнь.

Они весело рассказывали, как идут дела в школе. Никогда еще Панама не видел, чтобы Юля смеялась так заливисто. «Какая она красивая, — думал он, — и глаза смеются, и волосы такие густые. И вся она какая-то совсем взрослая».

— Хотите — я вам кофе сварю? — сказала Юля. — Мы ездили в Швецию на состязания и там меня научили такой кофе варить! Все шведы пьют такой кофе по утрам...

— Да не стоит, — сказал Борис Степанович. Но Юля уже гремела посудой на кухне.

— У вас «арабик»?

— А бог его знает, — ответил Борис Степанович, — я его от случая к случаю покупаю.

— Ну что вы, кофе обязательно должен быть в доме.

Борис Степанович наклонился к Маше и заговорщически спросил:

— А ты умеешь кофе варить?

— Нет, — тихо ответила она.

И вообще она все молчала и сидела в сторонке.

— Я тоже, — подмигнул ей Борис Степанович и засмеялся.

— Я зато борщ умею! — просияла Маша. — И блинчики с мясом и пирог.

— Красота! Вот у меня нога новая вырастет и мы с Игорем придем к тебе обедать. Хотя его сильно кормить нельзя, а то будет мучиться, как Фред Палмер. Он за пятнадцать лет работы на ипподромах мира вынужден был выпарить в бане пять тонн веса. Но тебе, Игорь, это, по-моему, еще не грозит.

— Вот и кофе! — Юля внесла поднос с маленькими чашечками. — Берите сахар.

Хлопнула дверь в прихожей.

— О! Да у тебя гости, — сказала красивая девушка, входя в комнату. — А я еще на лестнице подумала: «Где это так вкусно кофе пахнет?»

— Это вот у нас мастерица Юля, — сказал Борис Степанович, — Ну, иди мой руки да садись с нами.

— Это ваша сестра? — спросила Юля и голос ее показался Панаме каким-то странным.

— Нет, — ответил Борис Степанович.

Девушка вернулась и они стали с Борисом Степановичем о чем-то весело говорить.

— Да! Я же не представил тебе гостей, —

сказал учитель. — Этот вот наш знаменитый конник Понамарев, это Юля — можно сказать, будущее фигурного катания. А это Маша...

— Ничем не знаменитая, — весело сказала Маша.

— Неправда. Ты моя самая любимая ученица.

— Да ну вас, Борис Степанович...

— Извините. Мне нужно на тренировку, — сказала Юля, — я пойду.

— Да выпей хоть кофе.

— Нет, я пойду, мне нужно, — она быстро оделась и ушла.

— Чего она убежала? — спросил Панама, когда они шли по улице с Машей. — По-моему, никакой тренировки у нее нет.

— Эх ты, — ответила Маша, — ничего ты не понимаешь...

Бывает в жизни все...

Первым уроком была история. Мария Александровна окинула взглядом класс и сказала:

— Фоминей Юли нет. Бедная девочка... Это после вчерашнего.

— А что случилось? — спросил Панама у Столбова.

— Эх ты, Панама! — ответил тот. — Ты что же, телевизор не смотришь?

— Некогда, — виновато ответил Панама.

— Продула вчера наша чемпионка! Три раза упала! Никакого места не заняла. Так и надо, воображать не будет. Ее немка, которую она в прошлом году победила, теперь пришила...

— Столбов!

— Я больше не буду, Марьянна...

«Оно, конечно, так ей в общем-то и надо», — думал Панама. Он вспомнил Юлькину высокомерную походку, ее любимую фразу «я так хочу». Она же никого равным себе не считает... Вот теперь расстроилась — дома сидит, плачет, наверное. Никто-никто к ней не пойдет... Потому что она всех оттолкнула. Смотрит на всех, будто мы дети, а она взрослая... Вот и сидит одна!»

И Панаме вдруг стало ее жалко. С болезненной отчетливостью он вспомнил тот вечер, когда решил бросить манеж. Ведь, если бы не Маша... Бросил бы обязательно! Бросил бы, а потом пропал, потому что теперь Панама не представляет своей жизни без коней...

«А ведь и она так же! Если сейчас не окажется кто-нибудь рядом, она тоже спорт бросит. Бросит, и всю жизнь будет несчастной. Ах, была не была! Пойду я к ней! — решил Панама. — Авось, не выгонят!»

Он долго стоял у двери, обитой клеенкой, не решаясь позвонить. Наконец позвонил.

— Тебе чего? — открыла дверь Юлька.

«На лестнице было темно, но и здесь было заметно, как она осунулась, как опухли у нее зареванные глаза.

— Уроки тебе принес! — сказал Панама. И быстро протолкнулся в квартиру.

— Ко мне нельзя! А уроки мне не нужны! В крайнем случае, я сама в школу позвоню.

— Ну, раз уж я пришел... — сказал Панама. А сам пальто снимает.

— А чего ты раздеваешься?

— Неудобно в пальто в комнату.

— Я тебя туда и не зову.

— А здесь темно, — Панама уже проходил в комнату.

Там был беспорядок. Вещи раскиданы, постель не прибрана.

— Ты чего, — спросил Панама, — лежишь, что ли?

— Не твое дело. Давай уроки и сматывайся.

— А ты умешь класть гордость в карман?

— Что?

— Для пользы дела. Вот ты меня обижаешь, а я свою гордость в карман положил, и мне совсем не обидно, потому что ты обижаешь меня напрасно. Я ведь даже не жалеть тебя пришел, тем более, что я вчера соревнования и не смотрел... И вообще пошли в кино!

— Чего я там не видела...

— А можно в мороженицу сходить. У меня рубль есть!

— Чего ты ко мне пристал, что тебе нужно?

«Ну-ко попробуем тебя с ходу взять, как препятствие с шамбарьером», — подумал Панама. Он часто теперь ловил себя на том, что в трудных положениях начинал думать так, словно ехал на норовистой лошади.

— А то, — сказал Панама, — что ты слюняйка. Подумаешь, соревнования проиграла! Вон Борис Степанович чуть ногу не потерял, а ничего, улыбается...

И тут же он понял, что так у него ничего не получится. «Закидка!» — сказал он про себя. — Не с той ноги начал. Нет, тут нужно как-то подругому. Ну-ко начнем все сначала».

— Ну и хорошо, хоть бы он совсем себе шею свернул!

— Эх ты, а он-то тебя расхваливал! Говорит, какая она хорошая девочка, волевая, целеустремленная и красивая...

— Так и сказал?

— Так и сказал. И зря ты тогда убежала, мы еще долго сидели. Борис Степанович фотографии показывал, он во многих фильмах дублером работал.

Юлька внимательно слушала.

— А еще он говорил, что с тебя пример брать нужно, как ты умешь планировать день... — несло Панаму. — Только ведь это все неправда.

— Это почему же?

— Никакая ты не волевая, вон — маленькая неприятность, и все...

— Хорошенькая маленькая... Весь мир видел, как я падала. «Фомина? Советский Союз!» А я ляп об лед, ляп второй раз и в третий... Как я теперь на улицу-то выйду?

— Знаешь, а давай всей компанией пойдем. Машу позовем, Столбова. В куче-то тебя и не видно будет. А дома нельзя сидеть — нужно прогуляться...

— А ребята пойдут?

— Да они хоть куда пойдут!

— Ну, ладно, — сказала Юлька, — ты посиди здесь, я переоденусь.

Большие состязания

— Во — видал! — конюх протянул Игорю скребицу, всю набитую конской шерстью. — Весна, брат! Весна! Зимняя шерсть сходит.

Весна грохотала льдом в водосточных трубах, рассыпалась воробьиным чириканьем по садам и скверам и, наконец, зазеленела первой травой на газонах.

Понамарев разрывался между школой и манежем. И в школе, и в манеже заканчивался учебный год. Игорь подрос, у него начал ломаться голос. Денис Платоныч уже больше не зовет его «мальчик», а все больше «Игорь» или «Понамарев».

— Завтра у нас большие состязания, так вы уж, Игорь, придите пораньше, помогите мне одеться.

— Есть, — отвечает Игорь.

Помочь мастеру одеться перед соревнованиями — это старая традиция, такой чести удостоиваются только самые лучшие ученики. Игорь горд и счастлив, когда на следующий день он, только что пришедший от парикмахера, стоит в тренерской, держа вешалку с одеждой Дениса Платоновича.

Старик чисто выбрит, напудрен и завит. Он долго расчесывает усы перед зеркалом.

— Брюки, — говорит он, не оборачиваясь, и влезает в белые узкие штаны.

— Сапоги... О... О... о... — начинает он кричать, натягивая высокие тонкой кожи сапоги. — Чертов сапожник, сшил такие немыслимые голенища, это ж какие-то перчатки, а не сапоги...

Наконец и сапоги, сияющие черным лаком, на месте. Тренер прохаживается, постукивая высокими каблуками.

— Сюртук!

Темно-синий мягкого сукна сюртук с бархатным воротником с бархатными манжетами ловко лег на плечи. На Игоре такой же костюм, только сюртук ярко-алый.

— Ну что ж! Пора, — поправляя кружевной манжет рубашки, говорит тренер.

И вот они выезжают на ярко-зеленое поле ипподрома, где пестрят полосатыми боками препятствия. Гремит оркестр, шумят трибуны, и кони нервно переступают точеными ногами.

Соревнования шли своим чередом. Наверху, в главной ложе, судья следит за участниками и на лице у него такое выражение, точно он съел что-то кислое.

— Это что, все так кататься будут? — спросил он скучным голосом, глядя, как очередной всадник не может послать лошадь на препятствие.

— Они ездят лучше, я не знаю, что с ними такое сегодня. Волнение сказывается... — застыпилась за своих женщина-тренер.

— Вот я и говорю, катаются. Им по дорожкам в садике кататься...

Помощник председателя, маленький старичок во фраке, снял пенсне и произнес:

— Такое впечатление, что некоторые юноши с трудом различают, где у животного голова, а где хвост... От всего этого хочется лечь и тихо умереть.

— Что у нас там следующим номером программы? — Судья-информатор посмотрел в список. Так, Понамарев, конь ему по жребию выпал Нерон... Ну что ж, посмотрим, какую нам этот пономарь обедню отслужит.

У Панама тряслись руки, кисти были холодными, как лягушки. Нерон тоже волновался, всхрапывал и копал копытом.

— Вызывается шестнадцатый номер!

— Меня! — сказал Панама и почувствовал, как сердце горячим комком оборвалось в груди.

«Нет, — подумал он, — так ехать нельзя, нужно успокоиться. Нужно о чем-нибудь спокойном и хорошем подумать». Он вспомнил кинотеатр, куда они пошли все четвером, и как они ели мороженое в фойе, а Столбов строил такие рожи, что их чуть не вывели из зала. И Юлька тоже смеялась. А когда они проводили ее домой, она вдруг повернулась и сказала: «Ребята! Я вас очень люблю! Я бы без вас совсем пропала!»

А теперь все трое — и Маша, и Юлька, и Столбов — сидят где-то на трибунах и переживают за него.

— Давай, давай садись! — торопил Бычун. — Ну-ка, я стремя подержу. Сел. Ну, все нормально! Картинка! Повод не затягивай и все будет как надо. Ну, пошел!

Панама выехал на залитое солнцем поле. Волнами доносился шум с трибун. Хлопали праздничные флаги, пестрели свежескрашенные барьеры.

Панама резко взял повод, и конь веселым галопом пошел на середину. Поворот. Поклон судьям.

— Это твой? — спросил старичок в судейской ложе.

— Мой! — ответил старый тренер.

— Ну, кланяться он умеет...

Донна-доннни! — звякнул судейский колокол. И Панама повел Нерона на первый барьер. Конь шел очень резво, но мальчику казалось, что все движется медленно и плавно, как во сне. Исчез шум трибун, не слепило солнце, остался только он и горячо дышащая лошадь. Посыл! Ему показалось, что прыжок длится бесконечно долго.

— Ух ты! — сказал журналист в судейской ложе, — с каким запасом прыгнул!

— Сдаюсь, — сказал ехидный старичок, — это дитя не производит впечатление кошки на заборе.

— Очень, очень красиво и свободно сидит! — сказал газетчик.

— Сажали крепко, вот и сидит... Его теперь хоть вверх ногами переверни, он из седла не выпадет, — повеселел председатель.

— Посмотрим, как он пройдет «гвоздь программы», — опять встрял старичок во фраке.

«Гвоздем» был забор и широкая канава за ним. Пока еще ни один всадник не сумел послать коня на это препятствие.

Панама вел Нерона галопом, чуть подаваясь вперед при скачке. Впереди торчали планки забора. Панама на секунду дрогнул и сейчас же почувствовал, как Нерон приготовился перейти на рысь. Панама начал «качать» поводом.

— Нерон, голубчик, — просил он. — Давай!

Но конь, словно нарочно, замедлил бег, он помнил, что сегодня уже двое всадников на нем доходили до этого препятствия и останавливались.

— Да пойдешь ты или нет! — крикнул Панама и дал шпоры.

Нерон дернулся вперед.

«Эх! — тоскливо подумал мальчик. — Темп потерял!»

— Ну, давай! Давай! Славный конек! А теперь — прыгай! — и он ударил лошадь хлыстом.

Конь понял сигнал и взвился над препятствием.

Денис Платоныч тугим накрахмаленным платком промокнул лоб.

Самый красивый конь

— Школа, равняйся! Смирно!

Замирают шеренги всадников, замирают тренеры, конюхи, ветеринары. Слышно только, как позвякивают удилами кони да хлопают на веселом весеннем ветре флаги.

— Сегодня мы присваиваем очередной спор-

тивный разряд нашим воспитанникам! За время обучения ребята прошли не только большую специальную подготовку, они научились любить коней, научились сострадать им, научились преодолевать себя. Ибо без этого конный спорт невозможен...

Понамарев ловит каждое слово. Смотрит в торжественные лица старых конников, что стоят на трибуне. Вот Денис Платонович, рядом с ним старичок во фраке.

— В соответствии с правилами нашей школы молодые конники получают коней, которые будут закреплены за ними...

— Коней!

Со стороны конюшен выходит шеренга коневодов. Они ведут оседланных коней.

«Что это? — думает Панама. — Это же Конус! Конус! Это же конь Бориса Степановича». Он не видит коневода. Но вот шеренга разворачивается.

— Это же Борис Степанович! — чуть не вскрикивает Понамарев. Тяжело припадая на большую ногу, учитель ведет коня.

— К столу квалификационной комиссии вызывается Понамарев Игорь Владимирович.

Он не сразу соображает, что это зовут его.

— Вот здесь и здесь распишитесь, — говорит секретарь.

Панама ставит подпись в каких-то бумагах.

— Передать коня его новому владельцу!

Борис Степанович подводит Панаме Конуса.

— Ну, — говорит он, — получай.

— Это же ваш конь, — растерялся Панама.

— Это твой конь, — говорит учитель. —

Я еще нездоров, а ему нужна работа. Так что это теперь твой конь. Ты его заслужил.

Панама готов заплакать. Борис Степанович прижимается лицом к голове коня. И они оба замирают. Учитель бледен и у него дрожат губы.

— Бери, — Борис Степанович вкладывает в руку Панама повод. — Все хорошо. Я рад, что этот конь — тебе...

В ранний утренний час, когда дворники в белых фартуках поливают улицы и маленькие радуги пляшут над шлангами, по городу едут три всадника. Услышав цокот копыт, от которого давно отвыкли городские улицы, прохожие останавливаются, оглядываются, и на их лицах появляется необычное выражение.

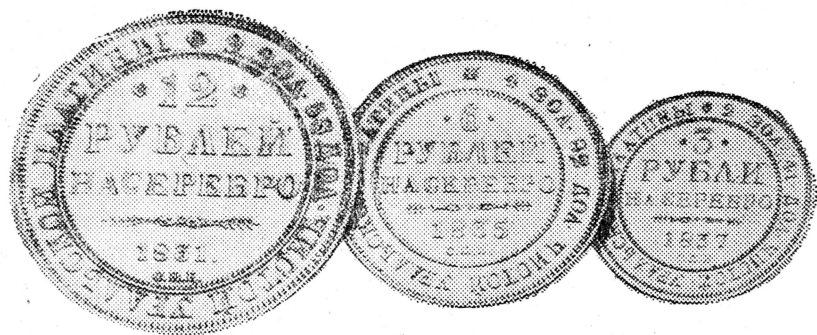
Три всадника: седой красивый старик и два мальчика ловко сидят на стройных конях.

Их алые сюртуки, белые брюки и сияющие лаком сапоги отражаются в мокром голубом асфальте.

Машины уступают им дорогу и весело подмигивают светофоры.

УРАЛЬСКИЕ ЧЕРВОНЦЫ

**Аркадий
ЛОКЕРМАН**

● Каких только денег не существовало за долгую историю человечества! Скот, раковины, шкуры, скальпы, минералы нефрит, агат, каменная соль и многие другие. И уж, конечно, металлы — слитки, рубленные пластины, чеканные монеты... Рассматривая коллекции нумизматов, видишь, что еще в древние века было использовано почти все в природе, пригодное для изготовления денег. Казалось бы, никакими новыми монетами мир уже не удивить. И все же это произошло, когда появились уральские червонцы. Подобных не было никогда и нигде — их изготавливали из платины.

Сейчас эти монеты — большая редкость, они украшают коллекции нумизматов. Интересны они и тем, что с ними связано открытие первых залежей платины и начало их разработки в нашей стране.

В 1735 году испанский астроном Антониа де Уллоа привез из Южной Америки серые речные песчинки, которые стали самой большой научной сенсацией середины XVIII века: они оказались тяжелее золота! Это наносило жестокий удар алхимии — ведь все усилия превратить черные металлы в золото строились на том, что оно — венец творения, конечное звено всех преобразований, самое тяжелое из металлов.

Ввиду полной бесполезности и по внешнему сходству новому металлу дали презрительную кличку — платина («серебришко» — по-испански). О ней, вероятно, скоро позабыли бы, будь она только бесполезна. Но она оказалась очень вредна. В то время испанская казна пополнялась золотом в основном из россыпей Колумбии. При промывке песков не удавалось отделить его от платины — чуть более тяжелой. А при плавке золото обволакивало платину, прочно с ней сливалось и само при этом становилось сероватым, «гнилым».

Испанские монеты упали в цене, их отказывались принимать. Ювелиры быстро научились делать платиновую «начинку» в золотых изделиях. Платина подорвала веру в чистоту и неподдельность самого золота.

Король Испании приказал всю платину, по зернышку, отделять от золота и выбрасывать в глубокую реку при свидетелях. За сокрытие платины полагалось отсечение головы.

Сорок три года выполнялся королевский указ, и все же платины

становилось в Европе все больше! К счастью, не вся она была использована для подделок. В середине XVIII века научились очищать платину, а в 1790 году прославленный Лавуазье на заседании Парижской Академии наук выступил в роли «крестного отца» нового элемента — металла, самого тяжелого и самого стойкого, сочетающего в себе свойства металлов благородных (неизменяемость) со свойствами металла-трусника (высокую прочность).

Лавуазье продемонстрировал изготовленные фирмой Жанетти (способ держался в секрете) изделия из платины — тигли, реторты, которые выдерживали самый сильный жар, не боялись крепких кислот и щелочей. Он показал, что даже тонкие нити платины являются надежной оправой для бриллиантов, и, в отличие от золота, не меняют их цвета, усиливают блеск.

Спустя четыре года из платины изготовили эталоны метра, килограмма, а затем и других единиц меры и веса. Платина стала олицетворять собой точность и надежность. Вскоре в платиновой руде выявили новые элементы — палладий, родий, осмий, иридий, рутений. Все эти родственники платины обладают замечательными свойствами и быстро нашли практическое применение.

Спрос, а соответственно и цена на платиновую руду начали быстро расти. В 1815 году «царь металлов» потерпел поражение: платину стали ценить дороже золота!

Платина быстро стала необходимым металлом. Это стало очевидным и в России. В 1820 году за эталон метра, необходимый военным топографам, пришлось уплатить французам 20 000 рублей — сумму по тем временам громадную. Нужны были эталоны для отечественных мер, много платины требовалось заводам. Сосуды из нее в десятки раз ускоряли производство кислот, очистку металлов. Рос спрос и на ювелирные изделия из платины.

Покупать платину было дорого — государственные финансы были не в блестящем состоянии. Вот почему и последовало высочайшее указание — «домашнюю» платину найти!

Урал и Сибирь уже были тогда прославлены медными, железными, оловянными, свинцово-серебряными и другими рудами. После вековых поисков в 1747 году нашли на Урале и коренное золото — открыто было Березовское месторождение, а за ним и другие.

В 1814 году уральский рабочий Лев Брусицын открыл первую золотую россыпь, а вскоре загрела слава березовских, гороблагодатских, миасских, невянских, исетских и многих других месторождений. Вслед за Уралом россыпи были обнаружены в Сибири и в других районах

страны. Россия за каких-нибудь десять лет стала великой державой по добыче золота.

Золотые россыпи позволяли надеяться и на домашнюю платину. И действительно в 1822 году в журнале «Новый магазин Естественной истории, Физики, Химии и Сведений Экономических» появилось первое известие об «особливых металлических веществах, открытых близ Екатеринбург».

Вскоре в «Магазине» и других изданиях было подтверждено, что в Исетской золотой россыпи обнаружены зерна платины. Однако вскоре выяснилось, что ее настолько мало, что находка «заслуживала внимания только по своей новости». Но начало было положено, уральские специалисты времени даром не теряли, и в 1824 году Н. Мамышев, К. Голыховский, Н. Волков и другие выявили платиновые россыпи в долинах реки Иссы и ее притоков.

Уральские россыпи оказались богаче колумбийских, многие из них были чисто платиновыми. Впервые было обнаружено, что накопление платины может происходить и независимо от золота. Вслед за Исовским месторождением были выявлены богатейшие россыпи по рекам Мартыан и Висим в районе Нижнего Тагила. За лето 1825 года было намыто около 200 килограммов платины — в десять раз больше, чем удавалось добыть в Колумбии в лучшие годы.

Россия стала великой державой и по платине. Но хозяева платинового рынка — фирмы «Жанетти» во Франции, «Джонсон и Маттей» в Англии — не спешили покупать русскую платину. Они понимали, что «сырая» платина — еще не товар, и чем больше русские ее накопят, тем дешевле будут продавать. Секреты получения чистой платины тщательно скрывались. Но не устояли секреты перед российской смекалкой. Привлеченный Н. Мамышевым к новому делу уральский химик Александр Архипов за один год сумел создать в Кущеве лабораторию, сам изготовил необходимые реактивы и раскрыл секрет фирмы «Жанетти». Он получил чистую платину, сплавляя руду с мышьяком в щелочной среде, а затем выжигая мышьяк. В 1825 году уже были отправлены царю первые изделия из уральской платины — кольцо и чайная ложка.

Быстро выяснилось, что французский способ не совершенен — пары мышьяка отравляли все кругом, а главное — уносили более половины платины.

Тогда уже был известен иной путь получения платины — после растворения руды в «царской водке» ее выводили в осадок. Но никому не удавалось превратить его в монолит. В 1827 году Петр Соболевский решил и эту задачу. На винтовом прессе он, сжимая порошкообразную

массу, получил ковкий металл хорошего качества. Так было сделано замечательное открытие. Оно не только решило проблему платины, но и породило новую отрасль науки и техники — порошковую металлургию.

Получение чистой платины по способу Соболевского шло быстро, стоило дешево, руды с Урала поступало все больше, и вскоре в казне скопилось около тонны драгоценного металла. Потребность внутри страны была удовлетворена, а продажа за границу шла плохо. К этому времени добыча платины в Колумбии возросла, ее научились более экономно расходовать для заводских нужд, и цена на нее упала.

В то время платина и получила неожиданное применение. Дело в том, что государственная казна вечно была в расстройстве. В одном из постановлений Сената — высшего правительственного учреждения царской России — сказано предельно откровенно: «В денежной казне великий недостаток находится». «Находился» он там с давних пор, и стремление от него избавиться, как отмечал известный историк Ключевский, «делало московских финансистов необычайно изобретательными». Проявилось это, например, в чеканке иностранной монеты — иохимсталлеры с прибылью превращали в «ефимки». Заставляли народ принимать медные деньги «с серебром заровню», что завершилось печально — памятным медным бунтом. Попытка заменить драгоценные металлы была предпринята Екатериной II. В 1769 году выпустили ассигнации — «бумажные свидетельства на получение денег». Однако все это мало помогало.

В 1823 году министром финансов стал Е. Канкрин — человек не знатный, но образованный и энергичный. «Недостаток в казне», заставлял Канкрин проявлять особую изобретательность. Чтобы не утонуть в море обесцененных ассигнаций и усилить приток иностранной валюты, он отменил таможенные ограничения, немедленно пустил в чеканку все добываемое золото и серебро. И все же брешь в бюджете продолжала зиять. Вот тогда-то Канкрин представил государственному совету смелый проект — перейти на триметаллизм!

В некоторых странах мерилом стоимости и законным платежным средством является один металл, а всякая другая монета служит разменной. В других странах от монометаллизма отказались и перешли на биметаллизм: два металла — золото и серебро — пользуются одинаковыми правами. Богатства недр России позволяют, утверждал Канкрин, включить в оборот третий благородный металл.

Ответ сиятельных старичков из Государственного совета прозвучал

почти по Некрасову: «Может быть и доходное дело. Но советую вам подождать. Ново... странно... до дерзости смело. Преждевременно, смею отказать!»

Ждать можно было только худшего. Поэтому министр обратился прямо к царю. Николай I на его проекте начертил: «Потребовать заключения компетентных лиц по сему вопросу».

Кто же может быть судьей в столь новом деле? Канкрин обратился к человеку, которого называли «живой энциклопедией», «Аристотелем XIX века» — Александру Гумбольдту. Имя Гумбольдта теперь носит Берлинский университет. Заслуги его в развитии геологии, астрономии, ботаники, зоологии и многих других наук трудно преувеличить. Он считался лучшим знатоком драгоценных металлов и камней и был единственным иностранцем, которому испанский король разрешил осмотреть золото-платиновые россыпи Колумбии.

Канкрин обратился к Гумбольдту с письмом, к которому приложил вещественные доказательства серьезности намерений — полтора фунта уральской платины, сырой и очищенной, и пробные образцы монет из нее. Эти пробы были изготовлены тайно, с явной целью поставить противника перед свершившимся фактом.

Гумбольдт поблагодарил за прекрасно отчеканенные пробы и сообщил, что они «...вызвали восхищение короля и знатоков монетного дела, доказав, что в С.-Петербурге, более чем где-либо в другой стране, преодолели трудности по очистке и обработке платины». К замыслу Канкрин он отнесся с осторожностью, поинтересовался, велики ли запасы платины на Урале. В ответ Канкрин тут же отправил Гумбольдту официальное приглашение «посетить Урал в интересах науки и страны». Тот факт, что приезд Гумбольдта на Урал был вызван этим приглашением, кстати, до сих пор остается мало известным. Ученый приглашение охотно принял и весной 1829 года совершил путешествие по Уралу, лично убедившись в уникальной щедрости русских платиновых россыпей. Его приезд привлек всеобщее внимание и способствовал изучению края. Но для проблемы быть или не быть платиновым деньгам значения уже не имел. Еще за год до этого, 24 апреля 1828 года, был обнародован «именной указ о чеканке умеренного количества платиновой монеты из казенного металла» с приемкой ее в платежах на добровольных началах. На другой день после указа Канкрин отправил Гумбольдту письмо, приложив к нему монету, отчеканенную первой. После смерти Гумбольдта, в 1859 году, эта монета была возвращена в

Петербург, в Эрмитаж, незадолго до этого открытый «для публичного обозрения». Хранится она там и теперь.

Среди сверкающих царских коллекций эта монетка выглядит более чем скромно. Размером она близка к нашей современной десятикопеечной, но тяжелее ее примерно в восемь раз. На лицевой ее стороне во все поле изображен двуглавый орел — герб Российской империи. На его крыльях, при очень хорошем зрении, можно рассмотреть гербы царства Казанского, Астраханского, Сибирского, Польского, Херсонеса Таврического и Великого княжества Финляндского. На оборотной стороне обозначено:

3
рубли
на серебро
1828
с. п. б.

Эта надпись окаймлена ободком, между ним и зубчатым краем по кругу надпись: «2 зол. 41 дол. чистой уральской платины».

Дебют новых монет прошел успешно. Представление о том, что платина — драгоценный металл, уже укоренилась и их брали охотно. Тому способствовала и реклама. Все газеты сообщали, что по праздникам царь, а вслед и другие высокие особы, выдают теперь награждения платиновой монетой.

Платиновые монеты расходились так хорошо, что Гумбольдт даже сообщил об этом Боливару, главе освободительного движения в Колумбии и посоветовал ему перенять русский опыт.

В обиходе новые монеты называли «уральскими червонцами», «белыми червонцами» и «платенниками». Почему эти монеты называли «уральскими» и «белыми», пояснять не требуется. Но почему трехрублевую монету назвали червонцем? Для нас привычно представление о том, что червонец содержит 10 рублей, и мало кто знает, что такие червонцы появились только в 1922 году. Они являлись основной денежной единицей и были в обращении по 1947 год. А до революции червонцы были трехрублевыми, и Канкрин уммысленно принял такую же стоимость для новой монеты (десятирублевки тогда назывались имперналами).

Уральские червонцы признали и в России и за рубежом. В связи с этим вскоре началась чеканка и более крупных монет. Она приносила казне доход, платина получала устойчивый, неограниченный сбыт.

О том, какие последствия это имело на Урале, рассказал в очерке «Платина» Д. Н. Мамин-Сибиряк. Тысячи людей получили хорошо оплачиваемую работу. С каждым годом выявлялись все новые россыпи. Прослеживая их, обнаружили и корен-

ные источники платины — гнезда, прожилки и вкрапленность ее в наиболее глубокие породы земной коры (дуниты, перодотиты). «Совершеннейшим чадом тяжести и тьмы» метко назвал платину один из первых русских минералогов профессор Еремеев.

Сами названия платиноподобных минералов — невянксит, сысертскит — говорят о ведущей роли русских исследователей в познании платиноидов. В результате многолетних исследований на Урале был выявлен платиноносный пояс длиной около 600 км. Помимо уже отмеченных самых богатых районов — Исковского и Нижнетагильского, добыча платины была развернута в системе Иовы; Лобвы, Большой и Малой Косью, а также в бассейнах Сосью, Омутной, Нясьмы и других рек.

К 1843 году финансовое положение страны значительно окрепло. Канкрину удалось покончить с двойным счетом, изъять из обращения ассигнации и установить единую стоимость для металлических и бумажных денег. В немалой мере это было результатом труда тех, кто добывал платину. Как раз в тот год ее добыча достигла рекорда — 3,5 тонны. Помимо платины было получено около 600 килограммов осмия и иридия, которые уже тогда ценились очень высоко. По официальным данным, с начала работ до 1843 года было получено около 35 тонн платины, а с учетом «черного рынка» — не менее 50 тонн.

Вскоре вместо ушедшего в отставку Канкрин министром был назначен Ф. Вронченко, быстро переименованный народом во Вранченко. Он всячески стремился преуменьшить заслуги своего предшественника и преувеличить свои. Одним из его новшеств было прекращение чеканки платиновой монеты под предлогом опасности ее подделки. Платину подлежало сдать в казну.

За весь период чеканки, с 1828 по 1844 год, было выпущено более полутора миллионов монет общим весом около 20 тонн на сумму 4 255 000 рублей (серебром по тогдашнему счету). Сдано в казну было почти две трети монет. Это «мероприятие» породило панику, подорвало доверие к русским деньгам и внутри страны и за рубежом. Но самое горестное последствие оно имело на Урале: тысячи людей остались без работы. В 1845 году официальная добыча составила всего 20 килограммов, опустели поселки, были разрушены сооружения и затоплены горные выработки.

В 1856 году комиссия, созданная для спасения пришедших в упадок после Крымской войны российских финансов, отметила, что «восстановление платиновой монетыощрило бы находящуюся в упадке платиновую промышленность и спо-

собствовало бы поддержанию курса бумажного рубля». Наиболее энергично высказывался за это известный ученый академик Якоби.

Затем начался долгий спор относительно вида монет и только в 1862 году Государственный совет одобрил предложение комиссии о чеканке платиновой монеты. Но скоро чеканка была приостановлена. В 1864 году создали новую комиссию и она, повторив туманные аргументы Вронченко, решила «не чеканить платиновой монеты в видах интересов казны, а запасам платины открыть другой путь сбыта».

Накопленная платина (около 50 тонн) и монеты, а также «остатки», содержащие осмий, иридий и другие ценнейшие металлы, — все это было задешево продано английской фирме «Джонсон, Маттей и К^о», которая и до сих пор главенствует на мировом платиновом рынке.

Ни одна страна ни по одному металлу никогда не имела такого господствующего положения, как Россия по платине. Однако оно было полностью утрачено. Все это заставляет предполагать преступление, еще не до конца расследованное историками. В результате русская платиновая промышленность попала в полную зависимость от зарубежных фирм и развивалась очень медленно.

После революции началось подлинное возрождение платиновой промышленности в нашей стране. Сейчас платина дождалась своего часа. По данным ученых, потребность в платине и платиноидах удваивается каждые десять лет и составляет сейчас десятки тонн в год. По значению в науке и технике платину сравнивают с солью в пище — нужно немного, но без нее не обойтись.

Примерно половина всей добываемой платины и ее спутников расходуется в химической промышленности (катализаторы для синтеза органических и других соединений). Нужна она и в электротехнике — контакты реле, магнето, регуляторов, электролитические покрытия, термпары изготавливаются из платины. Используется она и для изготовления медицинских инструментов — преимущество их в том, что они не окисляются при стерилизации. Платина находит применение и в ювелирном деле.

У платины — большое будущее. Кроме традиционных изделий, ее сплавы используются для новейшей космической техники.

На снимке: платиновые монеты. Увеличение в 2 раза.

КНЯЗЬ ВАТЕРЛОО С ВЕ

**Виталий
БУГРОВ**

«...Полдюжины бравых наполеоновских канониров удивились, когда неожиданно и любовно оседлал Владычин гладкий ствол пушки.

— Ватерлоо! — подумал Роман.

— Эй, молодчик, зря ты сюда забрался,— рявкнул канонир с закованной рожой и банником в руках,— у нас не так много орудий, чтобы на них кататься верхом!

Владычин, побуждаемый не столь окриком, сколь жжением в некоторой области, плохо защищаемой брюками, соскочил с пушки, и через секунду из дула ее с веселым свистом вырвалось ядро.

Ватерлоо!

Неуклюжие ядра носились в воздухе, бухали ружья, падали люди, вообще все было очень похоже на настоящее сражение...»

Да, Ватерлоо... Именно сюда стремился и именно сюда попал на сконструированной им «машине времени» Роман Владычин, инженер-механик Верх-Исетского завода, одного из старейших промышленных предприятий Урала. Всесторонне изучив по историческим документам эпоху наполеоновских войн, он является к французскому императору в поистине критический момент: не удавшийся «властелин мира» находится буквально на волоске от своего поражения под Ватерлоо. Отлично представляя себе расположение войск и Наполеона, и готовящихся добить его союзников, Владычин помогает узурпатору избежать-таки вполне закономерного исторически поражения! Более того, с помощью Владычина Наполеон заново воссоздает империю. Странное впечатление производит эта новая империя. С одной стороны, здесь царит полнейшая диктатура узурпатора. С другой стороны, невиданными темпами развивается наука, подвигая вперед и тех-

нику. Инженер двадцатого века насадил в начале века девятнадцатого и железные дороги, и мартеновские печи, и швейные машины, и кинематограф, и велосипед...

Пересказанная вот так — сжато, без подробностей, — книга кажется всего лишь не очень смелой вариацией: много раньше, еще в 1889 году, Марк Твен отправил своего предприимчивого янки модернизировать куда более седую древность! И у критиков, право же, были основания для того, чтобы, записав «Бесцеремонного Романа» (так называлась эта книга, выпущенная в 1928 году издательством «Круг») в разряд чисто развлекательной литературы, вместо иронизировать над выходцем из XX века, который чтением «Среди шумного бала...» приводит в восторг самого... А. С. Пушкина!

И тем не менее роман этот — из числа книг, о которых безынтересно вспомнить.

И потому, что, вслед за «Янки...» М. Твена, он открывает необозримый ныне поток произведений об отклонениях в развитии исторического процесса, вызванных действиями подобных Р. Владычину выходцев из будущего. (Уэллс в данном случае — не совсем «в счет»: он подарил фантастам «машину времени», но герой его — всего лишь пассивный созерцатель, крайне редко — да и то вынужденно — выходящий за рамки этого амплуа).

И, главное, потому, что, не в пример многим произведениям нынешних фантастов (по бесцеремонности обращения с историей нередко оставляющих далеко позади фантастов прошлого), в основе «Бесцеремонного Романа» была заложена по-настоящему большая, общественно-значимая мысль.

Личность и история, возможно-

РХ-ИСЕТСКОГО ЗАВОДА

сти личности в историческом процессе — эта проблема издавна волновала передовые умы человечества. Реалистически решить эту проблему смогло только революционное учение Маркса...

В. Гиршгорн, И. Келлер и Б. Липатов — авторы «Бесцеремонного Романа» — решают эту проблему средствами фантастики. И, на мой взгляд, блестяще справляются с задачей: их «развлекательная» книга очень ненавязчиво и очень наглядно показывает, что единичная личность, даже незаурядная, даже — вооруженная доскональнейшим знанием общечеловеческого опыта, все-таки остается той маленькой единицей, которой явно не под силу перекроить по-своему земную историю.

А ведь поначалу кажется, что Владычину удастся все, в том числе — и это!

Вот он, завоевав доверие Наполеона, становится «князем Ватерлоо», вторым человеком в Империи, авторитетным и могучим проводником новых, прогрессивных взглядов. Академия противится его планам реорганизации хозяйства страны? Что ж, «князь Ватерлоо» прибегает к системе домашних арестов и все-таки доказывает «академикам» свою правоту; они и сами, в конце концов, деятельно и увлеченно трудятся над воплощением в жизнь «его» проектов и замыслов! Диктат Наполеона тормозит общественное развитие? Переодевшись мастеровым Владом, «князь Ватерлоо» зажигает искру недовольства в рабочих массах, развивает и направляет движение за демократические свободы.

Но!.. — Фурье, возглавивший, по инициативе Романа, чиновничий аппарат самой удаленной из колоний, неожиданно поступает-таки по-своему: преждевременно провозгла-

шает Австралию республикой, тем самым вызывая жесткие карательные акции со стороны Империи...

Но!.. — Движение, инициированное Владом, принимает огромный размах; Влад бессилён удержать в руках цепную реакцию недовольства политическими устоями Единой Империи. Он и сам гибнет в вызванной им схватке Нового со Старым, этот все-таки излишне самонадеянный Влад — «князь Ватерлоо» — Роман Владычин...

И — что теперь будет с этой Единой Империей, выпестованной «князем Ватерлоо»? И — что из его нововведений сохранится, устоит перед натиском новой революции? И, в конце-то концов, разве же можно назвать удачной его попытку повлиять на историю, переделать ее? Разве удалось Роману Владычину построить на земле счастливое свободное общество?

При всех литературных издержках (я сознательно не останавливаюсь на них) книга уральских литераторов В. Гиршгорна, И. Келлера и Б. Липатова была в целом вполне на уровне лучших книг ранней советской фантастики. Тех книг, о которых мы так редко вспоминаем сегодня и которые — найдись для них благожелательный издатель — привлекли бы, право же, ничуть не меньшее внимание сегодняшних читателей, чем даже самые ультрасовременные новинки жанра...

Каков ты, собрат по Разуму?

...Остолбев от изумления, старый ученый и его товарищи не без страха смотрели на этих гигантов, имевших по крайней мере двенадцать футов роста. Впрочем, по своей фигуре сепениты довольно близко походили на обитателей Земли. Только голова у них была удивительного объема, совершенно непропорционального туловищу: она качалась на длинной тонкой шее, казалось, едва державшейся на узких худых плечах. По бокам болтались костлявые, тощие руки, оканчивавшиеся широкими кистями; непомерно плоская грудь, словно не заключающая в себе вовсе легких, переходила внизу в столь же плоский живот, а последний — в длинные худые ноги с огромными ступнями.

Ж. Ле Фор, А. Графинь.
Путешествие на Луну.

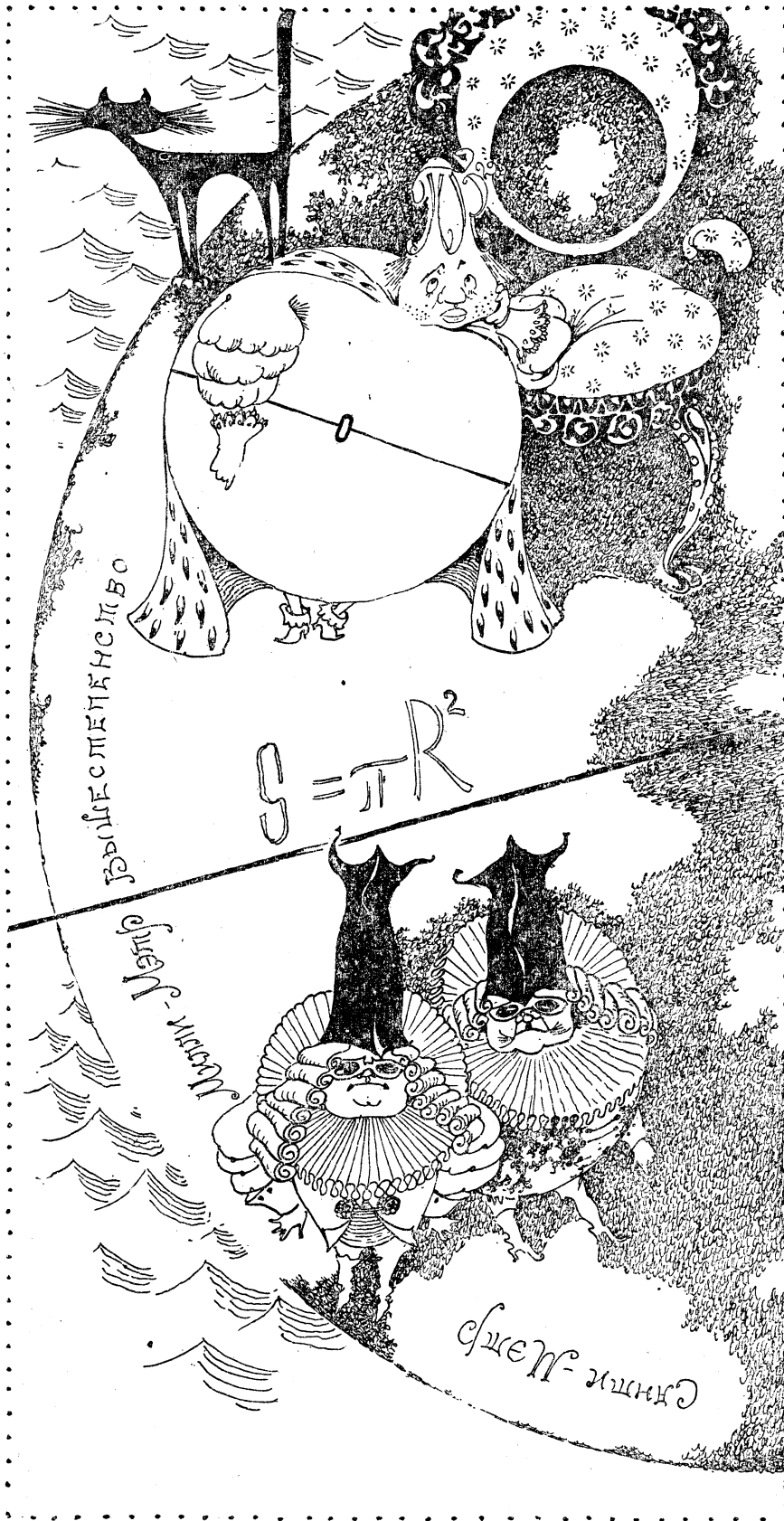

ТРУЛЮ

Феликс
КРИВИН

Рисунки
Е. Стерлиговой

ОСТРОВ
ТРЕТИЙ,
которым
правит
Пиэр Квадрат,
то есть
не просто Пиэр
и не просто
Квадрат,
а Пиэр Квадрат
в высшей степени

ЛЮПОВЫ ОСТРОВА

— Посидим немного,— сказал Пьер Пендикуляр, когда друзья высадились на его злополучном острове,— я хотел бы сказать несколько слов, прежде чем представить вас вышестепенству.

— Говорите! — кивнул Трулюлюп и уселся на прибрежный параллелепипед, а может, это была призма: человеку, мало знакомому с геометрией, в этом нелегко разобраться.

— Благодарю вас, капитан — Дождавшись, пока рассядется команда, Пьер Пендикуляр продолжал: — Должен вам сразу сказать: я люблю вышестепенство Прекрасный человек: добрый, простой, порядочный. Уж я-то знаю его хорошо: ведь я когда-то был его пэром... Да да, не удивляйтесь, и вот — разжалован в пьеры за излишнюю прямоу или, как у нас говорят, перпендикулярность.

— Но ведь для вас перпендикулярность вполне естественна! — воскликнул Синт.

— Есть такие вещи, такие плоскости, по отношению к которым перпендикулярность естественна для каждого честного отрезка,— процитировал геометр какую-то здешнюю аксиому и продолжал: — Там, где вы меня нашли. И тем не менее я находился в изгнании. Я нисколько не обижаюсь на вышестепенство, это все его придворные мэтры — Сантимэтр и Милли-мэтр, а также главный мыслитель Минни-Ум...

— Вы хотите сказать: минимум? — уточнил Фон-Этик.

— Вообще-то он, конечно, минимум, но для большей звучности называет себя Минни-Ум, выделяя таким образом свой ум, чтобы писать его с большой буквы.

— Такое и у нас бывает,— вздохнул Морф.— Грамматически и чисто человечески это можно понять.

— А тут еще этот бедняга Си-

нус,— продолжал Пьер Пендикуляр.— Синус — это сын нашего вышестепенства. Он еще маленький, поэтому его называют не Сын, а уменьшительно-ласкательно: Синус.

— Суффикс -ус не относится к уменьшительно-ласкательным... — начал было Морф, но капитан решительно завладел разговором:

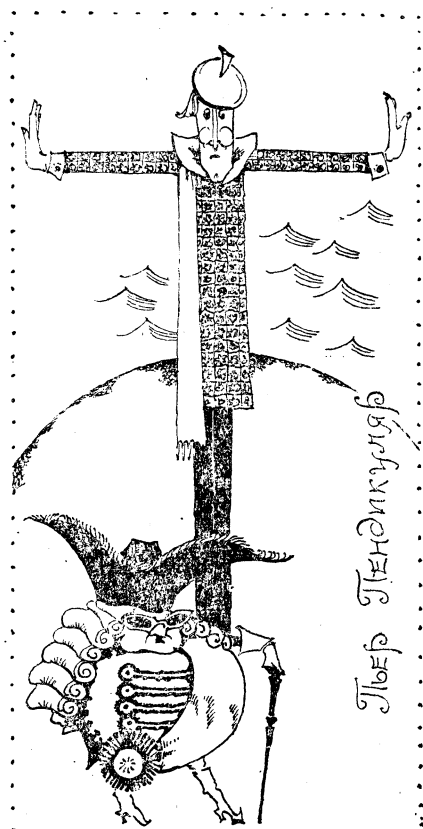
— А почему этот Синус бедняга?

— Сам не понимаю. Он у мачехи единственный пасынок, казалось бы, единственному пасынку мачеха должна всю душу отдать, а получается не так. Она у нас, видите ли, Секущая и делает вид, что сечет правду в глаза, а на самом деле сечет своего пасынка. Это ужасно. Его покойная мать была Касательной и никому не позволяла к нему прикоснуться, а теперь его постоянно секут. И за что? Вы даже не поверите. За то, что он, Синус, считая себя функцией угла, впрямую выражает отношение противолежащего угла к гипотенузе. Так ведь ребенок, можно бы и простить. Но ему внушают, что до противолежащих углов ему дела нет, разве можно так воспитывать? Ведь если ему внушить, что ему ни до чего нет дела, кроме собственного угла, то он вырастет эгоистом и обывателем, который и видеть то будет не дальше собственного угла...

— Вы правы, Пьер,— задумчиво сказал Трулюлюп.

— Раньше вышестепенство еще как-то вмешивался в воспитание своего Синуса. Но с тех пор, как стал уменьшаться остров... Понимаете, площадь острова по нашим геометрическим понятиям составляет π эр квадрат. А так как вышестепенство у нас тоже Пиэр Квадрат, то ему кажется, что его собственный авторитет целиком зависит от величины острова. Раз, мол, сокращается остров, умалется и его собственный авторитет. Так он считает. И тут-то начинают действовать его мэтры...

— В таком случае не будем те-

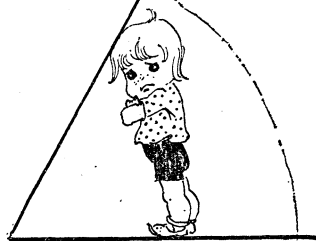

Минни-Ум

рять времени.— Капитан Трулюлюп поднялся.— Ведите нас к вашему вышестепенству. Кстати, почему он — вышестепенство? Разве квадрат — такая уж высокая степень?

— О величине судят не по тому, какова она есть, а по тому, какой она быть заслуживает,— высказал геометр мысль, за которую его могли бы изгнать не только из геометрии, но и вообще из всей математики: все-

Sin

таки математика — это наука не о возможных, а о действительных величинах. Но капитан, весьма далекий от математических тонкостей, удовлетворился этим ответом и даже подтвердил:

— Да, конечно, главное — не собственная величина, а собственные заслуги.

Пиэр Квадрат, сидевший в маленьком покойнике, который был прежде большим покоем, за маленьким столиком, который был прежде большим столом, не столько удивился гостям, сколько своему бывшему пэру.

— Пэр? — воскликнул он и вторично воскликнул, исправляя ошибку: — Пьер? Каким образом вы здесь? Разве вас не выслали за пределы острова?

Он с трудом скрывал радость и смотрел на изгнанника не только без ненависти, но даже с любовью. Их симпатии, видимо, были взаимными.

— Разрешите мне ответить, вышестепенство, — сказал Трулюлюп. — Мы выбрали нашего уважаемого Пьера довольно далеко от острова и с сожалением выяснили, что расстояние это вызвано не удалением Пьера, а тем, что удалился остров от Пьера.

— Но мы никуда не удалялись, — пожал плечами вышестепенство, — у нас не плавучий остров, мы твердо придерживаемся своей географии.

— Геометрия не всегда придерживается географии. Ваш остров

сокращается, и в результате вокруг него образуется пустое пространство. Вот оно-то и стало тем расстоянием, на которое остров удалился от нашего уважаемого Пьера.

— Пьер, извините, мы не хотели от вас удалиться, — печально сказал Пиэр Квадрат. — Мы хотели, чтоб вы удалились от нас.

— Выше голову, вышестепенство! — бодро выкрикнул капитан. — Я отдал команду спасти остров.

Пиэр Квадрат покачал головой:

— К сожалению, не все задачи имеют решение.

— Я не знаю таких задач. Морф, вы знаете такие задачи? Синт, Фон-Этик, вы знаете такие задачи? Никто из нас не знает таких задач, поэтому мы решим вашу задачу!

В это время вошел кот Тангенс. На первый взгляд это был обыкновенный кот, его удивительное имя открывалось при более близком знакомстве, а удивительные свойства некоторых и вовсе не открывались. Кот Тангенс был черен, как классная доска и на лбу у него, как на классной доске, было написано: $\frac{\cos \alpha}{\sin \alpha}$.

Он совершенно не обратил внимания на присутствующих и прошествовал мимо так, будто не Пиэр Квадрат, а он, кот, был здесь вышестепенством.

— Даже кот, — шепнул Синту Пьер Пендикуляр с болью в голосе, — даже кот не преминет подчеркнуть свое неуважение к вышестепенству...

Кот между тем проследовал через помещение и прыгнул на престол, который был всегда свободен, поскольку Пиэр Квадрат считал, что сидеть на престоле — значит унижать достоинство тех, кто на нем не сидит. Возможно, кот не разделял эту точку зрения, а возможно, и разделял, но хотел возвысить себя именно таким способом, — как бы то ни было, он воссел на престоле с такой непринужденностью, словно был рожден для этого места.

— Это наш кот Тангенс, — представил его вышестепенство, но кот даже не кивнул, как того требовали приличия. — Он у нас выражает отношение одного катета к другому. У него и на лбу написано...

— Но разве он может прочесть то, что написано на лбу?

— А он и не должен читать. Когда мы пишем что-то на лбу, мы пишем не для себя, а для других. Чтоб не забывали.

— Однако, приступим к действию.

— В скольких действиях вы предполагаете решать задачу? — заинтересовался вышестепенство.

Трулюлюп не считал это существенным. Главное — действовать, считал он. Морф высказал мысль, что, может быть, стоит сначала принять решение, но вышестепенство улыбнулся на эти слова:

— В математике так не бывает. В математике решение любой задачи есть результат действия, а не наоборот. Конечно, если б мы сразу имели решение, действовать было бы легче, но это не математический подход.

— Итак, решено: сначала действуем, потом решаем, — сам того не желая, принял решение Трулюлюп.

— Одну минуточку, — остановил его Пиэр Квадрат, — прежде чем приступить к действию, мой главный мыслитель должен осмыслить задачу. Сейчас я за ним схожу.

— Вышестепенство, может обойдемся?

— Перестань перпендикулярничать, Пьер! Я же не тебя посылаю, я схожу сам, мне это не трудно...

Вот тебе и вышестепенство: даже послать некого. Кот — и тот лежит и делает вид, будто его не касается.

— В таком случае, вышестепенство, за ним схожу я, — сказал Пьер Пендикуляр и решительно вышел из покоя.

— Настоящий друг, — улыбнулся ему вслед Пиэр Квадрат. — Все время хочу его приблизить, а приходится удалять... — он осекся: в покой решительным шагом вошла Секущая, его супруга и мачеха своего единственного пасынка.

— Квадрат, — сказала Секущая, — я устала сечь вашего сына.

— Ты могла бы и отдохнуть... Да, позвольте представить...

Но супруга представить себя не позволила.

— Он опять занимается игрой, вместо того чтобы заниматься теорией игр. Должна заметить, что я с отвращением узнаю в нем вас... Извините, я секу правду в глаза.

— Но, дорогая, он ведь ребенок, право же, нет ничего страшного, что он больше любит игры, чем теорию игр. Теория игр — это высшая математика, — пояснил гостям вышестепенство.

— С отвращением узнаю в вас вашего сына, — отрезала Секущая. — Извините, я секу правду в глаза. Вам понятны лишь низшие предметы, а все высшее, возвышенное... Теория

игр!.. Ведь это же теория выбора наиболее выгодного поведения при столкновении противоречивых интересов! Какое может быть у вашего сына поведение, если он избегает теории игр? И ведь он не только ваш сын, он мой пасынок... Единственный пасынок...—она провела рукой по глазам, проверяя, не выступили ли слезы.—Вчера я поставила его в угол. В его же собственный угол. И что вы думаете? Он и там с унаследованным от вас упрямством выражал отношение катета противолежащего угла к гипотенузе. Зачем, я вас спрашиваю, ему противолежащий угол? Разве у него нет собственного? Если бы он не пренебрегал теорией игр, он бы знал, что все противолежащее и противоположное требует от нас не какого-либо, а выгодного поведения. Все, что нам невыгодно, мы отменяем!

— Но нельзя же, дорогая,— смущенно возразил Пиэр Квадрат,— нельзя же преследовать только выгоду.

— И это говорит отец моего единственного пасынка!— воскликнула Секущая, проверяя, не выступили ли слезы.—Я так мечтала иметь пасынка, но никогда не думала, что у него будет такой отец!

— Дорогая, но ведь вся наша жизнь...

— Наша жизнь — не игра, пора это усвоить. Наша жизнь — это теория игр, которая требует выбора наиболее, выгодного поведения.

— В таком случае я выхожу из игры,— сказал капитан Трулюлюп.

— Погодите, не выходите!— взмолился Пиэр Квадрат, и голос у него был до того несчастный, что капитан погодил выходить.

— В таком случае выйду я!— сказала Секущая и вышла.

— Это моя жена,— запоздало представил ее супруг.— Извините ее, она сечет правду в глаза. Прекрасная женщина, хотя и не без слабостей. Впрочем, слабости украшают женщину, не правда ли? Если это так, то моя жена — лучшая женщина в мире. Ее слабость — высшая математика. Ничего общеобразовательно она не признает — это одна из тех слабостей, которые ее украшают.

— А еще какие слабости украшают вашу супругу?— не вполне тактично спросил Морф.

— Боюсь, что всех я не перечислю. Вот, например, она сечет правду в глаза, но сечет ее так, что правда всегда оказывается высеченной. Мне кажется, с правдой так нельзя по-

ступать, но такова уж слабость моей жены — слабость, которая украшает женщину...— голос вышестепенства внезапно скис, и он сказал этим кислым голосом: — А, Минни-Ум! Извините, что оторвал вас от дел. Заходите, поможете нам осмыслить одну задачу.

— Я удивился, вышестепенство, что вы прислали за мной человека, изгнанного за пределы острова,— сказал Минни-Ум, поздоровавшись с присутствующими равнодушным взглядом.— Однако сейчас уже нет причины беспокоиться: я изгнал его на прежнее место.

— Как?!— вскричали Трулюлюп и его экипаж.— Нашего друга?

Минни-Ум обвел бесстрастным взглядом присутствующих.

— Не могу сказать, вышестепенство, чтоб меня радовало ваше окружение. Дружья наших врагов... не стану повторять известные аксиомы.

— Ну, знаете!— Трулюлюп был взбешен.

— Успокойтесь, дружья, не нужно ссориться,— бормотал в замешательстве Пиэр Квадрат.— Ведь мы же здесь все дружья, не правда ли, и собрались для общего дела.

— Спасательная служба спасает не только достойных,— мрачно заявил Трулюлюп.— Поэтому не беспокойтесь, вышестепенство, мы не покинем остров, пока не решим поставленную перед нами задачу.— Он кивнул в сторону Минни-Ума.— Пускай он ее осмысливает да поскорей: у нас времени маловато.

— Минни-Ум,— сказал Пиэр Квадрат,— речь идет о катастрофическом уменьшении нашего острова.

— Почему катастрофическом?— пожал плечами Минни-Ум.— Лично я не вижу в этом катастрофы. Ну, уменьшается остров. В природе многое уменьшается. Может быть, он усыхает.

— Усыхает остров? Посреди моря?

— Море морем, а остров все-таки суша. Для суши вполне естественно усыхать.

— Я вас не понимаю,— развел руками Пиэр Квадрат.— Вы не верите в решение задачи, которую вам предстоит осмыслить?

— Не все задачи следует осмысливать. Тем более решать.

— Вышестепенство,— сказал Трулюлюп,— мы и сами можем осмыслить эту задачу. Тем более, что кое-какие мысли у меня уже появились.

— Вы не возражаете, Минни-Ум? Если мы без вас осмыслим, вы

не станете возражать?— осведомился вышестепенство.

— Попытайтесь. А я погляжу. Поприсутствую.

— Неудобно как-то отрывать вас от дел...— Вышестепенству было неудобно просто выгнать мыслителя из покая.

— А вы меня не отрываете,— не понял культурного обращения тот.— Я сам себя отрываю. Я отрываю себя от одних дел — для других и от других — для третьих. Дел хватает, только и смотри, чтоб вовремя отрываться.

— В таком случае присаживайтесь,— покорно вздохнул Пиэр Квадрат, но Минни-Ум уже сел, не дожидаясь приглашения.

— Начинаем осмысливать,— сказал капитан Трулюлюп.— Я избородил немало морей, но не помню случая, чтобы острова сами по себе усыхали. Более того, я считаю сокращение территории острова не самопроизвольным, а преднамеренным. Видимо, это делается в чьих-то интересах. Но в чьих? У меня на этот счет есть некоторые соображения, я выскажу их чуть позже. А пока задам вопрос: вышестепенство, какова площадь острова?

— Пи эр квадрат,— сказал Пиэр Квадрат.

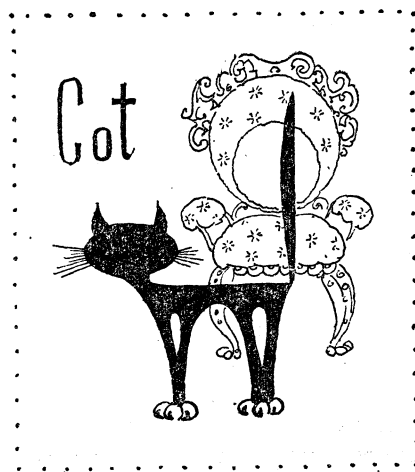
— А поточнее?

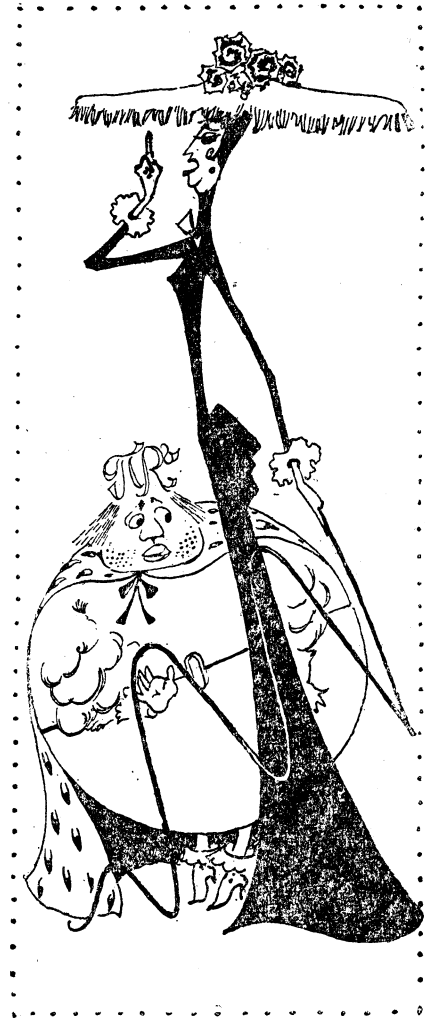
— Мы берем пи, то есть три целых и четырнадцать сотых, и умножаем на эр квадрат, то есть длину радиуса, возведенную в квадрат.

— А какова длина радиуса?

— Раньше она была... я уж и позабыл... А теперь она... Минни-Ум, вы мне не подскажете?

— Я здесь только присутствую, вышестепенство.

— Ах да, извините. Придется сходить в вычислительный центр, у нас там записано.

— Что представляет собой вычислительный центр?

— Когда-то это был центр,— вздохнул Пиэр Квадрат.— А сейчас — всего лишь небольшая комнатка. Доска, тряпка, мелок — вот и все оборудование.

— Это закрытое помещение?

— Закрытое, но не запертое.

— Значит, туда каждый может войти?

— Но почему же каждый? Зачем туда входить каждому? Входит тот, у кого есть надобность.

— Все так, как я и предполагал. Мы можем туда пройти, выше-степенство?

— Посторонним вход воспрещен,— запротестовал Минни-Ум.

— Минни-Ум, где вы видите

здесь посторонних? — искренне удивился Пиэр Квадрат. — Это же наши друзья, больше того, это наши спасители. Тем более, Минни-Ум, вы здесь только присутствуете, так что разрешите нам самим решать. Пойдемте, друзья, я вас приглашаю.

Как ни странно, на это любезное приглашение первым откликнулся кот Тангенс. Он спрыгнул со своего (или почти своего) престола и проследовал впереди всех в маленькую комнатку с классной доской, носившую громкое название: вычислительный центр.

Минни-Ум замыкал шествие.

Кот Тангенс расположился у доски, слегка повернув к ней голову и одновременно следя за аудиторией, как учитель, который собирается объяснять урок. Но при этом он сохранял молчание, в данном случае напоминая ученика, не готового к уроку. На доске была написана всего одна, на вид довольно круглая, цифра:

333, 333 333

— Это площадь острова? — спросил капитан.

— Ну что вы! — откликнулся вышестепенство. — Площадь острова мои мэтры держат в секрете. Правда, никакой это, честно говоря, не секрет, потому что число, которое вы видите, является радиусом, который, как я уже говорил, достаточно возвести в квадрат и умножить на π , то есть на 3,14, чтобы получить площадь нашего острова. Когда-то мы испытывали с этим большие трудности: наш остров представлял собой какую-то непонятную геометрическую фигуру. Уж как мы ни старались вычислить его площадь: применяли правила и для треугольников, и для параллелограммов, и для трапеций, — ничего не получалось. И тогда наш мыслитель, светлая голова, предложил обтесать остров, превратив его в правильный круг. Мы потяряли на этом часть территории, но зато получили возможность вычислить площадь острова по формуле: $\text{эс равно пи эр квадрат}$. С тех пор мы только так ее и вычисляем.

Ни один мускул не дрогнул на лице Минни-Ума, когда он слушал похвалы в свой адрес: Минни-Ум был равнодушен к похвалам, как, впрочем, и ко всему остальному.

— А какого вы придерживаетесь измерения? — осведомился Фон-Этик.

Когда-то мы исчисляли площадь острова в километрах, но *потом мои*

мэтры, светлые головы, предложили исчислять ее в метрах, чтобы общая цифра выглядела внушительней. И что вы думаете? Перейдя с километров на метры, мы увеличили эту цифру в тысячу раз. Но мы не остановились на достигнутом и перевели измерение в сантиметры, снова увеличив общую цифру — во сколько б вы думали?

— В сто раз,— сказал капитан Трулюлюп.

— Вы тоже светлая голова. Не буду от вас скрывать, хотя это, так сказать, государственная тайна: в настоящее время мы рассматриваем предложение нашего Милли-мэтра...

— Измерять площадь острова в миллиметрах?

— Вы опять угадали, у вас математический ум... Правда,— погрустнел Пиэр Квадрат,— теперь у нас будут уже не те миллиметры, что могли бы быть раньше, при прежней территории...

— Позвольте один вопрос,— сказал Синт, которого этот вопрос волновал с самого появления в вычислительном центре. — Я вижу, у вас цифры разделены запятой... Видите ли, по роду службы мне приходится иметь дело с запятыми, но я не припомню правила, по которому в данном случае должна ставиться запятая. Если применить правило постановки запятой при однородных членах предложения, то почему после одной тройки запятая ставится, а после других — нет? Ведь эти тройки явно однородны...

— Это десятичная дробь,— объяснил Пиэр Квадрат. — В десятичной дроби запятая ставится только после целой части перед дробной. Прежде у нас была обычная дробь, но мой совет принял решение превратить ее в десятичную...

Синт задумался: если слева от запятой целое число, а справа — дробное, так здесь не так уж мало зависит от запятой, как, впрочем, и в его родном синтаксисе...

Синт подошел к доске.

И тут кот Тангенс, сидевший доселе неподвижно, опять проявил себя с неожиданной стороны: одной лапой он взял тряпку, другой мелок и все это торжественно вручил Синту.

— Что вы собираетесь делать? — вскричал Минни-Ум. — Немедленно положите тряпку! Я буду жаловаться!

— Считайте, что вы уже мне пожаловались,— успокоил его Пиэр Квадрат. — Минни-Ум, не обижайтесь, но вы сами пожелали только

присутствовать, так что жаловаться можете только на себя.

Ловко орудуя тряпкой и мелком, Синт переместил запятую... И...

Едва на доске появилось число
333 333, 333—

как стены комнатки разъехались, и она превратилась в просторный зал.

Пиэр Квадрат смотрел на разъехавшиеся стены так, как смотрят на близких, но уже разъехавшихся родственников.

— Спасибо! — говорил он. — Вы вернули мне мою территорию, вы сделали для меня столько...

— Не больше, чем может сделать одна запятая, — скромно сказал Синт.

Спустя несколько минут они уже были снова в покое вышестепенства — теперь уже не крохотном, а просторном покое, и кот Тангенс примостился у престола, но сам на него не садился, а, напротив, всем своим видом выражал приглашение вышестепенству пожаловать на престол. И вышестепенство пожаловал, хотя ему было неудобно сидеть на престоле в то время, как другие на нем не сидят, но ему было также неудобно и перед котом, который не сводил с него просительного взгляда.

— А теперь пусть Минни-Ум осмыслит решенную задачу, — сказал капитан Трулюлюп, ища глазами главного мыслителя. Но Минни-Ума не было, видимо, он оставил эти дела для каких-то других, более неотложных. — Ну, что ж, — продолжал ка-

питан, — в таком случае мы сами постараемся осмыслить происшедшее.

— Это очень интересно! — подбодрил его Пиэр Квадрат.

— Первое, что помогло мне осмыслить ситуацию, — сказал капитан, — это то, что Минни-Ум в постигшей остров катастрофе не усмотрел катастрофы. Я подумал: возможно, он заинтересован в том, чтобы остров уменьшался. А почему он может быть заинтересован? Да потому, что он сам Минни-Ум, не Макси, а Минни-Ум, и ему должно быть понятней и ближе все маленькое. Это подтвердилось тем, что Минни-Ум уговорил вас обтесать остров, лишив его части территории. Чтобы разница не так бросалась в глаза, предложил заменить километры метрами. И вы их заменили.

— Мой пэр Пендикуляр меня отговаривал, но он ведь ко всему относится перпендикулярно...

— Затем вы перевели метры в сантиметры — это уже был расчет на дальнейшее сокращение территории острова. И чтобы осуществить эти планы, ваши мэтры настояли на переводе дроби в десятичную, в которой запятую можно свободно передвигать.

— Мой пэр Пендикуляр возражал... Но я не понимал, что в этом плохого...

— А вот что, — сказал капитан Трулюлюп. — Вы окружили себя малыми величинами: Минни-Ум, Сантимэтр, Милли-мэтр... А малым величинам нужны еще более малые, чтобы на их фоне выглядеть крупнее.

— Стремление к бесконечно малым? — догадался Пиэр Квадрат.

— В математике это называется так. Синт, объясните, что было дальше.

— Получив, наконец, десятичную дробь, — продолжал Синт распутывать клубок, уже наполовину распутанный капитаном, — ваши мэтры стали наперебой переставлять в ней запятую, сокращая территорию острова...

— Какой ужас! Если бы я только знал!

— И всякий раз, сокращая территорию острова, они принижали всю вашу геометрию, а себя возвышали, в том числе и в ваших глазах...

— Да, я их уважал, — признался Пиэр Квадрат. — Но теперь с этим покончено.

С трудом волоча ноги, вошла Секущая, супруга Пиэра Квадрата и мачеха своего единственного пасынка.

— Квадрат, — сказала она, — откуда у нас эти огромные расстояния? Боюсь, что мне теперь не угнаться за вашим сыном.

— Дорогая, тебе давно пора отдохнуть.

— Отдохнуть? А кто будет воспитывать вашего сына? Вы же знаете, он вылитый отец, его нужно воспитывать и воспитывать.

— Но, дорогая...

— Прошу меня не учить, я секу правду в глаза.

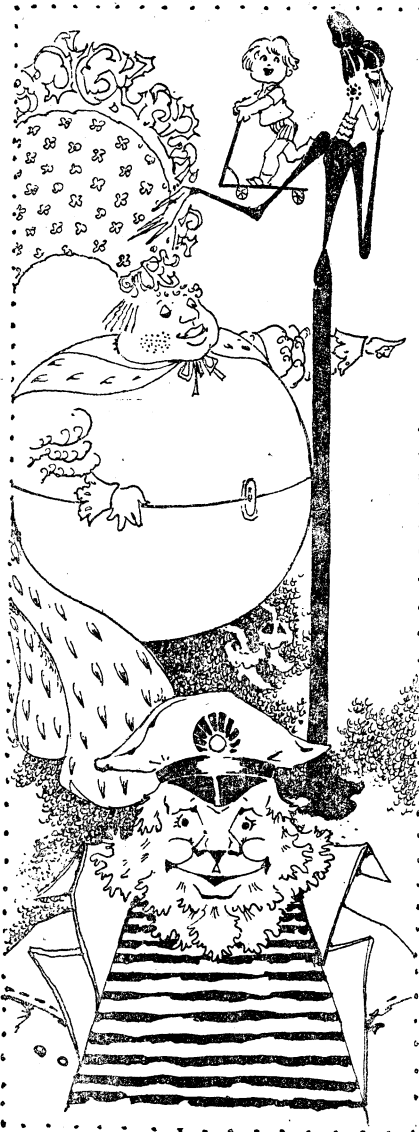
— В таком случае секи ее подалее от моих глаз. Найди какое-нибудь безлюдное место — слава бо-

гу, теперь у нас места достаточно — и секи свою правду. А моего сына я запрещаю сечь.

— Вы? Мне? Запрещаете! — Секущая обвела взглядом присутствующих и возгласила: — Он меня выгоняет! Он изгоняет меня в безлюдное место, чтобы я засохла, отцвела в одиночестве... как травинка... как былинка... О, теперь я понимаю, зачем ты расширил наш остров! Тебе со мной было тесно! Настоящей любви не бывает тесно! Это все потому, что ты меня разлюбил! О! Ты меня обманул! Он меня обманул! — сказала она, обращаясь к аудитории. — А давно ли он умолял меня стать его Касательной...

— Но ты же стала не Касательной, а Секущей...

— Молчи, жестокий человек! Ты обещал ни в чем со мной не пересекаться. Мы с тобой, говорил ты, будем, как параллельные прямые: если и пересечемся, то лишь где-нибудь в бесконечности... И ты же сам меня загубил... как травинку... как былинку... Ты вырвал меня с корнем... Хорошо, я уйду... далеко-далеко... куда глаза глядят — те самые глаза, которые я здесь выплакала...

И она поплелась к выходу.

— Вернись, дорогая! — крикнул Пиэр Квадрат.

Но она продолжала плестись к выходу.

— Далеко она не уйдет, — сказал Трулюлюп. — Даже при нынешней территории. Не забывайте, что остров — это часть суши, окруженная водой.

В тот же день был задан пир в честь гостей, возвративших острову его территорию. Минни-Ум, Сантимэтр и Милли-мэтр на пир не пришли, сказавшись больными. Секущая тоже сказалась больной, но пришла, заявив с порога:

— Квадрат, я пришла, я вернулась! Хотя я и сказалась больной, но пришла — разве может жена покинуть мужа в торжественную минуту?

Тут же в зале, в своем углу, Синус, сын вышестепенства, занимал простыми, а не теоретическими играми, в чем ему охотно помогал кот Тангенс, который, после того как были улажены все дела, мог себе это позволить. Кот Тангенс иногда позволял себе развлечения, но, разумеется, лишь после того, как были улажены все дела.

— Опять он возится с котом! Уж лучше бы занялся теорией игр! — ворчала Секущая, но кто именно возится с котом — не уточняла, опасаясь последствий...

А потом Трулюлюп и его соратники покидали остров. В самом центре городской площади они неожиданно наткнулись на лодку, в которой сидел их друг Пьер, углубившись в свою любимую геометрию.

— «Две различные прямые, — читал он, — либо не пересекаются, либо пересекаются в одной точке...» Как это справедливо! Если хочешь быть прямой, то либо не пересекайся с другой прямой, либо пересекайся в одной точке... В одной-единственной точке! Иначе что ж это будет? Настоящая путаница.

— Пьер! — окликнул его Трулю-

люп. — Почему вы на суше сидите в лодке?

— Разве я на суше? — оторвался от книги геометр. — Да, действительно. Как же это случилось? Ведь я же был на воде...

— А случилось так, — сказал, подходя, Пиэр Квадрат, — что наши друзья вернули нам нашу территорию. Остров расширился, и ты оказался на суше. Мой Пьер! — воскликнул вышестепенство, заключая его в объятия, и тут же исправил свою ошибку: — Мой пэр! Ты опять будешь моим пэром! И прошу тебя, почаще проявляй свою перпендикулярность! Теперь я понял: только в перпендикулярности рождается истина!

Выпустив из объятий геометра, Пиэр Квадрат немедленно заключил в них Трулюлюпа, затем Синта, Морфа и Фон-Этика. Это было прощание.

— Я хотел бы подарить вам на память эту книжку, — сказал пэр Пендикуляр, протягивая Трулюлюпу «Геометрию». — Это самое дорогое, что у меня есть...

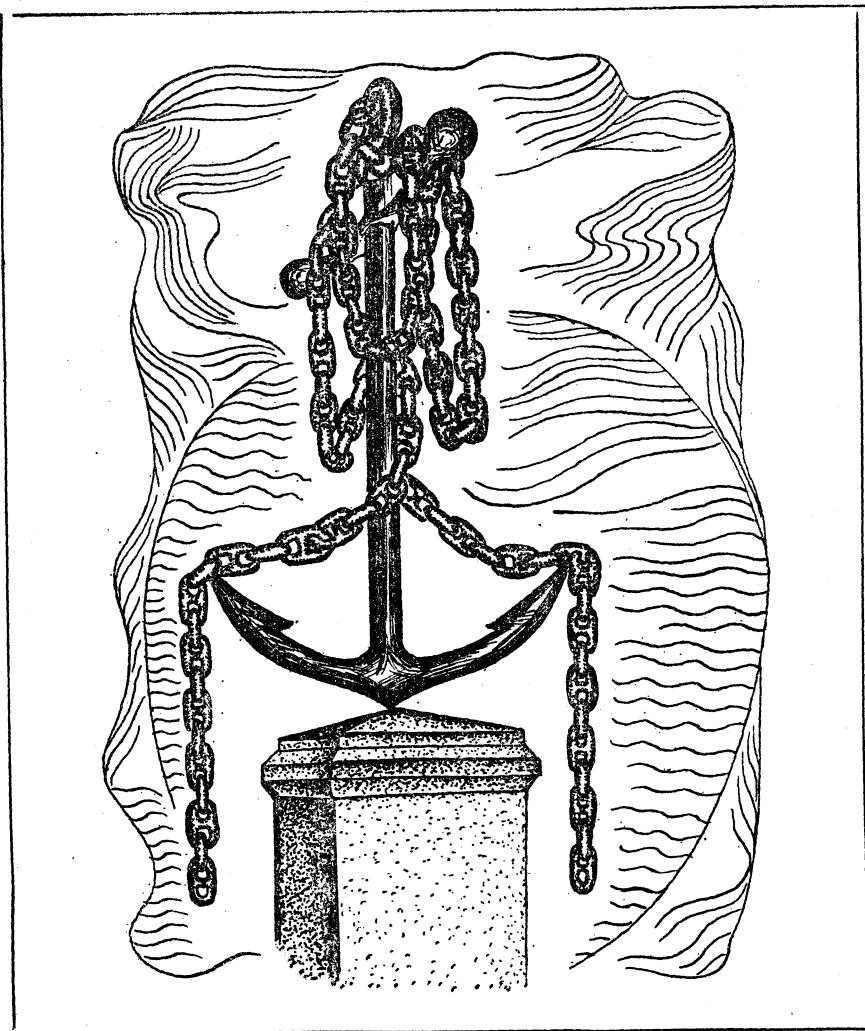
— Спасибо, Пьер! — сказал Трулюлюп, называя пэра с дружеской фамильярностью, впрочем, прости-тельной при тех отношениях, которые у них успели установиться. — Мы отвезем ее нашей принцессе, и может быть, именно эта книжка окажется самой мудрой и самой легкомысленной, самой правдивой и самой фантастичной, самой грустной и самой смешной...

Фрегат уже давно скрылся за горизонтом, но еще долго на опустевшей пристани сидел кот Тангенс и смотрел в пугающую и манящую даль, и может быть, впервые он пожалел, что, будучи существом в высшей степени сухопутным, вынужден больше других считаться с непреодолимой истиной, что остров есть часть суши, со всех сторон окруженная водой...

Впрочем, душа его была там, далеко... Видно, так уж мы созданы, думал кот: наша душа всегда не там, где тело...

ВОТКИНСКИЙ ЯКОРЬ

**Владимир
ТОМСИНСКИЙ**

*Рисунок
В. Старцева*

● Изображение двурогого якоря — это символ надежды. Якорю доверяли свою судьбу мореплаватели. У древних греков и римлян якорь считался священным. Пять тысяч авторских свидетельств и патентов выдано на усовершенствование якоря.

«Прообразом» современного якоря был камень с привязанной к нему веревкой. Мешками и корзинами, наполненными камнями, пользовался Александр Македонский. Финикийцы применяли пустотелые колоды из ливанского кедра, нагруженные кусками олова. Однажды, когда их корабли зашли на Сицилию и до предела загрузились серебром, финикийцы выбросили олово из якорных колод и загрузили их драгоценным металлом.

Но даже серебряные якоря годились только тогда, когда они заглублялись в мягкий грунт. Более надежными были каменные якоря с деревянными кольями, они работали надежно, как грабли.

В XIX веке самыми надежными якорями в мире считались уральские — Воткинского завода. Контр-адмирал П. С. Нахимов писал о них: «Они держат надежно в крепкий ветер и волнение».

На Воткинском заводе якоря делали, начиная с 1782 года, более ста лет. Для них отбирали лучшее железо, из которого сначала выковывали лапы, затем к ним приваривали стержень с ухом или петлей.

За год на заводе делали до 188 якорей различного типа и веса — от трех до 336 пудов.

Готовые якоря грузили на барки и сплавляли вниз по Каме и Волге до села Переволоки. Здесь их перегружали на мелкие баржи, которые бурлаки тащили по притоку Волги — реке Камышинке — до истоков Иловки, впадающей в Дон. Зимой якоря перевозили на санях, а весной по Дону сплавляли их в Азовское и Черное моря.

...В Приморском парке Сочи установлен, как памятник, 180-пудовый якорь «деланный при Воткинском заводе». На плотине в Воткинске еще в 1840 году был установлен огромный якорь, обвитый цепями.

39 ветеранов «Авроры»

В тот исторический день, когда с легендарного крейсера «Аврора» прогремел выстрел, возвестивший миру о начале Великой Октябрьской социалистической революции, экипаж корабля насчитывал 570 моряков.

Сейчас в стране проживает 39 ветеранов крейсера революции. Бывший трюмный машинист «Авроры» Александр Самойлович Неволин живет в Киеве. Подполковник в отставке, он — автор книг «Здравствуй, «Аврора» и «Авроровцы». Бывший матрос «Авроры» Петр Николаевич Патрунов — почетный гражданин города Вологды. В Находке живет Артемий Петрович Махлай, в селе Сосновка Кемеровской области — Григорий Иванович Колмогоров.

Участники революции, активисты военно-патриотической и общественной работы, персональные пенсионеры, авроровцы живут в разных уголках страны. В Москве — Яков Кузьмич Товстыко и Иван Николаевич Подлuzский, в Кирове — Александр Иванович Бычков, в деревне Малое Стремление под Кингисеппом — Федор Антонович Цурган. В Ленинграде — Иван Алексеевич Назаров и Петр Иванович Гнилицкий, в Свердловске — П. Д. Дмитриев...

Колумб Российский

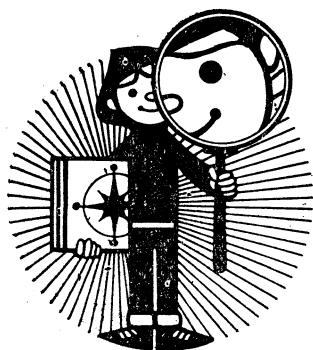
На острове Кадьяк (Аляска) реставрирован памятник древней русской архитектуры — деревянный храм, построенный сибиряками-морепроходцами, пришедшими сюда, к эскимосам и индейцам, двести с лишним лет назад. Близ храма установлен мраморный бюст отважного русского человека, первопроходца и просветителя Григория Шелехова, которого Гавриил Державин назвал Колумбом Российским.

На Кадьяке Шелехов срубил школу, научил местных жителей выращивать овощи, ячмень. 12 молодых эскимосов направил в Россию учиться русской словесности и «морским наукам».

Григорию Ивановичу Шелехову поставлены памятники в Рыльске, где он

родился, в Иркутске. Его именем назван залив в восточной части Охотского моря, озеро на Аляске, пролив, отделяющий о. Кадьяк от Северной Америки. На той таежной тропе, что вела отважного сына России к Тихому океану, ныне стоит город Шелехов.

В 1791 году Григорий Шелехов опубликовал свой труд, посвященный странствованиям, путешествиям, пребыванию на Аляске. Одним из первых читателей книги был Александр Радищев. Его пользовался А. С. Пушкин, изучавший историю подвигов, совершенных отважными земле- и морепроходцами во славу России. Недавно этому редкому изданию вернули первоначальный вид реставраторы.

МИР

НА ЛАДОНИ

Арсеньевы и Дерсу

«Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера... Голд написан вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более «художественная»... В этом же письме В. К. Арсеньеву А. М. Горький писал: «У вас, вероятно, есть фотографии, книгу можно было бы иллюстрировать».

Книги с иллюстрациями появились — Арсеньев последовал совету Горького.

Во Владивостоке, где последние годы жизни работал В. К. Арсеньев, есть музей, носящий его имя. Большинство материалов об

Арсеньеве находится там. А сохранилось ли что-нибудь у близких писателя?

В Челябинске живет Владимир Владимирович Арсеньев — сын знаменитого путешественника. Сейчас он на пенсии.

В семейных альбомах В. В. Арсеньева хранится немало редких фотографий. Вот В. К. Арсеньев — блестящий юнкер, выпускник Петербургского училища. Выразительны фотографические изображения Дерсу. Во весь рост, в полном снаряжении у костра.

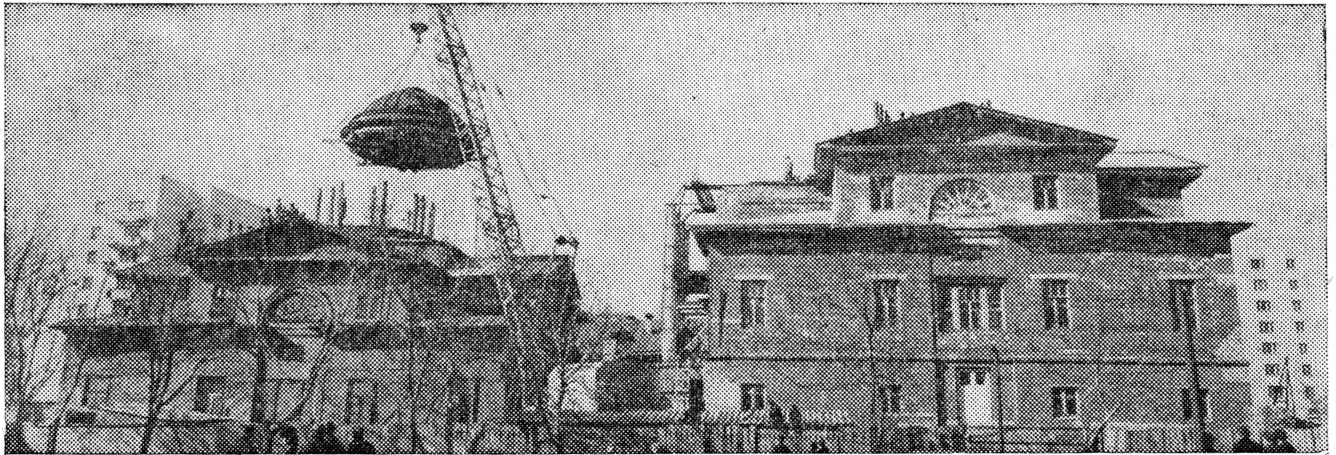
Призвание и младшего Арсеньева во многом опре-

делилось профессией его знаменитого отца. Сын ученого-исследователя Владимир Владимирович уже в раннем детстве полюбил природу. Жизнь свою Арсеньев-младший посвятил тайге, лесу. Лишь война, фронт, куда он ушел добровольцем, госпиталь на время отвлекли его от любимого дела. До ухода на пенсию он работал старшим лесничим в Находке.

Фильм «Дерсу Узала», поставленный Акирой Куро-

сава на киностудии «Мосфильм», имел большой успех в нашей стране и за рубежом. Он получил Главный приз Московского кинофестиваля и удостоен американской премии «Оскар». Владимир Владимирович смотрел фильм с особым чувством. Ведь этот мальчик в матроске — он сам, каким он был семьдесят лет назад. Все и так, и не так... Дерсу он помнит отлично — его сказки, его добрые глаза и руки...

Малаховский дом

Достопримечательность Свердловска — Малаховский дом под номером 173 на улице Луначарского, своеобразной архитектуры, с бельведером и лепными украшениями. Его построил для себя архитектор Екатеринбургских заводов М. П. Малахов. Талантливый зодчий, он принимал участие в возведении Казанского собора, Медико-хирургической академии и

других зданий в Петербурге.

Шли годы, здание обветшало. Улицу расширили, проложили трамвайные рельсы — пришлось снести колонны, парадный подъезд. Затем, при реконструкции дороги, ушел в землю первый этаж...

Как сохранить дом? Перенести на другое место? Но старый, деревянный, он не вынесет переез-

да. Снести? Жаль — это ценный архитектурный памятник.

Наладочное управление треста «Электроуралмонтаж», занимающее сейчас здание, предложило... построить новый дом Малахова, точную копию старого. Построить во дворе и не из дерева, а из кирпича и бетона — на века.

И вот встал дом — во всей своей первозданной

красе, такой, каким его задумал архитектор полтора века назад. По старым образцам началось изготовление лепных украшений.

Строители решили поставить на новое здание старый купол бельведера.

Скоро Малаховский дом справит свое второе новоселье.

Фото
Вадима Долганина

Пусть будет три мушкетера

Когда редактор парижской газеты увидел заглавие нового произведения Дюма «Атос, Портос и Арамис», он с ужасом воскликнул:

— Боже мой, что это такое?

— Это имена трех мушкетеров времен Людовика XIII, и я уверен, что они сделаются знаменитыми, — ответил писатель.

— С такими-то именами?

— А почему бы и нет!

— Вы ошибаетесь. Публика тут ничего не поймет. Ваши герои, вы говорите, три мушкетера? Так и назовите вашу книгу — «Три мушкетера».

— Но их четверо... Есть еще д'Артаньян.

— Вы обещаете троих, а дадите четырех. Публика не будет на это жаловаться. Так позвольте же зачеркнуть ваших «Атоса, Портоса и Арамиса», я возвещу «Трех мушкетеров»!

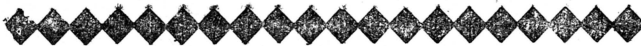
Так появилось название знаменитой книги.

«Ротатор» М. Перхина

В коллекции Оружейной палаты Московского Кремля сохранилось несколько произведений выдающегося мастера ювелирного дела Михаила Евлампиевича Перхина. Это — модели двух русских кораблей, вложенных в яйца из горного хрусталя и зеленого уральского камня — гелиотропа.

Шедевр ювелирного искусства Михаила Перхина — изящные настольные часы «Ротатор». Они сделаны в виде яйцевидной вазы с букетом лилий. Ваза из золота, покрыта желтой прозрачной эмалью и поставлена на постамент, на одной стороне которого мелкими алмазами выложена дата — «1899». Цветы лилий вырезаны из матового белого оникса, в пестики вставлены бриллианты. Тычинки и стельки сделаны из цветного золота.

Бело-эмалевое кольцо с римскими цифрами движется вокруг центра вазы и служит циферблатом, который разделен на часы и получасы. Стрела, выступающая из колчана, выполняет роль неподвижной часовой стрелки. На снимке: часы «Ротатор» М. Перхина.

Уральская горка в Ленинграде

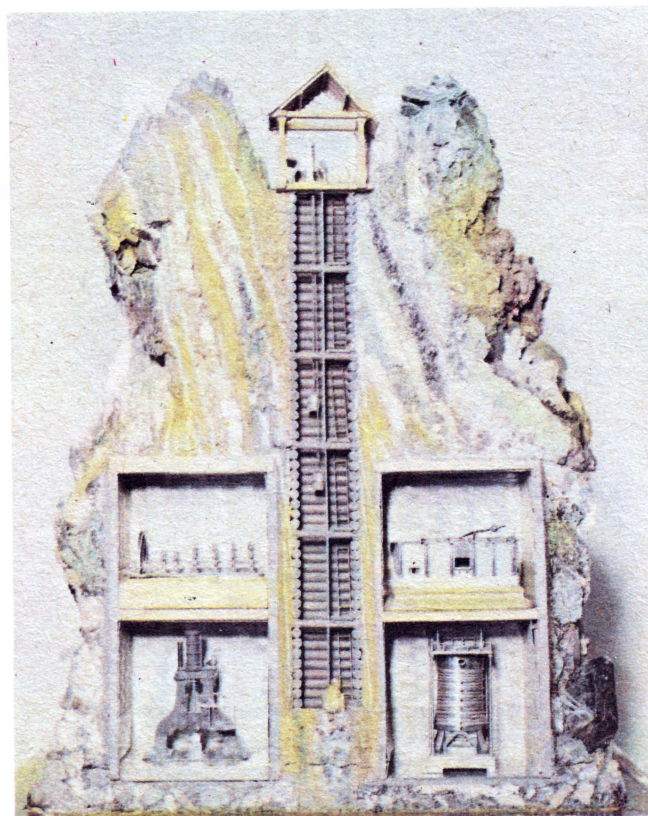
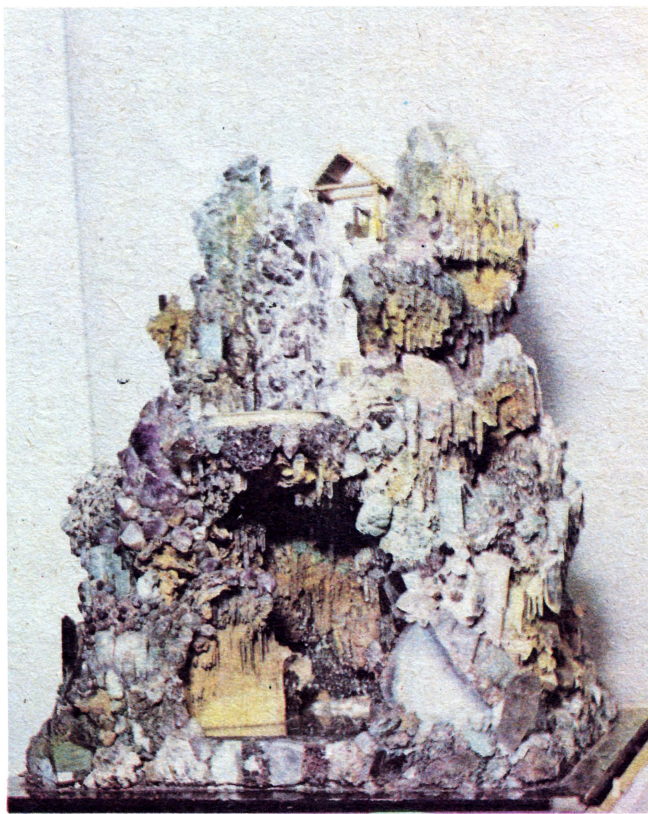
Редчайший дар природы — изумруд, гнезда бархатистых мурзинских аметистов, не знающих себе равных на мировом рынке, камень неба — лазурит, чистейшие аквамарины, друзы хрусталя и гранатов, турмалины различных тонов и оттенков, бериллы, малахит, яшмы и агаты — все 48 образцов самоцветов, слившихся в этой горке в многоцветную радугу, взяты из уральской земли.

С тыльной стороны горки — шахта в разрезе с бадьевым подъемом и так называемым людским ходком, в который спускались искатели самоцветов. По краям вертикального ствола — макеты прокатного стана, парового молота, разливочного ковша и сталеплавильной печи.

Горки, уникальные произведения искусства, — старинный, традиционно уральский промысел. Из Екатеринбурга они расходились по всему свету...

Большим мастером знаменитых екатеринбургских горок был известный живописец, камнерез и горщик А. К. Денисов-Уральский. В одном из залов Горного музея Ленинградского горного института хранится эта уникальная горка (см. снимки) — творение рук Денисова. Она была подарена художником горному инженеру А. А. Иоссе в 1889 году.

Об известном уральском живописце и камнерезе А. К. Денисове-Уральском «Уральский следопыт» писал в четвертом номере за этот год.

Уральский следопыт • уральский следопыт

...Двадцать второй век. Давно и прочно обосновались земляне на Марсе и на Венере, полным ходом идет освоение других планет Солнечной системы. Уже и на Титане, самом крупном из спутников Сатурна, вот-вот вырастет первый город — удивительное поселение с ледяным сводом вместо неба. Преображается, на глазах хорошеет и колыбель человечества — древняя Земля...

Ну, а само человечество? Заботясь о гармоничном развитии личности, делая все возможное, чтобы исключить из жизни человека или, по крайней мере, свести к минимуму все опасности, — не ударятся ли люди будущего в другую крайность, не утратят ли такие, несомненно, привлекательные качества, как смелость, находчивость, способность пойти на риск во имя высокой цели? И что делать в этом случае тем, кто порывист, горяч, юношески нетерпелив, кто не может жить без опасностей и, как подчас считают окружающие, ухитряется искусственно создавать их всюду, где бы ни появился?

Нет, и в двадцать втором веке по-прежнему все непросто под счастливой звездой — Солнцем, и в двадцать втором веке по-прежнему труден путь к пониманию «прописных истин», к разрешению «вечных вопросов»...

Обо всем этом рассказывается в фантастической повести **Бориса ЛАПИНА**, которая так и называется — «Под счастливой звездой» — и которую мы предполагаем опубликовать в одном из первых номеров будущего года.

Среди других произведений, готовящихся к печати, — повесть **Бориса РОМАНОВСКОГО** о приключениях в далеком космосе, новая повесть **Геннадия ПРАШКЕВИЧА**, рассказы **Дмитрия БИЛЕНКИНА**, **Георгия ГУРЕВИЧА**, **Павла АМНУЭЛЯ**, **Виктора КОМАРОВА** и других фантастов. По-прежнему регулярно будет появляться в журнале «Калейдоскоп», на страницах которого будет проведена новая викторина по фантастике.

Уральский следопыт • уральский следопыт

ПОДПИСКА НА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРИНИМАЕТСЯ ПОВСЕМЕСТНО И ПРОВОДИТСЯ В ПРЕДЕЛАХ УСТАНОВЛЕННОГО ТИРАЖА.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ: РЕДАКЦИЯ ВОПРОСАМИ ПОДПИСКИ НЕ ЗАНИМАЕТСЯ. ЗА ВСЕМИ РАЗЪЯСНЕНИЯМИ ОБРАЩАЙТЕСЬ В МЕСТНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ «СОЮЗПЕЧАТИ». НАШ ИНДЕКС В КАТАЛОГЕ «СОЮЗПЕЧАТИ» — 73413. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 3 РУБ. 60 КОП.

1977